

ЧЕРНАЯ АФРИКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

የአፍሪካ ታሪክ

AFRIKA ZAMANI NA LEO
GESKIEDENIS VAN AFRIKA
HISTORIA YA AFRIKA
LISOLO YA AFRIKA
TAARIKHDA AFRIKA
TANTARAN' I AFRIKA
TARIHIN AFIRKA
UMLANDO NGE AFRIKA

Университет Дмитрия Пожарского

Коллектив авторов

**Черная Африка: прошлое и
настоящее. Учебное пособие
по Новой и Новейшей истории
Тропической и Южной Африки**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2016

УДК 23.63
ББК 63.3(6)

Коллектив авторов

Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки / Коллектив авторов — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2016

ISBN 978-5-91244-179-0

Авторский коллектив – сотрудники Института всеобщей истории РАН, Института Африки РАН и преподаватели российских вузов (ИСАА МГУ, МГИМО, НИУ ВШЭ) – в доступной и лаконичной форме изложил основные проблемы и сюжеты истории Тропической и Южной Африки с XV в. по настоящее время. Среди них: развитие африканских цивилизаций, создание и распад колониальной системы, становление колониального общества, формирование антиколониализма и идеологии африканского национализма, события, проблемы и вызовы второй половины XX – начала XXI в. Даны очерки истории 20 стран региона. Прослежены основные этапы отношений между Россией и Черной Африкой. В обширное приложение включены документы общеафриканского значения. Это первое российское учебное пособие по Новой и Новейшей истории Африки южнее Сахары, написанное коллективом авторов. Предназначено для студентов, учителей, преподавателей вузов и всех интересующихся Востоком. Снабжено библиографическим списком, хронологической таблицей, иллюстрациями и картами.

УДК 23.63
ББК 63.3(6)

ISBN 978-5-91244-179-0

© Коллектив авторов, 2016

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2016

Содержание

Введение	7
Часть I	13
§ 1. Политическая карта	13
§ 2. Население	18
§ 3. Экономика[8]	26
§ 4. Религии	31
§ 5. Культура	35
Часть II	37
Глава 1	37
§ 6. Западный Судан	39
§ 7. Центральный и Восточный Судан	42
§ 8. Эфиопия	44
§ 9. Восточная Африка	48
§ 10. Экваториальная Африка	51
§ 11. Юго-Западная Африка	52
§ 12. Южная Африка	53
§ 13. Мадагаскар	55
§ 14. Рабство, рабовладение и работорговля	57
Глава 2	61
§ 15. Колониальное проникновение	61
§ 16. Португальская колониальная империя в Африке	62
§ 17. Европейская экспансия в Южной Африке	68
§ 18. Колониальный раздел	79
Часть III	92
Глава 1	92
§ 19. Становление колониальных порядков после Первой мировой войны	92
§ 20. Вторая мировая война	104
§ 21. Изменение роли Черной Африки в мировой экономике и политике. Социально-экономические сдвиги	106
§ 22. Новые планы колониальной эксплуатации. Политические нововведения метрополий	107
§ 23. Колониализм и встреча культур	110
Глава 2	114
§ 24. Ранние антиколониальные войны	114
§ 25. Идеология раннего национализма	117
§ 26. Становление новых форм антиколониализма	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Черная Африка: прошлое и настоящее. Учебное пособие по Новой и Новейшей истории Тропической и Южной Африки

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР АФРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Под редакцией А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Авторский коллектив:

А. С. Балезин, А. Б. Давидсон, А. В. Воеводский, А. Л. Емельянов, Л. В. Иванова, И. В. Кривушин, М. С. Курбак, С. В. Мазов, А. Д. Саватеев, И. И. Филатова, Г. В. Цыпкин, Н. Г. Щербаков

Научные редакторы:

А. С. Балезин, С. В. Мазов, И. И. Филатова

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ А. Л. Рябинин, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИВИ РАН, руководитель Центра французских исторических исследований ИВИ РАН П. П. Черкасов

Введение

Эта книга – об истории и сегодняшнем дне Черной Африки. Иначе этот регион называют Африкой южнее Сахары или Тропической и Южной Африкой.

Почему не обо всем континенте? Так уж сложилось исторически, что страны Северной Африки – Алжир, Египет, Ливия, Мавритания, Марокко и Тунис – со времен арабского завоевания (в VII–VIII вв. и. э.) стали частью арабского мира и входят в сферу интересов арабистов. Африканисты же занимаются остальной Африкой. Конечно, это не значит, что не существует общеафриканских проблем, Африка пытается их решать совместными силами, в частности, в рамках Африканского Союза, объединяющего все страны Черного континента. Связи между двумя регионами континента существовали всегда, но история Южной и Тропической Африки сильно отличалась от истории северной части континента.

Почему о прошлом и настоящем? Настоящее тревожит. Черная Африка входит в число самых неблагополучных регионов мира. Накопившийся там огромный конфликтный потенциал превращается во все более взрывоопасную смесь. Затяжные гражданские войны, многочисленные межгосударственные, этнические, религиозные конфликты, слабость централизованной государственности, вопиющая отсталость и бедность, огромное число беженцев, рост исламского фундаментализма и черного расизма – далеко не полный перечень бед, которые переживает Африка южнее Сахары. Этот регион – мощный генератор «волн нестабильности», которые благодаря глобализации достигли даже России.

Мы, коллектив авторов, специалистов-африканистов, убеждены, что сегодняшнюю Африку невозможно понять без знания не только ее колониального, но и доколониального прошлого.

Карта 2.

Итоги колониального раздела Африки. 1914 г.

Карта 3.

Региональная карта Африки. 2015 г.

Карта 4.

Политическая карта Африки. 2015 г.

В названии книги упоминается Новое и Новейшее время. Определение этих понятий вызывает между историками бесконечные споры. Мы начинаем «новый» этап в истории Африки с Великих географических открытий, рубежа XV–XVI вв., когда Черный континент все больше и больше становился частью единого мира, а «новейший» – с начала XX в., когда Черная Африка оказалась необратимо привязанной к мировой экономике и политике колониальными захватами.

Мы видим своими читателями образованных людей, интересующихся историей, но не являющихся африканистами. Полагаем, что книга будет полезным пособием для студентов, изучающих историю, и для специалистов-историков, занимающихся не только Востоком, но и общеисторическими проблемами.

Объем учебника не позволил нам охватить все проблемы истории и сегодняшнего дня Африки, все африканские доколониальные и современные государства. Мы старались сосредоточиться на главном и наиболее типичном. Рассмотрели и социальную историю, и политическую, затронули историю культуры и литературы Африки, особое внимание уделили

истории связей России и Черной Африки. В книге есть и страновые разделы, и региональные, и общеафриканские. Переключка и пересечение материалов при таком подходе неизбежны. Мы не считаем это недостатком. Наоборот, одно и то же событие, представленное в разных главах под разными углами зрения (например, о колонизации и об антиколониализме), показано более многогранным.

Отбор документов для документального приложения был сложным по причине их большого количества, и нами были выбраны главные. В России вышло несколько публикаций источников по истории Черной Африки, основные из них указаны в библиографии. Почти все авторы этой книги участвовали в таких публикациях, так как они много работали с источниками, в том числе и архивными. Авторский коллектив почти исключительно принадлежит к африканистской школе академика А. Б. Давидсона, одной из главных черт которой как раз является опора на первоисточники. Принадлежность к одной научной школе, как мы считаем, дает нам преимущество целостного взгляда на историю Черного континента. Его мы и предлагаем нашим читателям.

Именно под редакцией Давидсона еще в 1989 г. был издан первый в нашей стране учебник по истории Тропической и Южной Африки. Он охватывал период с 1918 по 1988 гг., и многие из нас участвовали в его написании¹. В нынешнем веке вышло уже несколько учебников по Новой и Новейшей истории Черного континента – от курса лекций А. С. Балезина² до трехтомника А. Л. Емельянова³. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. В этой книге мы постарались приумножить первые и по возможности избежать вторых.

А. С. Балезин, С. В. Мазов, И. И. Филатова

¹ История Тропической и Южной Африки. 1918–1988 гг. М., 1989.

² Балезин А. С. Тропическая и Южная Африка в Новое и Новейшее время: люди, проблемы, события. Учебное пособие. М., 2008.

³ Емельянов А. Л. Новая история Африки южнее Сахары. Учебное пособие. М., 2009; *Он же*. Колониальная история Африки южнее Сахары. Учебное пособие. М., 2011; *Он же*. Постколониальная история Африки южнее Сахары. Учебное пособие. М., 2011.

Часть I

Общие сведения

§ 1. Политическая карта

В политическом отношении Тропическая и Южная Африка (этот регион называют также Черной, или Субсахарской, Африкой) представляет собой совокупность государств, расположенных на Африканском континенте к югу от Сахары, а также на прилегающих островах. В настоящее время в состав Тропической и Южной Африки входят 48 независимых государств и 3 зависимые территории. Регион делится на 4 субрегиона: Восточная (18 государств и 2 зависимые территории; 8 млн 868 тыс. км²; 394 млн чел.), Западная (16 государств и 1 зависимая территория; 5 млн 113 тыс. км²; 340 млн чел.), Центральная (9 государств; 6 млн 613 тыс. км²; 133 млн чел.) и Южная Африка (5 государств; 2 млн 676 тыс. км²; 60,6 млн чел.).

Восточная Африка делится на 5 зон: Южнонильскую, Африканский Рог, Великие Африканские озера, Юго-Восточную Африку и острова Индийского океана.

В Южнонильскую зону входят Республика Судан (1 млн 886 тыс. км²; 40,2 млн чел. в 2015 г.) со столицей Хартум и Республика Южный Судан (620 тыс. км²; 12,3 млн чел. в 2015 г.) со столицей Джуба.

Зона Африканского Рога включает Федеральную демократическую республику Эфиопия (1 млн 104 тыс. км²; 99,5 млн чел. в 2015 г.) со столицей Аддис-Абеба, Государство Эритрея (118 тыс. км²; 6,4 млн чел. в 2014 г.) со столицей Асмара, Республику Джибути (23 тыс. км²; 810 тыс. чел. в 2014 г.) со столицей Джибути и Федеральную республику Сомали (638 тыс. км²; 10,8 млн чел. в 2014 г.) со столицей Могадишо, большую часть территории которой занимают самопровозглашенное государство Сомалиленд со столицей Харгейса (бывшее Британское Сомали), а также автономные образования Пунтленд (на северо-востоке Сомали), Государство центральных областей (в центральной части страны), Джубаленд и Юго-Западное государство (на юге).

К зоне Великих Африканских озер относятся Республика Кения (581 тыс. км²; 45 млн чел. в 2014 г.) со столицей Найроби, Объединенная Республика Танзания (945 тыс. км²; 51,8 млн чел. в 2014 г.) со столицей Додома, Республика Уганда (241 тыс. км²; 36,8 млн чел. в 2013 г.) со столицей Кампала, Республика Руанда (26 тыс. км²; 11,3 млн чел. в 2015 г.) со столицей Кигали и Республика Бурунди (28 тыс. км²; 11,2 млн чел. в 2015 г.) со столицей Бужумбура.

Юго-Восточная Африка включает Республику Мозамбик (802 тыс. км²; 24,7 млн чел. в 2014 г.) со столицей Мапуту, Республику Малави (118 тыс. км²; 16,6 млн чел. в 2014 г.) со столицей Лилонгве, Республику Замбия (753 тыс. км²; 16,2 млн чел. в 2015 г.) со столицей Лусака и Республику Зимбабве (391 тыс. км²; 13 млн чел. в 2012 г.) со столицей Хараре.

В зону островов Индийского океана входят Республика Мадагаскар (587 тыс. км²; 22,4 млн чел. в 2014 г.) со столицей Антананариву, Республика Маврикий (2 тыс. км²; 1,3 млн чел. в 2014 г.) со столицей Порт-Луи, Республика Сейшельские о-ва (459 км²; 92 тыс. чел. в 2012 г.) со столицей Виктория, Союз Коморских о-вов (2,2 тыс. км²; 744 тыс. чел. в 2013 г.)

со столицей Морони и заморские департаменты Франции Майотта (374 км²; 227 тыс. чел. в 2015 г.); административный центр Мамудзу) и Реюньон (2,5 тыс. км²; 845 тыс. чел. в 2013 г.) с административным центром Сен-Дени.

Западная Африка делится на 3 зоны: Гвинейскую, Западный *Сахель* и острова Атлантического океана.

В Гвинейскую зону входят Республика Сенегал (197 тыс. км²; 13,6 млн чел. в 2013 г.) со столицей Дакар, Республика Гамбия (10,7 тыс. км²; 1,9 млн чел. в 2013 г.) со столицей Банжул, Республика Гвинея-Бисау (36 тыс. км²; 1,7 млн чел. в 2014 г.) со столицей Бисау, Республика Гвинея (246 тыс. км²; 11,6 млн чел. в 2014 г.) со столицей Конакри, Республика Сьерра-Леоне (72 тыс. км²; 6,2 млн чел. в 2013 г.) со столицей Фритаун, Республика Либерия (111 тыс. км²; 4,5 млн чел. в 2015 г.) со столицей Монровия, Республика Кот д'Ивуар (322,5 тыс. км²; 23,9 млн чел. в 2014 г.) со столицей Ямусукро, Республика Гана (238,5 тыс. км²; 27 млн чел. в 2014 г.) со столицей Аккра, Тоголезская республика (57 тыс. км²; 7,6 млн чел. в 2015 г.) со столицей Ломе, Республика Бенин (115 тыс. км²; 10,9 млн чел. (2015 г.) со столицей Порто-Ново и Федеральная республика Нигерия (924 тыс. км²; 182 млн чел. в 2015 г.) со столицей Абуджа.

Западный *Сахель* (зона между пустыней Сахара и Суданской саванной) включает Республику Мали (1 млн 240 тыс. км²; 15,8 млн чел. в 2014 г.) со столицей Бамако, Буркина-Фасо (274 тыс. км²; 17,3 млн чел. в 2014 г.) со столицей Уагадугу, Республику Нигер (1 млн 267 тыс. км²; 17,1 млн чел. в 2012 г.) со столицей Ниамей, а также Исламскую республику Мавритания (1 млн 31 тыс. км²; 4,1 млн чел. в 2015 г.) со столицей Нуакшот, которую порой считают частью Северной Африки.

К зоне островов Атлантического океана относятся Республика Кабо-Верде (4 тыс. км²; 525 тыс. чел. в 2015 г.) со столицей Прая и британская заморская территория о-ва Св. Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья (394 км²; 7,7 тыс. чел. в 2014 г.) с административным центром Джеймстаун.

В состав **Центральной Африки** входят Республика Ангола (1 млн 247 тыс. км²; 24,4 млн чел. в 2014 г.) со столицей Луанда, Республика Камерун (475 тыс. км²; 22,5 млн чел. в 2013 г.) со столицей Яунде, Центральноафриканская Республика (ЦАР) (623 тыс. км²; 4,7 млн чел. в 2014 г.) со столицей Банги, Республика Чад (1 млн 284 тыс. км²; 13,7 млн чел. в 2015 г.) со столицей Нджамена, Демократическая республика Конго (ДРК) (2 млн 345 тыс. км²; 81,7 млн чел. в 2015 г.) со столицей Киншаса, Республика Конго (342 тыс. км²; 4,7 млн чел. в 2014 г.) со столицей Браззавиль, Республика Экваториальная Гвинея (28 тыс. км²; 1,2 млн чел. (2015) со столицей Малабо, Габонская республика (268 тыс. км²; 1,7 млн чел. в 2014 г.) со столицей Либревиль, Демократическая республика Сан-Томе и Принсипи (964 км²; 190 тыс. чел. в 2014 г.) со столицей Сан-Томе.

Южная Африка включает Республику Намибия (826 тыс. км²; 2,1 млн чел. в 2011 г.) со столицей Виндхук, Республику Ботсвана (582 тыс. км²; 2,2 млн чел. в 2014 г.) со столицей Габороне, Южно-Африканскую республику (ЮАР) (1 млн 221 тыс. км²; 55 млн чел. в 2015 г.) со столицей Претория, Королевство Лесото (30 тыс. км²; 2,1 млн чел. в 2014 г.) со столицей Масеру и Королевство Свазиленд (17 тыс. км²; 1,1 млн чел. в 2015 г.) со столицами Лобамба и Мбабане.

Все ныне суверенные страны Черной Африки, за исключением Либерии, в прошлом являлись зависимыми территориями Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Португалии и Испании. Раньше других (1931) суверенитет обрела ЮАР (до 1961 г. – Южно-Африканский Союз). В 1942–1944 гг. восстановила свою государственность Эфиопия, захваченная Италией в 1936 г. Основная же волна деколонизации пришлась на вторую половину 1950-х – вторую половину 1970-х гг.; последними получили независимость Зимбабве (1980) и Намибия (1990⁴).

Государства Тропической и Южной Африки унаследовали свои границы от колониального периода. Эти границы оставались нерушимыми в течение всего периода холодной войны. Однако после ее окончания на карте Восточной Африки появились два новых государства – Эритрея (1993) и Южный Судан (2011), отделившиеся, соответственно, от Эфиопии и Судана, правда, первая утвердилась в границах бывшей Итальянской Эритреи.

Африканские страны, за исключением Сомали и Эфиопии, от своих бывших европейских метрополий или мандатариев унаследовали также государственные языки; кроме того, Руанда к числу своих официальных языков, помимо французского, добавила английский, Экваториальная Гвинея, помимо испанского, – французский и португальский, Сейшельские о-ва, помимо английского, – французский и основанное на французском местное креольское наречие. В то же время некоторые государства придали официальный статус арабскому (Мавритания, Чад, Судан, Джибути и Коморские о-ва) или местным африканским языкам (Уганда – суахили, Мадагаскар – мальгашскому, Бурунди – кирунди, Руанда – киньярванда, Свазиленд – свати, Коморские о-ва – шима-сива, ЮАР – зулу и еще восьми языкам⁵, а Зимбабве – ньянджа и еще четырнадцать).

Большинство государств Черной Африки – светские. Государственная религия существует только в четырех странах: в Джибути (ислам), Мавритании, Сомали и на Коморских о-вах (ислам суннитского толка).

В период независимости для стран Черной Африки были характерны авторитарные тенденции. Вот почему подавляющее большинство из них до сих пор имеет унитарное государственное устройство и президентскую или полупрезидентскую форму правления. Федерациями являются шесть стран: Судан (1956), Нигерия (1963), Коморские о-ва (1975), Эфиопия (1995), Южный Судан (2011) и Сомали (2012); парламентскими республиками – пять: ЮАР (1961), Ботсвана (1966), Эфиопия (1991), Маврикий (1992), Сомали (2012), причем в ЮАР и Ботсване президент возглавляет правительство, в отличие от традиционных парламентских республик. Кроме того, конституционная парламентская монархия, при которой король сохраняет чисто церемониальные функции, утвердилась в Лесото (1966–1986 и с 1993 г.). В то же время в Свазиленде сохранилась абсолютная монархия (2005)⁶.

В политических условиях Тропической и Южной Африки роль формальных институтов, установленных конституцией, нередко не соответствует их реальному значению. Хотя преобладавшая в эпоху холодной войны в этом регионе модель однопартийного государства сохранилась сейчас только в Эритрее (Народный фронт за демократию и справедливость – единственная и правящая партия с 1993 г.), для половины современных стран региона свойственна политическая система с одной доминирующей партией: для большинства государств Центральной (Ангола, Габон, Камерун, Республика Конго, Чад, Экваториальная Гвинея), Восточной (Джибути, Зимбабве, Мозамбик, Руанда, Сейшельские о-ва, Судан, Танзания, Уганда, Эфиопия, Южный Судан) и Южной Африки (Ботсвана, Намибия, ЮАР) и

⁴ Хотя формально ООН ликвидировал мандат ЮАР на управление Намибией еще в 1966 г.

⁵ В том числе африкаанс, созданному на базе нидерландского языка.

⁶ Согласно традиции, в Свазиленде существует диархия: власть делят король («лев») и королева-мать («слониха»), однако в действительности последняя не обладает никакими реальными политическими полномочиями.

для двух стран Западной (Гамбия, Того). Дольше остальных пребывали у власти Габонская демократическая партия (с 1958 г.), Демократическое объединение камерунского народа (с 1960 г.), танзанийская Чама Ча Малиндужи (с 1961 г.), Конголезская партия труда (в 1963–1992 и с 1997 г.), Ботсванская демократическая партия (с 1965 г.) и Объединение тоголезского народа (с 1969 г.).

Все государства Черной Африки – члены ООН и Африканского Союза. Бывшие колонии Франции и Бельгии, а также Гана, Сейшельские о-ва, Экваториальная Гвинея, Кабо-Верде, Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи входят в Международную организацию франкофонии; бывшие британские колонии (кроме Гамбии, Зимбабве, Судана, Южного Судана и Сомали), а также Намибия, Мозамбик и Руанда – в Содружество наций; бывшие португальские колонии – в Содружество португалоязычных стран; государства Западной Африки (кроме Ганы, Либерии и Кабо-Верде), а также Чад, Камерун, Габон, Судан, Джибути, Сомали, Уганда, Мозамбик и Коморские о-ва – в Организацию исламского сотрудничества. Не существует специфической региональной организации, объединяющей все африканские страны к югу от Сахары. Интеграция осуществляется в большей степени на субрегиональном, в основном на экономическом уровне: государства Центральной Африки и Бурунди образуют Экономическое сообщество стран Центральной Африки (1983), страны зоны Великих Африканских озер – Восточноафриканское сообщество (1967–1977 и с 2000 г.), государства Южной и Юго-Восточной Африки, а также Ангола, ДРК, Мадагаскар, Маврикий и Сейшельские о-ва – Сообщество развития юга Африки (1992), государства Западной Африки, кроме Мавритании, – Экономическое сообщество стран Западной Африки (1975).

Постколониальная эпоха стала для Тропической и Южной Африки периодом острых внутривнутриполитических конфликтов. Большинство вспыхнувших в конце 1980-х-1990-е гг. гражданских войн к настоящему времени прекратились, однако до сих пор продолжают гонимые Армии сопротивления Господа в Уганде (с 1987 г.), вооруженный конфликт в Сомали (с 1991 г.), который в 2009 г. эволюционировал в партизанскую войну исламистских группировок против центрального правительства, и этнические столкновения в Дарфуре на западе Судана (с 2003 г.). С июля 2009 г. развернуло борьбу против центрального правительства Нигерии джихадистское движение «Боко харам», в декабре 2012 г. началась гражданская война в ЦАР между режимом президента Ф. Бозизе и коалицией повстанцев-мусульман «селека», переросшая в межконфессиональный конфликт между мусульманами («селека»), с одной стороны, и христианами и анимистами (милиция «антибалака»), с другой; в декабре 2013 г. вспыхнула гражданская война в Южном Судане между режимом президента С. Кипра и отрядами повстанцев из народности нуэр.

Политическую ситуацию в регионе осложняют и межгосударственные территориальные конфликты. Самый острый из них – пограничный спор между Суданом и Южным Суданом из-за нефтеносных районов Абьей и Кафия-Кинги и городов Хеглиг, Джау и Кака; он недавнего происхождения. Однако подавляющее большинство современных территориальных конфликтов является следствием произвольной делимитации границ в колониальный период. Прежде всего, спор между Эфиопией и Сомали – из-за области Огаден, между Эфиопией и Эритреей – из-за города Бадме, района Буре и селения Заламбесса, между Эритреей и Джибути – из-за области Рас-Думейра на побережье Красного моря, между ДРК и Угандой – из-за острова Рукванзи на озере Альберта, между Малави и Танзанией – из-за островов в заливе Мбамбо на озере Ньяса, между Свазилендом и ЮАР – из-за части юаровской провинции Мпумаланга. Другую категорию территориальных конфликтов представляют конфликты, вызванные притязаниями независимых африканских государств на отдельные стратегически важные зоны, над которыми бывшие метрополии продолжают удерживать контроль. Мадагаскар, Маврикий и Сейшельские о-ва претендуют на оставшиеся под властью Франции необитаемые острова Эпарсе (разбросанные вокруг Мадагаскара), Комор-

ские о-ва – на французский заморский департамент Майотта, Маврикий – на удерживаемый Великобританией архипелаг Чагос в Индийском океане.

§ 2. Население

Формирование этнолингвистической карты. Несмотря на продолжающиеся среди ученых разногласия и появление все новых и новых данных, подавляющее большинство специалистов-палеоантропологов сходится на том, что и предки современного человека, и *Homo Sapiens*, и *Homo Sapiens Sapiens*, появились в Африке. Самые древние останки *Homo Sapiens Sapiens* были обнаружены на территории современной Эфиопии. Их возраст – 195–200 тыс. лет.

Отсюда, из Африки, *Homo Sapiens Sapiens* расселился по всему миру. Дату «исхода» пока установить не удалось: результаты различных генетических исследований дают очень широкий временной разброс – от 50 до 120 тыс. лет назад, а некоторые археологические данные противоречат генетическим. Однако генетика не оставляет сомнений в том, что исходная группа, покинувшая континент, была невелика и однородна. Этим и объясняется значительно большее генетическое, физическое и лингвистическое разнообразие населения Африканского континента по сравнению с населением других регионов мира.

Здесь и необыкновенно высокие нилоты с иссиня-черным цветом кожи, и совсем низкорослые сан (прежде их называли бушменами) с желтовато-коричневой кожей и монголоидными чертами, и светлокожие фульбе с европеоидными чертами. Но физическое сходство или отличия – самый неточный и политически скомпрометированный способ определения какой бы то ни было группы населения. Поэтому африканские народы определяют в основном по языковому признаку.

Судя по древнейшим египетским письменным и изобразительным свидетельствам о жителях Африки южнее Сахары, несколько тысяч лет назад этот регион, как и сейчас, был населен темнокожими народами. Но какими именно и какое отношение они имеют к народам, населяющим континент сейчас, судить трудно. Исключение здесь – все те же сан, до сих пор живущие в пустынных районах ЮАР и Намибии. Их предки мигрировали сюда из центральных и восточных районов Африканского континента около 140 тыс. лет назад. Это означает, что предки сан и близких к ним народов, населявшие южную оконечность Африканского континента, вплоть до широт Великих озер, были самым древним автохтонным населением этой части континента. Сан были охотниками и собирателями, жили небольшими общинами и не имели вождей. В пещерах по всему Югу Африки они оставили наскальные рисунки и петроглифы, изображающие зверей, ритуальные сцены, охоту, войну и т. д. Рисунки эти сходны по типу с наскальными росписями в оазисах Сахары и пещерах Франции, но в Тропической и Южной Африке это единственный подобный источник. Самым ранним из этих изображений 27 тыс. лет.

Около 2000 лет назад на юге континента, в районе современной Ботсваны, появились первые скотоводы – предки койкой (кои, койкоины или готтентоты). Их ДНК также содержит элементы, характерные для первоначального населения континента, но кроме того, и элементы ДНК евразийского происхождения и даже некоторые элементы ДНК неандертальцев. Эти элементы унаследованы от людей, которые вернулись в Африку из Европы около 3000 лет назад.

Койкой говорили на языках, родственных языкам сан, и, продвигаясь на юг, смешивались с ними. К I в. и. э. койкой достигли мыса Доброй Надежды. Физический облик койкой и сан сходен, но культурные и лингвистические различия сохраняются до сих пор. Койкой жили большими группами и были первым народом этого региона, у которого появилась социальная иерархия и неравенство.

Появление в этой части континента земледелия и орудий железного века связывают с распространением сюда народов, говоривших на языках банту. Около полутора тысяч лет

до и. э. они начали распространяться с территории современного Камеруна, возможно, из-за высыхания и расширения Сахары. Это была не совсем миграция, скорее постепенное распространение бантуязычного населения по южной части материка, длившееся столетиями. Шло оно двумя потоками. Один двигался вдоль побережья Атлантического океана и достиг современной Намибии. Движение этой группы на юг остановила пустыня Намиб. Другие группы, расселившись в долине реки Конго, к 1000 г. до и. э. достигли Великих Озер. Из района современной Танзании они двинулись к югу тремя путями: на территорию современной Замбии, на территорию современного Зимбабве через Малави и на территорию современной южноафриканской провинции Квазулу-Натал через Мозамбик. К 300 г. и. э. бантуязычное население достигло восточного побережья современной ЮАР, распространившись затем по всей восточной и центральной части территории страны. Потомками первой волны этой миграции стали коса.

Банту были высокоорганизованными народами с развитой социальной иерархией и вождями, и именно они дали начало первым государственным образованиям в этой части континента. Их отношения с сан и койкой были сложными: предки коса были куда лучше вооружены, чем койкой и сан, и теснили их к западу, воевали с ними, но одновременно и сосуществовали, обменивались различными товарами и продуктами, смешивались и перенимали языки друг друга. Среди наскальных росписей сан есть немало изображений низкорослых, вооруженных луками и стрелами сан, бегущих от вооруженных копьями гигантов – банту.

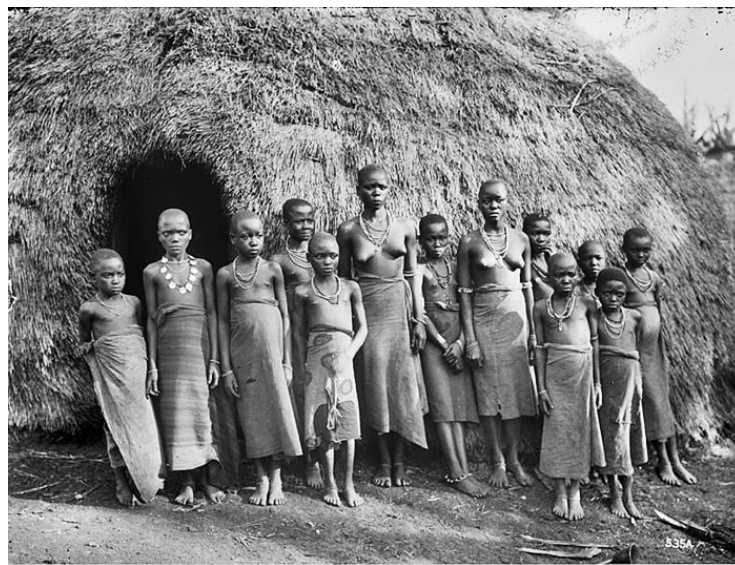
Вопрос о том, когда именно банту пересекли Замбези и особенно Лимпопо, до недавнего времени был политическим. В 1652 г. на мысе Доброй Надежды была основана Капская колония. С начала XX в. (т. е. в начале этнографических исследований) потомки голландских колонистов – африканеры – начали утверждать, что на территории ЮАР они появились раньше банту или, по крайней мере, одновременно с ними. Так они доказывали свое право на территорию страны (сан и кой в расчет, очевидно, не принимались). Исследования, противоречившие такой интерпретации истории, подавлялись. С концом режима *апартхейда* дата прибытия банту на территорию современной ЮАР начала отодвигаться все дальше вглубь веков.

Этническая картина к северу от широты Великих озер и до пустыни Сахары в регионе, называемом Суданом, сложна и запутанна. ДНК живущих там народов также содержит некоторые элементы, характерные для первоначального населения континента, но иного, чем ДНК сан. Историки полагают, что когда-то во всей западной части Судана преобладали народы, говорившие на бантоидных языках, сходных с языками банту, но сейчас эти языки немногочисленны и сохранились только в центральной части Западного Судана. К северу от них распространены нило-сахарские языки (например, сонгаи в среднем течении р. Нигер), на которых говорило население средневековых государств Западного Судана, нигер-конголезские языки (например, бамана в Мали и Сенегале, ашанти и фанти на юге Ганы, йоруба и игбо на западе и востоке южной части современной Нигерии), а также афразийские языки, самым крупным из которых является язык хауса на севере современной Нигерии. Эти языки близки к языку берберов Северной Африки и населения древнего Египта – свидетельство того, что говорящие на них народы мигрировали на юг в результате высыхания Сахары.

Здесь не было единого потока крупных миграций. Численность населения росла в годы с хорошими погодными условиями и уменьшалась в годы засухи или других стихийных бедствий. Отдельные группы двигались хаотично, селясь в местах, которые можно было защитить и где была вода. Местами разнообразие языков здесь так велико, что жители деревень, расположенных совсем рядом, не понимают языка друг друга. Вдоль побережья Гвинейского залива живут народы, говорящие на гвинейских языках, родственных бантоидным, но сильно от них отличающихся.

Этнолингвистическая ситуация в Восточном Судане еще сложнее. На протяжении столетий этот район страдал от набегов арабских работорговцев и междоусобных войн. Чересполосица языков и их многочисленность заставляют думать, что более или менее крупные группы населения были раздроблены здесь в результате хаотичной миграции с запада и севера. Одна из самых многочисленных языковых групп этого региона – нилотекая. Среди народов, говорящих на языках этой группы, – туркана, масаи, календжин, луо.

Сейчас нилоты населяют верховья Нила и резко отличаются от своих соседей и языком, и физическим обликом. Они мигрировали сюда с севера: египетские памятники сохранили изображения, сходные с их обликом. Двигаясь на юг, часть из них достигла района Великих озер и покорила жившие там народы банту. Постепенно эта группа смешалась с местным населением и переняла его язык, но сохранила свой физический облик. Это смешанное население стало этнической базой государств Межозерья.

Девушки народа чагга. Германская Восточная Африка, 1906/1918 гг.

Многие народы Северо-Восточной Африки – современных Эфиопии, Эритреи и Сомали – говорят на языках кушитской группы, принадлежащей к афразийской языковой семье, но языки амхара, тигрэ и некоторых других народов Эфиопии – семитские. Эта группа появилась здесь в результате переселения на территорию нынешней Эритреи южноарабских племен. Они смешались с местным населением, но сохранили язык, хотя и подвергшийся сильной «кушитизации».

Сильное влияние арабского испытал один из языков Восточной Африки, суахили. По структуре он относится к группе языков банту, но в его вокабуляре множество арабских слов. Первоначально суахили был языком смешанного африканско-арабского населения городов-государств восточноафриканского побережья. Но постепенно, отчасти из-за работорговли, превратился в язык межплеменного общения всей восточной части континента.

Восточная и центральная часть самого большого острова Африки, Мадагаскара, заселена народом, говорящим на языке, близкородственном языкам Юго-Восточной Азии, и имеющим сходные с индонезийцами физические черты. В преданиях малагасийцев упоминается переселение с Востока, однако установить какие бы то ни было подробности этой миграции пока не удалось. На востоке острова преобладают группы, говорящие на языках банту, сходных с языками банту Мозамбика.

В Новое время большое воздействие на процесс этногенеза на континенте оказали такие события, как работорговля, формирование догосударственных политических образований и появление европейцев.

Одним из результатов трансатлантической работорговли явилась дестабилизация и дробление этнических групп в районах, служивших источниками поставки рабов. В Западной Африке это районы верхнего течения р. Вольта и слияния рек Нигер и Бенуэ, а в Центральной – район среднего и нижнего течения р. Касаи, притока Конго. Арабская работорговля в Северо-Восточной Африке оказала такое же воздействие на южные районы современного государства Судан, а в Восточной – на восточную часть современной Демократической Республики Конго, между оз. Танганьика и р. Луалаба, еще одним притоком Конго. В то же время необходимость сплотиться для защиты от работорговли или стремление участвовать в ней в качестве посредников способствовали консолидации некоторых прежде разрозненных кланов в хорошо организованные группировки, как это произошло с ньямвези на территории современной Танзании и яо на территории современного Мозамбика.

Появление в Африке португальцев привело к возникновению первых групп смешанного населения. В первую очередь это относится к району долины р. Замбези, где в XVII–XVIII вв. португальские поселенцы и потомки их браков с местными женщинами жили в своих поместьях, *празу*, полностью оторвавшись от метрополии и от колониальных властей. Они создавали свои вооруженные отряды – *чикунда* – и занимались торговлей и работорговлей. *Чикунда*, набранные из самых разных этнических групп, постепенно стали самостоятельным этносом, а *празейруи* – владельцы *празу* – дали начало смешанному населению Мозамбика.

Сходная картина складывалась и в Южной Африке, где с середины XVII в. браки голландцев с женщинами койкой (поначалу иногда официальные) и рабынями, привезенными из Индонезии, Индии, с Цейлона и с Мадагаскара, привели к появлению многочисленного цветного населения. Большая его часть проживает в южноафриканских провинциях Западный и Северный Кейп, но часть мигрировала в другие районы. К концу XVIII в. несколько групп койкой и потомков рабов покинули Капскую колонию и поселились в районе слияния рек Оранжевой и Вааль. Это были кора (корана), бастеры (которые позже переименовали себя в гриква) и бергенаар, ставшие самостоятельными этническими группами. Бастеры откочевали сначала в южные районы Намибии, и часть из них поселилась там среди нама, одной из групп койкой. Смешавшись с местным населением, они дали начало группе урлам. Бастеры носили голландские имена, и именно они впервые называли себя «африканерами» – африканцами.

Самые крупные миграции, переселения и войны, приведшие в Новое время к заметным изменениям этнической карты Юга Африки, были связаны с возникновением и ростом зулусского *вождества* в юго-восточной части современной ЮАР в первой трети XIX в. Зулусский этнос возник в процессе объединения нескольких кланов, говоривших на языках северной группы нгуни, вокруг одного из них, далеко не самого крупного, – зулу. Процесс этот отнюдь не был добровольным: *вождество* создавалось в войнах и жестокой борьбе. Однако появившийся в результате зулусский этнос стал самой крупной и самой сплоченной этнической группой Южной Африки.

Расширение зулусского *вождества* привело к многочисленным вторичным миграциям. Так, поссорившись с Чакой, создателем зулусского *вождества*, один из полководцев зулусского войска, Мзиликази, увел своих воинов на север, в район нынешней провинции Хаутенг. Покая одних и смешиваясь с другими, полк Мзиликази разросся, стал самостоятельным этносом, ндебеле, и установил контроль почти над всей территорией Хаутенга. Ндебеле разорили все окружающее население и разбили проживавшие там кланы тсвана,

койкой и гриква. Однако в конце 30-х гг. XIX в. ндебеле двинулись дальше на север и расселились на юго-востоке нынешнего Зимбабве.

Другая группа нгуни, ндвандве, под руководством Звангендабы и Сошангане ушла из страны зулусов в начале 30-х гг. XIX в. Воины Сошангане осели в Мозамбике, а войско Звангендбы дошло до современной Танзании, покоряя местные народы и смешиваясь с ними. После смерти Звангендабы одни отряды его войска осели в центральной Танзании, другие повернули на юг, разными маршрутами достигли оз. Малави и осели к западу, востоку и югу от него. Еще один клан нгуни, отойдя к северу, образовал самостоятельный этнос, а затем и государство, – свази.

Особенно пострадали от набегов зулусов и ндебеле народы, говорившие на языках тсвана и сото, населяющие северо-восточную часть нынешней Южно-Африканской Республики. Часть южных сото отошла в Драконовы горы и основала там свое государство (теперь Лесото), успешно воевавшее не только с зулусами, но и с европейцами. Но большинство соседних с зулусами кланов были разбиты. Одни перестали существовать, и остатки их смешались с другими группами; другие, сталкиваясь с гриква, кора, тсвана и между собой, продвигались к западу и югу и превращались в мигрирующие военные банды, а то и просто мародерствующие толпы. К середине 30-х гг. XIX в. около 50 тыс. из них достигли территории южных нгуни и расселились среди них в качестве прислуги, работников и прочего зависимого люда. Они образовали первый слой нового этноса – финго, или мфенгу, тяготевшего к миссионерам и стремившегося найти себе применение в Капской колонии.

Рейды зулусов на юго-запад привели к их столкновению с самой западной группой южных нгуни – мпондо, отступивших под их натиском за р. Мзимкулу. Наступление зулусов с северо-востока, прибытие финго с севера и расширение колонии с запада ограничили территорию южных нгуни и привели к столкновениям их кланов и переделу их границ. Миссионеры канонизировали язык южных нгуни, дав ему название одной из их групп, коса, что не способствовало, однако, консолидации этого народа и созданию единого *вождества*. Клань коса до сих пор считают себя отдельными народами.

К началу колониального периода на территории современной Южной Африки сложились три основные группы народов банту: в западной части северо-востока сото-тсвана (южные – сото, западные – тсвана, северные – ловеду и педи); относительно немногочисленные венда на севере и шангаан на границе с Мозамбиком; и самая крупная группа – нгуни – на юге. Северные нгуни – это *ндвандве, мтетва* и др., на базе которых возник этнос зулу; южные нгуни – коса, тембу, пондо, финго и др.)

Выходцы из Голландии стали важным этническим элементом Юга Африки в Новое время. Их обособлению в отдельный этнос способствовали несколько факторов: смешение с койкой, поглощение новых переселенцев-гугенотов из Франции, неизбежное «вбирание» потомков рабов, развитие языка африкаанс (африканского) на базе голландского, но под воздействием местных условий и новых этнических элементов, а также английская колонизация, оторвавшая их от метрополии. Поначалу элита именovala себя голландцами, а простой народ – бурами (по-голландски – крестьянами). Постепенно самоназвание «буры» перешло на весь народ. С развитием африкаанс к концу XIX в. буры стали называть себя африканерами (африканцами) и осознали себя самостоятельной нацией.

Расселение буров с территории Капской колонии шло на протяжении всего XVIII в., когда отдельные фермеры или фермерские семьи уходили со своим скотом и рабами все дальше вглубь страны. Крупномасштабная миграция, названная «великим треком» и приведшая к созданию нескольких самостоятельных бурских государств в разных регионах Южной Африки, произошла в 1836–1840 гг.

В 90-е гг. XX в. на территорию ЮАР началась миграция выходцев из других стран Черной Африки, чаще всего нелегальная. Это были в основном зимбабвийцы, малавийцы,

конголезцы, нигерийцы и сомалийцы. Наибольшее число среди них – зимбабвийцы, около 3 млн, по оценочным данным. Расселились зимбабвийцы и в другие соседние страны, прежде всего, в Ботсвану и Намибию.

С конца XX в. резко возросло и число мигрантов из стран Тропической и Южной Африки в Европу. Их численность в европейских странах оценивается примерно в 3,5 млн, значительную часть составляют женщины и дети. Почти четверть мигрантов является беженцами, что намного выше среднемирового показателя. Это свидетельствует о том, что главной причиной миграции являются тяжелые условия жизни во многих странах континента

Большая часть мигрантов из Черной Африки живет во Франции (сенегальцы, малийцы), Великобритании (нигерийцы, ганцы, сомалийцы), меньше – в Германии (ганцы, камерунцы), Италии (ганцы, сенегальцы, эритрейцы), Испании (сенегальцы, нигерийцы, выходцы из Кабо-Верде), Бельгии (руандийцы, выходцы из ДРК, камерунцы), Португалии (выходцы из Кабо-Верде, Анголы, Гвинеи-Бисау, Сан-Томе и Принсипи). Франкоязычные африканцы более склонны мигрировать во Францию, что обусловлено и постколониальными связями, и языковыми проблемами в других европейских странах. У англоязычных мигрантов выбор шире.⁷

Современная демографическая ситуация. Африка – второй после Азии континент по численности населения. По оценкам Всемирного банка, численность населения Африки Южнее Сахары в 2014 г. составляла чуть менее миллиарда человек. К 2050 г. население этого региона должно увеличиться более чем вдвое, до 2,2 млрд чел.

Страны региона, как и этнические группы, резко различаются как по численности, так и по темпам прироста населения. Страны с самым большим населением – это Нигерия, Эфиопия, Демократическая республика Конго, ЮАР. Страны с самым маленьким – Сейшель, Сан-Томе и Принсипи, Кабо-Верде, Джибути, Экваториальная Гвинея и Коморы.

В среднем, каждая женщина Африки южнее Сахары рождает больше пяти детей в течение своей жизни (каждая женщина в Европе – 1,6 детей, в Северной Америке – 1,9 детей). Однако в некоторых странах региона рождаемость значительно выше. В Нигере, например, на каждую женщину приходится 7,6 детей. Даже если этот показатель с течением времени снизится (а этот процесс постепенно идет), то все равно при отсутствии катаклизмов к 2050 г. население Нигера может увеличиться вчетверо.

Нигер, Уганда, Мали, Замбия, Буркина-Фасо, Эфиопия, Сомали, Бурунди, Малави возглавляют практически все статистические таблицы уровней рождаемости. Однако во многих из этих стран высока и смертность, поэтому распределение стран по показателям темпов роста населения несколько отличается от распределения по показателям уровней рождаемости. При разных методиках подсчета на первом месте оказывается Южный Судан (от 4,12 до 4,30 % в год). Примерно одинаковые темпы прироста населения в Малави, Бурунди, Нигере, Уганде, Эритрее (от 3,28 до 3,33 %). По статистике ООН, страны с самым низким приростом населения в Африке южнее Сахары – это ЮАР (0,55 %), Лесото (0,63 %), Зимбабве (0,95 %). Очевидно, что учитываются при этом только официальные статистические данные, а не число мигрантов, как легальных, так и нелегальных.

Чрезвычайно велики и различия в плотности населения региона. Самой густонаселенной страной является Маврикий (588 чел. на км²), самыми густонаселенными не-островными государствами – Руанда (281 чел. на км²) и Бурунди (229 чел. на км²). Плотность населения Нигерии – более 140 чел. на км², Эфиопии – 60 чел. на км², ЮАР – 36 чел. на км². Самые малонаселенные страны – Намибия (чуть больше 2,2 чел. на км²), Ботсвана (2,7 чел.

⁷ Материал о мигрантах из Тропической и Южной Африки в Европу предоставлен В. О. Черемисиновым.

на км²), Габон (4,6 чел. на км²), Центральноафриканская Республика (5,8 чел. на км²). Резкие различия в плотности населения объясняются географическими условиями: страны, территории которых располагаются в районах пустынь Калахари (Намибия и Ботсвана) и Сахара (например, Нигер и Чад, соответственно 15 и 10 чел. на км²) или тропических лесов (Габон, ЦАР) имеют самую низкую плотность населения. Конечно, население во всех странах очень неравномерно распределено по районам и городам.

Несмотря на то, что в Африке, казалось бы, достаточно незанятой земли, некоторые исследователи называют быстрый прирост населения «бомбой замедленного действия» и призывают срочно принять меры, чтобы обеспечить продовольствием будущие поколения: далеко не вся земля пригодна к обработке, и даже там, где почвы вполне плодородны, при нынешних методах их обработки земля не способна будет прокормить растущее в разы население. Проблема усугубляется и политической нестабильностью (от которой страдает, в том числе и сельскохозяйственное производство), и быстрыми темпами урбанизации.

По оценкам ООН, в 1950 г. городское население Африки южнее Сахары составляло всего около 20 млн чел., или от 10 до 15 % населения этого региона. С начала 70-х гг. прошлого века процесс урбанизации в регионе стал самым быстрым в мире с приростом городского населения в 5 % в год. К 2014 г. горожане составляли более 40 % населения региона.

Во многих странах большая часть городского населения проживает в одном городе страны. Так, 83 % городского населения Мозамбика приходится на столицу, Мапуту. В Дакаре, Ломе, Кампале и Хараре проживает, соответственно, 65, 60, 52 и 50 % городского населения Сенегала, Того, Уганды и Зимбабве. Крупнейшими городами не обязательно являются столицы. Нигерийский порт Лагос с населением, по разным данным, от 17 до 20 млн чел., является крупнейшим городом континента и одним из крупнейших городов мира. Процесс урбанизации не только взрывной, но и неконтролируемый. В таких условиях создать адекватную инфраструктуру и обеспечить население социальными услугами, продовольствием, или хотя бы элементарной санитарией чрезвычайно трудно.

Быстрый рост населения и ускорение процессов урбанизации означают также, что новым поколениям будет сложно получить образование, достаточное для активного участия в развитии экономики и для обеспечения себя устойчивым, а то и просто каким бы то ни было заработком. По официальным данным на 2013 г., уровень безработицы среди трудоспособного населения в Кении составляет 40 %, в Нигерии – 24 %, в Анголе и ЮАР – 25 %, в Намибии – 29 %. Однако неофициальные данные значительно выше. В Намибии, например, по разным подсчетам они колеблются между 50 и 80 %. Нужно учитывать при этом, что как официальные, так и неофициальные данные весьма неточны: подсчеты чрезвычайно затруднены отсутствием или ненадежностью статистических данных, трудностью учета скрытой безработицы и зачастую практической невозможностью учета безработицы в сельской местности.

Безработица среди молодежи в Африке особенно высока и в некоторых случаях даже по официальным данным превышает 50 % (ЮАР). Существующие экономические структуры не могут трудоустроить полуграмотных молодых людей. Молодежь с высшим образованием также зачастую не находит работы в своих странах, если ее квалификации не принадлежат к числу высоко востребованных профессий.

Большим разнообразием отличается население Африки южнее Сахары и по доходам на душу населения. Обычно более высокие показатели доходов на душу населения связаны с наличием в стране полезных ископаемых при низкой численности населения. Среди таких стран – крохотные Экваториальная Гвинея и Габон с внушительным экспортом нефти. Островные Сейшелы и Маврикий получают высокий доход на душу населения от туризма, а Маврикий стал и крупным финансовым центром. Расположенная в пустыне Калахари Ботсвана получает доходы как от алмазных месторождений, так и от туризма. Однако высокий

доход на душу населения во многих из «благополучных» в этом отношении стран, вовсе не означает благополучия их населения. Чаще всего за такими высокими показателями кроется крайнее неравенство в распределении доходов, а иногда и просто присвоение доходов правящими кланами.

§ 3. Экономика⁸

Африка южнее Сахары всегда была самым бедным регионом мира, и в доколониальные времена, и в годы колониализма, и после обретения африканскими странами независимости. Положение это сохраняется по сию пору. По оценкам Всемирного банка в 2013 г., внутренний валовой продукт Африки южнее Сахары составлял 2,4 трлн долл. (в том же году ВВП США составлял 16,8 трлн). Средний годовой доход на душу населения в регионе в 2013 г. составлял 1615 долл. – один из самых низких показателей в мире. Продолжительность жизни в Африке южнее Сахары – всего 56 лет. Даже начальным образованием охвачено только 70 % детей школьного возраста.

В 2013 г. ВВП на душу населения в регионе составлял 2 320 долл. – также один из самых низких показателей в мире. Конечно, этот показатель скрывает большие различия в доходах населения как по странам, так и внутри каждой страны. По данным Всемирного банка, самые высокие показатели ВВП на душу населения в регионе в 2013 г. были в Экваториальной Гвинее (33 720 долл.) на Сейшелах (24 189 долл.), в Габоне (19 260 долл.), на Маврикии (17 615 долл.), в Ботсване (15 674 долл.), в ЮАР (12 504 долл.), в Намибии (9 685 долл.) и в Анголе (7 538 долл.). Только эти страны попали в категорию стран со средне-высоким ВВП на душу населения. Но и здесь цифры обманчивы. В ЮАР, например, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными категориями населения – один из самых больших в мире.

Свазиленд (6 683 долл.), Кабо-Верде (6 412 долл.), Конго (Браззавиль) (5 867 долл.), Нигерия (5 601 долл.), Гана (3 974 долл.), Замбия (3 181 долл.), Кот-д’Ивуар (3 012 долл.), Камерун (2 711 долл.) и Лесото (2 586 долл.) открывают список стран со средне-низким ВВП на душу населения. В эту же группу входят Южный Судан, Сенегал, Кения, Чад. Все остальные страны Тропической и Южной Африки попадают в категорию стран с самым низким доходом на душу населения. На последних местах по показателю ВВП на душу населения в мире стоят Центрально-африканская Республика (604 долл.), Демократическая Республика Конго (747 долл.), Бурунди (771 долл.), Малави (780 долл.), Либерия (878 долл.).

Но Африка и необычайно богатый континент. На него приходится 60 % всей пригодной к обработке, но не обрабатываемой земли в мире и 30 % мировых минеральных ресурсов. Естественные ресурсы Африки южнее Сахары велики и чрезвычайно разнообразны. Здесь есть нефть и газ, алмазы, золото, серебро и платина, железная руда, хром, медь, кобальт, уран, бокситы, марганцевая руда и другие минералы. Экспортирует регион и ценные породы древесины и разнообразную продукцию сельского хозяйства: кофе, какао-бобы, пальмовое масло, чай, арахис, тропические фрукты.

Африканский континент занимает первое среди континентов место по запасам марганца, хромовых руд, бокситов, золота, платиноидов, кобальта, алмазов, фосфоритов, второе – по запасам меди, асбеста и урана. В основном месторождения этих минералов находятся в Африке южнее Сахары. Значительны в регионе также запасы нефти, газа, железной руды, титана, ванадия, никеля, лития, бериллия, тантала, олова, драгоценных камней. Велики и запасы угля.

Долгое время эти ресурсы приносили Африке мало выгоды. В течение столетий континент был поставщиком минерального сырья и других ресурсов для Европы и Америки. Ситуация не изменилась и после того, как африканские страны стали независимыми. Отсутствие собственного производства означало полную зависимость от колебаний как мирового

⁸ Статистические данные, приведенные в этом разделе, взяты из разных первоисточников, и установить корреляцию между ними не представлялось возможным.

рынка, так и погодных и климатических условий. В первые десятилетия после провозглашения независимости экономическое положение стран региона даже ухудшилось в результате политической нестабильности, войн, политических и этнических конфликтов и разграбления ресурсов местными элитами.

Но в 2000-е гг. ситуация начала меняться. Политическая стабилизация, хотя и относительная, начала приносить экономические дивиденды. По оценкам Всемирного банка, в 2013 г. Африка была самым быстро развивающимся континентом, по оценкам Международного валютного фонда, – вторым после Азии. Темпы роста внутреннего валового продукта Африки южнее Сахары составляли 5,6 %. С 2001 по 2010 гг. шесть стран с самыми высокими в мире темпами экономического роста находились в Африке. Экономисты полагают, что к 2023 г. темпы роста ВВП региона превысят 6 %, а к 2050 г. ВВП региона достигнет 29 трлн долл.

Конечно, неравенство очень велико и по этим показателям. Средний годовой рост ВВП Анголы с 2000 по 2012 гг. составлял 10,7 % (в 2007 г. он составил более 23 %), Нигерии – 7,5 %. Такой же показатель роста был у Чада, почти такие же показатели у Уганды и Руанды. Лишь у немногих стран средний годовой рост за десятилетие с 2002 по 2012 гг. был ниже 4 %. Среди них – ЮАР (3,4 %; в 2013 г. – 2,8 %), Гвинея, Гамбия, Мали, Бенин, Либерия, Ботсвана, Камерун, Габон, Центральноафриканская Республика, Мадагаскар. Но и их показателям Европа могла бы позавидовать. Отрицательные показатели роста были только у Южного Судана и Зимбабве.

В 2002 г. стоимость естественных ресурсов, экспортировавшихся с Африканского континента, составляла менее 100 млрд долл. В 2012 г. она достигла 450 млрд. Большая доля этого прироста приходилась на энергоносители. Объяснялось это многократным ростом цен на нефть и газ и последовавшим за этим увеличением объемов добычи и экспорта.

Добыча нефти и газа региона составляет лишь небольшую долю мировой добычи: соответственно 6,5 % и 3,2 %. Относительно невелики и разведанные запасы этих энергоносителей: 4,3 % и 3,3 % от мировых резервов. Но за последние 30 лет разведанные запасы нефти выросли на 120 %, и недавние открытия нефти и газа в Мозамбике, Танзании, Кении, Уганде и Гане позволяют думать, что таких открытий будет еще немало. Новые технологии добычи позволяют расширить разработку глубоководных нефтяных месторождений в территориальных водах. Такие месторождения уже открыты в Анголе, что значительно увеличивает запасы энергоносителей этой страны. Их разведка ведется в прибрежных водах Намибии и ЮАР. Замбия предполагает начать разведку нефтяных ресурсов в районе озера Танганьика.

Нефть экспортируют Нигерия, Ангола, Судан, Южный Судан, Экваториальная Гвинея, Конго (Браззавиль), Габон, Чад, Камерун, Кот-д'Ивуар и Демократическая Республика Конго. Для всех этих стран нефть – основная или значительная доходная статья бюджета. В Нигерии, самом крупном экспортере нефти в регионе и десятом по ее запасам в мире, экономика быстро диверсифицируется, и темпы роста других отраслей намного обгоняют темпы роста нефтяной индустрии. Но и здесь нефть дает 95 % доходов от экспорта, 15 % ВВП и 80 % доходов страны.

Золотой дождь нефтяных доходов не всегда был благословением для стран-экспортеров. Борьба за нефтяные месторождения неоднократно приводила к войнам и переворотам (Нигерия, Чад). С экспортом нефти, как и с экспортом других полезных ископаемых, связаны многочисленные коррупционные схемы. Восточные районы Демократической Республики Конго ежегодно дают миллиардные доходы как официальным компаниям, так и коррупционерам всех мастей. В то же время этот регион остается одним из самых бедных и самых нестабильных мест в мире.

Нефтяные доходы позволяют держаться у власти диктаторам. В 2003 г. Теодоро Обианг Нгема Мбасого, президент Экваториальной Гвинеи с 1979 г., объявил, что для предотвращения коррупционной практики служащих он берет на себя контроль над государственной казной. Более полумиллиарда долларов из казны было переведено на счета Нгема Мбасого и его семьи в одном из банков США. В 2004 г. на эти же счета поступило 300 млн. долл. от двух крупных нефтяных компаний. В 2006 г. только денежное состояние Нгема Мбасого оценивалось в 600 млн долл., и уже тогда он считался одним из самых богатых глав государств в мире.

Резкий рост объемов добычи и экспорта энергоносителей привел и к другим проблемам. Из-за нехватки и неэффективности нефтеперерабатывающих заводов, например, страны региона экспортируют сырую нефть. Это означает, что бензин им приходится закупать по мировым ценам, что, конечно, не способствует развитию собственной промышленности. Инфраструктура и оборудование далеко не всегда адекватны потребностям и возможностям стран-экспортеров. Нефтепроводы Чада, например, в таком плохом состоянии, что экспорт нефти из нескольких скважин прекращен. На разведку и освоение новых месторождений приходится привлекать иностранные капиталы.

Все это вовсе не означает, что рост экспорта энергоносителей, как и других полезных ископаемых, принес населению региона одни страдания. По оценкам Стэндард Банка (ЮАР), в 2013 г. 60 млн семей в Африке имели доход более 3000 долл., и число таких семей продолжает расти.

Нигерия использовала нефтяные доходы на улучшение инфраструктуры и создание стабилизационного фонда. Несмотря на высокий уровень коррупции, связанной с нефтедобычей и экспортом нефти в Анголе, страна переживала настоящий бум, прежде всего, в строительной сфере. В одном только 2012 г. доходы Замбии от горнодобывающей промышленности выросли на 25 %, и правительство объявило, что построит на эти средства две новые электростанции и три университета.

Одной из самых быстро растущих отраслей экономики Африки южнее Сахары является туристская индустрия. В 1990 г. регион посетили 6,7 млн туристов, в 2012 – 33,8 млн. В 2012 г. доходы от туризма составили 2,8 % от ВВП региона. По оценкам Всемирного банка, к 2021 г. в туристской индустрии региона будет занято 6,7 млн чел.

Ускорение темпов экономического роста привело и к росту благосостояния населения. Особенно разительны перемены в сфере коммуникаций. В 2003 г. контракты на мобильные телефоны имело 10 % населения Африканского континента. В 2013 г. такие контракты были у 80 % населения. Данные по интернет-связи начали фиксироваться только с 2004 г., практически с нуля. Но к 2013 г. каждые 60 семей из ста имели интернетную связь. Развивается банковское дело. Маврикий оказывает финансовые услуги не только для Африканского континента, но и за его пределами. В Кении с 2000 по 2013 гг. число людей, имеющих банковские счета увеличилось с 1 до 20 млн чел., а показатели невыплат банковских займов упали с 20 до 3 %.

Наиболее впечатляющим примером успешного использования доходов от экспорта является Гана. В стране идет диверсификация экономики, правительство ведет политику индустриализации. Гана экспортирует компьютеры, мобильные телефоны, автомобили. Здесь находится самая большая в Западной Африке телекоммуникационная компания. Развивается кораблестроение. Доля какао-бобов – некогда монокультуры Ганы – в экспорте падает, хотя Гана дает более 20 % их мирового производства. Правительство принимает активные меры для снижения уровня бедности и планирует выйти на уровень стран с высокими доходами к 2020 г.

Слабым местом такого в целом обнадеживающего экономического роста во многих странах континента является то, что он основан, прежде всего, на экспорте сырья. Про-

мышленная база большинства стран региона растет медленно. К тому же добыча и экспорт сырья узко специализированы по странам. На долю экспорта бокситов, например, приходится более 70 % экспорта Гвинеи. 80 % экспорта Замбии составляет медная руда; она же обеспечивает и более 90 % доходов страны от экспорта. Такая же узость экспортной базы характерна и для стран, экспортирующих сельскохозяйственную продукцию. Кофе дает 26,4 % доходов от экспорта Эфиопии. 50 % доходов от экспорта Кот-д'Ивуара приходится на кофе, какао и древесину. 80 % доходов от экспорта Танзании приходится на кофе, чай, хлопок, орехи кешью, сизаль и пиретрум. Зависимость африканских стран от колебаний цен на мировом рынке и от изменений климата сохраняется.

Падение цен на многие полезные ископаемые, в том числе на нефть, за последние годы поставило экспортеров в чрезвычайно сложное положение. Многие проекты пришлось закрыть или приостановить, стабилизационные фонды резко сокращаются.

Исключением из этого правила является ЮАР. В течение последнего десятилетия объем промышленного производства ЮАР снижался, особенно резко – в 2014–2015 гг. Тем не менее, страна все еще имеет развитую экономику, основанную не только на экспорте разнообразного минерального сырья, но и на высокотехнологичной промышленности и интенсивном сельскохозяйственном производстве. Несмотря на огромную безработицу (по официальным данным, 25 % рабочей силы, по оценочным, – 40 %), мало контролируемую иммиграцию из других африканских стран и растущее число непроизводительных ферм, до сих пор ЮАР полностью обеспечивала себя продовольствием. Страна производит и экспортирует, среди прочего, машины, станки, электронное, коммуникационное и прочее оборудование, продукцию химической промышленности и продукцию сельского хозяйства.

Страны региона используют разные модели экономического развития, и пока трудно судить, какая из них принесет лучшие результаты. В Эфиопии и Руанде, например, инициатива стимулирования экономического роста и борьбы с бедностью исходит от правительства – по китайскому образцу. Эфиопия – бедная страна, но результаты этой политики впечатляют. По официальным данным, рост ВВП Эфиопии составляет 11 % в год; по оценкам зарубежных экспертов, – до 7 %. Построены новые дороги. За последние два десятилетия в стране появилось 30 новых университетов. С 2000 г. детская смертность упала на 40 %. В деревнях, даже отдаленных, открываются школы и больницы.

Эфиопия стоит, однако, на одном из последних мест в Африке по охвату интернетной и мобильной связью. Причиной тому строгий контроль правительства за интернетными компаниями и содержанием интернетных потоков. Правительство контролирует также около 80 % фирм, формально считающихся частными. Это сдерживает инициативу, отпугивает инвесторов и ведет к технологическому отставанию.

В Кении развитие экономики идет на основе частной инициативы. Дороги в этой стране, в том числе и в столице, разбиты настолько, что по ним опасно ездить. Кения импортирует электроэнергию. Темпы роста ее ВВП далеко отстают от эфиопских. Однако большая часть населения страны пользуется мобильными телефонами, и каждый второй кениец – интернетом. Мобильной связью охвачены все города и большая часть сельской местности. В 2007 г. местная телефонная компания «Сафариком» ввела услугу «мобильный банк», и к 2012 г. треть всех операций, образующих ВВП Кении, осуществлялась через интернет. По расчетам Всемирного банка, с 2000 г. пользование различными услугами мобильной связи добавляло 1 % в год к росту национального продукта страны.

Главными торговыми партнерами стран Африки южнее Сахары (исключая ЮАР) в 2011 г. были Китай (15 % двухсторонней торговли), США (13 %) и Индия (6 %). Европейский Союз в целом все еще является крупным торговым партнером Африки южнее Сахары, но доля его быстро падает. Если в 1960 г. доля Великобритании в этой торговле составляла

более 25 %, Франции – 17 %, Германии – 7,5 %, то в 2011 г. доля Великобритании составляла 2,8 %, Германии и Франции – по 4 %.

Усиление экономических позиций Китая в Африке Южнее Сахары – самая заметная и значимая тенденция в развитии торговых связей региона. Китай заинтересован, прежде всего, в минеральном и энергетическом сырье, поэтому его позиции сильно разнятся по странам. Наиболее тесные торговые и инвестиционные связи Китай установил с Суданом и Южным Суданом, Нигерией, Замбией, Зимбабве и ЮАР. На долю Китая приходится половина экспорта ДРК.

Результаты усиления позиций Китая в Африке неоднозначны. Его сырьевые потребности, безусловно, способствовали росту горнодобывающей промышленности и экспорта региона. Однако снижение темпов развития экономики Китая, а вместе с ним и снижение спроса на минеральное сырье и энергоносители неизбежно сказывается на экономике Африканского континента. Кроме того, импорт дешевых китайских товаров подрывает позиции местного промышленного производства и ведет к росту безработицы. Так, импорт китайского текстиля уничтожил текстильное производство в ЮАР.

Во второй половине XX в. главной опасностью и главным препятствием для развития стран Африки южнее Сахары была политическая нестабильность. В XXI в. главной угрозой считается быстрый рост населения. При нынешнем уровне темпов развития сельского хозяйства невозможно будет обеспечить продовольствием будущие поколения. Значительные территории региона не используются, но большая доля сельского населения ведет натуральное хозяйство, и еще большая – экстенсивное. Если эта ситуация не изменится в ближайшие годы, новые политические потрясения неизбежны.

Наметившийся экономический рост Африки южнее Сахары весьма неустойчив. Его легко может обратить вспять не только нехватка продовольствия и падение цен на минералы и энергоносители, но и многие другие факторы. Среди них, например, природные катаклизмы (засухи, наводнения) и болезни. Эпидемия эболы, неизлечимого и чрезвычайно вирулентного заболевания, в результате которого в 2013–2015 гг. в Западной Африке погибло около 30 тыс. чел., показала, сколь велики препятствия на пути дальнейшего развития региона: она привела не только к гибели людей, но и к остановке экономической жизни в Либерии, Сьерра-Леоне и Гвинее.

§ 4. Религии

Разнообразие религий в Тропической и Южной Африке объясняется особенностями исторического развития отдельных регионов. В Восточной, Северо-Восточной и Западной Африке религиозная ситуация и отношение христианского и мусульманского населения, а также жителей, придерживающихся других верований, различаются от страны к стране. Юг Африканского континента представляет собой очень разноликий в религиозном плане регион: здесь можно найти исповедующих почти все мировые религии. Значительная часть населения стран Черной Африки придерживается, в основном в определенных жизненных ситуациях, традиционных местных верований, которые, в свою очередь, могут включать в себя элементы различных религий.

Менее столетия потребовалось для кардинального изменения религиозной ситуации в Африке южнее Сахары. В 1900 г. христиане и мусульмане были религиозными меньшинствами, в то время как основную часть населения составляли последователи традиционных верований. Число мусульман увеличилось с 11 млн в 1900 г. до 234 млн в 2010 г. (что составляет 15 % от общей численности мусульман в мире). За тот же период число христиан увеличилось с 7 млн до 470 млн чел. (21 % христиан в мире). При этом общая численность населения в Африке в целом увеличилась вдвое с 1982 по 2009 гг. и в четыре раза с 1955 по 2009 гг., к 2013 г. население Африки составляло около 1,1 млрд чел. (15 % населения мира).

Христианство. История христианства в Африке насчитывает около двух тысяч лет. С 1 в. н. э. христианство начинает проникать на африканский континент через северные районы – территории современных Египта и Судана. Коптская православная церковь была основана, по преданию, апостолом Марком в 42 г. В начале IV в., при правителе Эзане, христианство становится официальной религией государства Аксум. Тогда же основывается эфиопская ортодоксальная (православная) церковь. С VII в. по мере распространения вглубь Африканского континента ислама (через арабских торговцев-мусульман) позиции христианства значительно ослабевали. Однако с XV в. вместе с европейскими путешественниками и торговцами в Африке появляются католические миссионеры. С середины XIX в. вместе с колониальной экспансией миссионерская деятельность резко активизировалась. Римско-католической церковью создаются специальные ордена и миссионерские общества (Белые отцы, Общество африканской миссии и др.). Несмотря на усилия христианских миссионеров по лечению больных и обучению местного населения грамоте, успеху христианизации африканцев в значительной степени мешала рознь между отдельными направлениями христианства. Немаловажное значение имела «практичность» традиционных африканских религиозных представлений, их неразрывная связь с общественным устройством и противостояние новой религии, которая предпринимала попытки разрушить привычное мировосприятие. Более того, связь новой для африканцев религии – христианства – с рабовладением, работорговлей и колониализмом была очевидной.

К 1910 г. только 9 % населения Африки было христианским, из них 80 % христиан приходилось на Эфиопию, Южную Африку, Египет и на Мадагаскар. К 1970 г. численность христиан в Африке возросла до 38,7 %, в 2010 г. достигла 48,3 % общей численности населения. С 1970 г. по 2010 г. общая численность христиан в Африке возросла с 44,9 млн до 197 млн чел. На Юге Африки христианство упрочивает свои позиции. Мусульманское сообщество в основном представлено иммигрантами и их потомками, а также потомками привезенных сюда из мусульманских стран рабов (так называемыми «капскими малайцами» или «цветными»). Численность христиан в Южной Африке возросла с 78 % населения в 1970 г. до 85 % в 2010 г., с ожидаемым приростом до 90 % к 2020 г.

В настоящее время последователи англиканской церкви и протестанты составляют большинство среди христиан главным образом в Нигерии, католики – в Демократической Республике Конго, православные христиане в Эфиопии. По общей численности католики составляют наибольшую часть христианского населения стран Африки.

Христианство в Черной Африке отличается многообразием форм исповедания: от древних форм восточной православной церкви в Эфиопии и Эритрее до сравнительно недавно учрежденных афрохристианских синкретических религий.

Афрохристианство. Они представляют собой организации, которые откололись от западных церквей и создали свою догматику, свои ритуалы, обряды и нарративы, сочетающие традиционные элементы верований и культов с элементами христианства. Афрохристианские церкви и религиозные объединения распространены во всех регионах Тропической и Южной Африки. Эти организации часто были выразителями антиколониальных настроений и являлись своеобразной формой протеста против религиозно-духовного порабощения. Таковы, например, кимбангисты – последователи Симона Кимбангу в бывшем Бельгийском Конго (существует с 1921 г.) или Андре Матсвы в бывшем Французском Конго и др. Некоторые синкретические церкви довольно влиятельны и многочисленны (насчитывают по несколько сот тысяч приверженцев). Синкретические африканские религии возникли в результате взаимопроникновения местных традиционных верований и религиозных убеждений, принесенных извне, – христианства и ислама. В случаях, когда последним не удалось полностью разрушить систему традиционных верований, появлялись синкретические религии с элементами как христианства, так и ислама и местных традиционных африканских верований.

Изначальной целью афрохристианских культов был пересмотр догматов христианства в соответствии с менталитетом и верованиями африканских народов, стремление создать своеобразное «чёрное христианство». Африканцам было непонятно, как принципы равенства, добра и справедливости, провозглашаемые в качестве основных постулатов христианскими проповедниками, могли соответствовать колониальным захватам. Афрохристиане обвиняли белых в искажении Святого писания и полагали, что действительным богоизбранным народом являются чернокожие африканцы. Иерусалим и Священная земля, по их мнению, располагались в Африке.

Ислам. Ислам проник в Африку южнее Сахары двумя путями – с востока и с севера. Из Египта, главным образом усилиями арабских торговцев-кочевников, исламское влияние с XI в. распространялось в трех направлениях: через Красное море в Восточную Африку, по Нилу – в Судан и через пустыню Сахара – на запад. В Восточной Африке связь с мусульманской Аравией была постоянной, развивались торговые отношения, мусульманскими проповедниками распространялись идеи ислама среди местных жителей, детей местной знати посылали учиться в коранические учебные заведения.

С открытием португальцами морского пути вокруг Африки основные центры торговли рабами, слоновой костью и золотом переместились из Центральной Африки на западное побережье. На восточном побережье португальцы уничтожили мусульманские города-государства, стремясь монополизировать торговлю через Индийский океан.

Однако торговые и культурные связи с исламским миром сохранились. Арабский язык по-прежнему использовался в качестве письменного языка, сохранились исламские религиозные братства, продолжали работать мусульманские писцы и законоведы. Ислам не процветал в этих регионах, но продолжал укреплять свои позиции. К тому же среди служащих колониальных войск также были мусульмане.

Немногие африканские правители-мусульмане сопротивлялись колониализму и решались на открытую вооруженную борьбу или хиджру (переселение в области, недоступные колонизаторам). Многие выбирали сотрудничество и приспособление. Приверженцы одного

и того же направления ислама в одних странах могли сотрудничать с колониальными властями (например, в Алжире, где так делали члены *тарикиата* тиджания, считавшие себя избранными и противопоставлявшие себя ортодоксальному суннитскому исламу), в других противостояли им (та же тиджания в Западной Африке).

В целом политика колониальных властей по отношению к мусульманскому населению была направлена на «усовершенствование» их религиозных взглядов. Под этим подразумевалось указание на ошибочность взглядов мусульман, занимавших антиколониальные позиции, и подрыв народной веры в них. На местах назначались *кади* (судьи), получившие образование за границей и лояльные колониальной администрации.

Среди мусульманского населения современной Африки распространен главным образом ислам суннитского направления. Суннизм представлен всеми четырьмя мазхабами – религиозно-правовыми школами: маликитским, шафиитским, ханбалитским и ханифитским. Преобладающее большинство мусульман западноафриканских стран придерживается маликитского мазхаба, восточноафриканских – шафиитского, в Южной Африке потомки выходцев с полуострова Индостан являются сторонниками ханифитского, а капские цветные – шафиитского мазхабов. Значительную роль среди мусульман играют суфийские ордена (или братства), которых в Африке насчитывается несколько десятков. Духовные главы некоторых из этих братств оказывают большое влияние на политическую жизнь в ряде африканских стран.

Южная Африка представляет наименее изученный регион в Африке в связи с исламом. В этот регион ислам был принесен выходцами из Азии, с его влиянием здесь пыталась бороться голландская Ост-Индская компания. Долгое время мусульмане Юга Африки существовали изолированно от мусульманского мира, причем, как показал Южноафриканский индийский мусульманский конгресс, мусульмане Натала не сотрудничали с мусульманами Кейпа, а индийцам, арабам и афганцам вовсе не разрешалось вступать в Южноафриканскую мусульманскую ассоциацию.

В настоящее время в Африке численность мусульман-суннитов значительно превосходит численность шиитов. Ислам исповедует свыше 40 % населения Африки. Около половины приверженцев ислама (47,2 %) сосредоточено в странах Северной Африки, причем в Египте проживает более пятой части африканских мусульман. В Западной Африке мусульмане составляют свыше 33 % населения, половина из них проживает в Нигерии. В Восточной Африке сосредоточено менее пятой части мусульманского населения. Там они составляют около 31 % жителей.

Исследования показывают, что 1/3 африканских мусульман верят в воссоздание мирового халифата еще при своей жизни. Отчасти этим объясняется восстановление в некоторых странах Африки – яркий пример Сомали – мусульманской системы управления государством и введение шариата как вполне эффективного способа решения экономических и политических проблем в стране. Африканский ислам не статичен и постоянно изменяется под воздействием социальных, экономических и политических причин.

Иудаизм. Иудаизм исторически связан с Африкой – об этом есть свидетельства в Ветхом Завете (исход евреев из Египта). Возможно, распространение иудаизма в этом регионе было реакцией на политеизм в Египте. Иудаизм исповедуют около 270 тыс. жителей Африки, мистра – евреи Северной Африки (свыше 100 тыс.) и фалаша – представители одной из многочисленных этнических групп Эфиопии (около 30 тыс.). В ЮАР проживают потомки этнических евреев, бежавших от Холокоста.

Индуизм. Индуизм начал проникать в Африку с индийскими моряками, которые торговали на восточном побережье, однако позже индийских торговцев начали вытеснять португальские купцы. Фактически пустить корни индуизм смог только с расширением владений Британской империи. С 1860-х гг. англичане начали привозить в Южную Африку индийских

контрактников-индуистов для работы на плантациях сахарного тростника в Натале. За 50 лет этой практики в страну прибыли около 150 тыс. индийцев. Подавляющее большинство осталось там навсегда и стало основой разраставшегося индуистского населения. Кроме того, множество индийских солдат на службе Британии осели в Южной и Восточной Африке; там же находятся и наиболее крупные сообщества индуистов (ЮАР, Танзания, Кения, Замбия, а также Зимбабве, Сомали и Ботсвана). Например, в Лагосе (Нигерия) в 1993 г. насчитывалось около 25 тыс. индуистов, в основном новообращённых и прибывших из уже независимой Индии.

Традиционные религии. К африканским традиционным религиям обычно относят фетишизм, анимизм, тотемизм, культ предков и т. и. В отличие от мировых религий, африканские традиционные религии не имеют единых религиозных текстов, их религиозные нормы не фиксируются в писаниях. Численность адептов традиционных религий определить невозможно: к традиционным культам обращаются как христиане, так и мусульмане в определенных жизненных ситуациях, например, при необходимости провести лечение традиционными методами у местных целителей. Этим объясняется стойкость местных африканских верований независимо от степени проникновения мировых религий в африканские страны.

Существенное место в жизни африканских народов занимает культ предков. Некоторые историки даже считают культ предков наиболее характерной, «типичной» религией Тропической и Южной Африки. Объектом почитания, как правило, бывают прародители семьи, рода, племени и т. д., которым приписываются сверхъестественные способности творить как добро, так и зло. Вера в то, что умершие оказывают влияние на жизнь своих потомков и служат гарантами их земного благополучия, является характерной чертой большинства традиционных религий Африки. Обряды, совершаемые в честь ушедших сородичей, занимают едва ли не самое заметное место в культовой практике многих африканских народов. Распространены в Африке также культы сил природы и стихий. В автохтонных традиционных религиях Африки большое место занимают ритуалы, церемонии, обряды и т. и., которые обычно связываются с различными этапами жизни человека.

§ 5. Культура

Ныне никто не оспаривает вклад африканских народов в сокровищницу мировой культуры. Прежде всего, это касается так называемой африканской деревянной пластики – различных фигурок людей и животных, вырезанных из дерева. Существует множество стилей этого вида скульптуры, самый известный – стиль маконде, происходящий от названия одного из восточноафриканских народов. Это, как правило, вырезанное из черного дерева изображение целой грозди лиц, олицетворяющее собой общину. Широко известны также африканские маски самого разного назначения и размера, причем к дереву, из которого они, как правило, делались, могли добавляться различные материалы вплоть до человеческих волос. Символику масок отличало исключительное многообразие: они могли изображать предка, доброго или злого духа, мифологический сюжет или даже представления о сотворении и структуре мира. Например, маска канага западноафриканского народа догон, имевшая несколько метров в высоту, представляла собой изображение космического дерева, символизирующего космогонические представления этого народа.

Искусной резьбой по дереву зачастую украшались табуреты, притолоки, рукоятки ножей, копий и топоров, подставки для стрел; некоторые народы Африки славились своим ювелирным искусством, в частности, уникальные ажурные медные и серебряные изделия, золотые украшения создавали мастера в разных частях континента. В Западной Африке искусно выполненные небольшие бронзовые фигурки играли роль гирек для взвешивания золота. А бронзовые барельефы государства Бенин в Западной Африке настолько впечатлили европейцев, что при колониальном захвате этого государства они отдирали целые панно со стен дворца правителя и увозили их в Европу.

Отдельные народы славились своими ткацкими изделиями, отличавшимися красивой расцветкой и орнаментами, например, народ хауса в Западной Африке. Ткани народа баконго (запад Экваториальной Африки) получили известность еще в начале Нового времени – тонкие и мягкие, они были похожи на бархат и шелк. Славился своими шелковыми тканями ламба и тканями из волокон рафии рабана, имитирующими переливы окраски змеиной кожи, Мадагаскар. Некоторые народы изготавливали необычайно красивые плетеные изделия: одежду, сосуды, циновки и даже стены хижин. Материал для плетения окрашивался в различные цвета, и при плетении получались красочные узоры.

Интересны были и архитектурные сооружения, главным образом общественные здания – дворцы, храмы. Например, в Западной Африке был выработан «суданский стиль»: прямоугольные в плане глинобитные постройки с наклонными стенками, украшенными множеством зубцов. Такие постройки часто украшались скульптурами, раскраской стен или циновками с геометрическим узором. Подлинными шедеврами архитектуры были многие постройки в городах-государствах восточноафриканского побережья: Кильва-Кисивани, Пате, прекрасно сохранившийся до наших дней старый город Занзибар и др. Они поразили еще первых европейцев, увидевших эти города в конце XV в.

Музыка и танцы всегда занимали важное место в жизни африканцев. Они изготавливали и множество различных музыкальных инструментов. Помимо барабанов, это были флейты, рожки и множество других.

Африка дает примеры самых разных живописных жанров – от древних наскальных фресок до иконописи Эфиопии, где христианство было принято еще в IV в. На Мадагаскаре к концу XIX в. получила развитие портретная живопись.

Практически все африканские народы создали богатый фольклор. У некоторых народов создатели или носители различных фольклорных жанров составляли особую касту. Таковы были, например, *азмари* – бродячие барды – у народа амхара в Эфиопии или *гриоты*

– сказители устной истории у народов мандинго в Западной Африке. В Восточной Африке высокого художественного уровня достиг фольклор суахилийской цивилизации, давший разнообразные жанры: от небольших лирических стихотворений машаири до исторических хроник и религиозно-философских поэм тензи. На стыке устной и письменной традиций возникли исторические хроники городов-государств восточноафриканского побережья. О мировом признании богатства фольклора народов Южной Африки свидетельствует, в частности, издание в Санкт-Петербурге еще в 1873 г. книг «Эпос и легенды готтентотов» и «Сказки и предания зулусов».

Большинство африканских народов были в доколониальную эпоху бесписьменными, однако некоторые использовали арабскую графику, как, например, народ суахили в Восточной Африке. Другие создавали свою письменность, например, *аджами* у народа хауса Западной Африки или алфавит народа амхара Эфиопии.

У некоторых народов Африки в доколониальные времена возникла и книжная традиция. Так, первые книги на языке гэыз (древнеэфиопском) были опубликованы еще в XVII в., а в XIX в. получило развитие книгопечатание в государстве Имерина на острове Мадагаскар.

Часть II

История Тропической и Южной Африки в новое время

Глава 1

Формы социальной организации и государственности

В Новое время, как, собственно, и ранее, социальная организация народов Африки южнее Сахары отличалась пестротой. Наряду с крупными по местным масштабам государствами существовала так называемая «первобытная периферия» – народы, не создавшие иных социальных структур, кроме общинно-родовых. При этом большую роль играл географический фактор – плодородие почв, близость к очагам цивилизации и пр. Новое время в Африке – это период миграций, формирования народов, населяющих Африку сейчас, и государственности.

Обобщить все многообразие социальных структур доколониальной Африки в Новое время просто невозможно, однако мы попытаемся их классифицировать.

Прежде всего, следует отказаться от понятия «племя». Многие специалисты показали, что классического племени в африканской реальности Нового времени не существовало. Основной ячейкой африканского общества была и остается *община*, а все остальные структуры являются разными формами объединения *общин*.

Однако *община* возникла не сразу. Начальной стадией социальной организации была так называемая *локальная группа*, состоявшая из парных семей и насчитывавшая 25–50 человек. Это была непрочная структура, срок ее жизни – не более одного года. Все члены *локальной группы* имели внутри нее равные права и обязанности, хотя ролевые функции молодежи и стариков, мужчин и женщин были различны. Лидер такой группы – человек, обладавший наибольшими личными способностями. Он первым шел по тропе, руководил всеми сторонами жизни своей группы. Единственный рычаг власти, которым он обладал, был престиж.

Следующая структура – *семейно-клановая группа*, потомки общего предка. Наиболее часто встречающаяся в Африке форма такой группы – большая патриархальная семья. Во главе ее стоит наследственный старейшина, обладающий в силу возраста наибольшими знаниями и опытом. Старейшина распределяет весь продукт, который создается внутри семьи.

Община представляет собой, как правило, объединение нескольких таких групп. Первоначально *общину* населяют родственники, ведущие свое происхождение от общего предка, и она представляет собой клан, или, у скотоводческих народов, *крааль*. Во главе общины стоит общинный лидер, как правило, избираемый. При этом определяющим в выборе общинников является не имущественное положение кандидата, а его личные достоинства. Правда, избирается старейшина общины из привилегированных групп старших по возрасту, главной привилегией которых являются знания и опыт. Именно совокупность таких практически самодостаточных *общин*, говорящих на одном языке и восходящих к общему предку, часто называют племенами. На самом деле более корректно в данном случае говорить об этнической группе.

Надобщинные структуры, то есть объединения общин, возникали первоначально временно, в случае опасности. Их возглавлял человек, обладавший в глазах большинства авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности. Возникновению более прочных надобщинных структур способствовал ряд причин, среди них экологические фак-

торы (рациональное использование пастбищ, других хозяйственных угодий, долин рек и пр.) и необходимость объединения для ведения войн с соседями. Лидером такого объединения *общин* становился, как правило, глава одной из них.

Таким образом, в объединении *общин* выделялась «лучшая» *община*, из которой и выдвигались надобщинные лидеры. Структуру такого типа называют *конический клан*, поскольку в ней существует неравенство между «основной» и «боковыми» ветвями. В *коническом клане* власть лидера становится наследственной, его личность часто обожествляется, его власть утрачивает персональный характер: главными становятся не его личные качества, а принадлежность к «лучшему» роду.

Более крупной надобщинной структурой является *вождество*. *Вождество* – структура этнически однородная, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и возглавляемая лидером, зачастую обожествляемым. Как правило, главой *вождества* становится глава наиболее сильного из входящих в него *конических кланов*. Именно главу *вождества*, и только его, в доколониальной Африке и следует называть вождем.

Вождество – довольно сложная структура, имеющая несколько уровней управления: центральный, региональный и местный. Соответственно, среди населения *вождества* выделяется профессиональный управленческий слой. В то же время социальное неравенство в *вождестве* выражено не сильно: жизнь вождя несущественно отличается по качеству от жизни его подданных.

Государства, возникавшие в Новое время в Африке, специалисты относят к так называемым *ранним государствам*. Для африканских *ранних государств* характерны следующие черты.

- Африканские *ранние государства* имели четкое административно-территориальное деление, выделялся общегосударственный, «областной» и «районный» уровень управления.
- Во главе государства стоял наследственный верховный правитель, часто обожествлявшийся своими подданными или являвшийся верховным жрецом;
- Население африканских *ранних государств*, как правило, принадлежало к разным народам – «основному» и покоренным.
- В африканские *ранние государства* гармонично вросли институты родового общества, большую роль играла родовая аристократия и родственные связи.
- В Тропической и Южной Африке образование государств опережало образование классов, поэтому в *ранних государствах* границы между господами и подчиненными чаще всего были нечеткими, и простолюдин мог стать важным сановником, а вельможа – простолюдином.
- В африканских *ранних государствах*, помимо господ и простолюдинов, были и рабы, но заняты они были в основном в непроизводительной сфере и занимали зачастую высокое положение в обществе.
- В *ранних государствах* Тропической и Южной Африки ремесло отделилось от сельского хозяйства, выделились и другие «профессии»: чиновники, военачальники, жрецы.
- Велось городское строительство, в поселениях городского типа возводились дворцовые и храмовые постройки.

Грань между *вождеством* и *ранним государством* в Тропической и Южной Африке Нового времени недостаточно четкая, однако все же существуют черты отличия.

- *Раннее государство* – более крупное объединение: не несколько тысяч, как в *вождестве*, а десятки и даже сотни тысяч человек.
- *Раннее государство*, как правило, этнически гетерогенно, а не гомогенно, как *вождество*.

- В *раннем государстве* более четко, нежели в *вождестве*, выделяются три уровня управления: общегосударственный, региональный и местный.
- В *раннем государстве* происходит специализация власти: из общего управленческого слоя выделяются «военачальники», «жрецы» и «канцеляристы».
- В *раннем государстве* ведется урбанистическое строительство, то есть возникают поселения городского типа.

Не следует представлять себе, будто все африканские общества последовательно проходили все эти ступени социального развития. Наоборот, эволюция их носила не линейный, а скорее циклический характер. Африканские «империи» возникали, достигали своего расцвета и потом под влиянием центробежных тенденций распадались. Но ни одна из них, кроме Эфиопии, не достигла стадии развитого феодального государства. Тому существовал ряд объективных причин.

- Африканские государства возникали при отсутствии частной собственности на землю, так как в Африке считалось, что земля не может быть чьей-то собственностью. Свободной земли было всегда достаточно практически везде, землю обрабатывали мотыгами, выжигая при необходимости новый участок тропического леса.
- В африканские государства гармонично вросли институты родового общества, большую роль играла родовая аристократия и родственные связи.
- В Тропической и Южной Африке образование государств опережало образование классов, потому в африканских государствах границы между господами и подчиненными, как правило, были нечеткими. Специалисты говорят об «открытой системе классов» в доколониальной Африке.

§ 6. Западный Судан

Судан в географическом смысле – это часть Тропической Африки, простирающаяся широким поясом с запада на восток континента от Атлантического океана до Эфиопии. Условная граница Западного и Восточного Судана – озеро Чад.

Северная часть Западного Судана – это так называемый *сахель* (от суахилийского слова «берег») – зона полупустынь, переходящая южнее в саванны, африканские лесостепи, а еще южнее – в тропические леса. В истории региона большую роль сыграл так называемый Дагомейский саванный коридор: широкая полоса саванн, простирающаяся между современной западной Нигерией и западной Ганой от Атлантического океана к средней дельте Нигера. Этот коридор обеспечивал сообщение глубинных районов континента с побережьем Атлантического океана, разделенных в других местах непроходимыми тропическими лесами и пустынями.

Города-государства йоруба. Генезис государственности начался у йоруба на рубеже X-XII вв., колыбелью их государственности и культуры считается город Иле-Ифе на юго-западе современной Нигерии. В Новое время одним из заметных центров йоруба становится город Ойо.

Он был основан примерно в XIV в., а с XVII в. начинается период его возвышения и экспансии, продолжавшийся два века. В результате, Ойо стал одним из крупнейших военно-политических образований региона. Не в последнюю очередь это обеспечила йорубская конница, которой не было у соседей. Основой хозяйства Ойо было мотыжное земледелие. Там возделывались ямс, просо, кукуруза, хлопчатник, бананы и овощи. Скотоводство было развито ограничено из-за мухи цеце, поэтому мясо в Ойо всегда стоило дорого. Зато широкое развитие получили ремесла: ткачество, гончарство, резьба по дереву.

Основа социальной организации Ойо – кровнородственная *община идиле*, состоявшая из домохозяйств *агболе*. Земельные угодья находились в общем пользовании *идиле*, состо-

явшей из свободных общинников. Имелись также титульные земли, принадлежавшие правителю государства. В Ойо он носил титул *алафин* (вообще у йоруба правитель назвался *оба*). При правителе существовал верховный совет семи, т. е. совет высшей знати, состоявший из семи человек. Во главе его стоял *бошарун* – высший сановник государства. Основное содержание политической истории Ойо составляла борьба между *алафином* и *бошаруном* за реальную власть. Высший слой общества в Ойо включал также многочисленных придворных и наместников *алафина*.

Доходы знати складывались из дани, собиравшейся раз в год, из дополнительных поборов с податного населения, а также военной добычи, плодов труда несвободных и общественных работ свободных общинников. В категорию несвободных входили кабальники и рабы. Рабы в Ойо, как и повсеместно в Тропической Африке, использовались в основном не в сфере производства – среди них были сборщики налогов, телохранители и евнухи при дворе *алафина*.

С 1724 г. Ойо вел войну с соседней Дагомеей, которую и покорил в 1730 г. В результате, Ойо значительно расширился территориально и получил выход к Атлантическому океану. Однако в начале XIX в. Дагомея вновь отпала от Ойо, ослабленного междоусобными войнами и внутренней борьбой. Окончательно Ойо пал в 1836 г. под ударом халифата Сокото.

Дагомея. Государство образовалось около 1625 г. Его этническую основу составил народ аджо группы фон. Возвышение Дагомеи произошло к началу XVIII в. Дальнейшему усилению государства способствовал захват работорговых портов Ардра (Аллада) и Вида на побережье Атлантического океана, произошедший в 1724–1725 гг. Это стало причиной подчинения Дагомеи мощным соседом Ойо, нуждавшимся в выходе к океанскому побережью. С 1730 г. Дагомея становится данником Ойо, а сын ее правителя отправляется туда в качестве заложника. В 1748 г. договор между Дагомеей и Ойо закрепил установившиеся отношения зависимости. Однако на деле в период правления в Дагомее Тегбесу (1740–1774 гг.), прошедшего много лет в Ойо в качестве принца-заложника, происходит укрепление царской власти. В 1797 г. правитель Анголо пытался освободиться от зависимости от Ойо с помощью португальцев и даже объявил государственной религией Дагомеи католичество. Португальцы же потребовали взамен помощи в организации работорговли. Анголо не нашел поддержки у подданных, и его убили. После смерти Анголо началось новое возвышение Дагомеи, и в конце XVIII – начале XIX в. она отпала от Ойо.

На протяжении XIX в. в Дагомее происходило укрепление власти верховного правителя. В этот период страна была разделена на шесть провинций, во главе которых стояли наместники. В стране создается сильная армия, в которую входят и отряды амазонок, воин-женщин.

Бенин. Восточным соседом Дагомеи был Бенин. Расцвет этого государства, этническую основу которого составлял народ эдо, приходился на конец XVI – начало XVII в. Новое возвышение Бенина началось в XIX в., но было прервано английским завоеванием.

Рядовые общинники собирали дань в пользу верховного правителя – *обы*, стоявшего на вершине власти в государстве. Его власть ограничивал высший совет знати из семи человек. Столица государства представляла собой поселение городского типа, имевшее ремесленные кварталы, населенные мастерами различных специальностей. Это были кожевники, мастера дел мастера, специалисты по плетению, кузнецы и литейщики. Широко известны так называемые бронзы Бенина – рельефы и головы, выполненные из бронзы с необыкновенным мастерством.

«Государства-посредники» в дельте Нигера. С развитием трансатлантической работорговли в дельте реки Нигер возникло несколько политических образований, которые принято называть государствами-посредниками. Важнейшими из них были Ардра (Аллада) и Вида, этническую основу которых составлял народ аджа. Ардра и Вида соперничали между

собой, пока Дагомея не захватила первую. Еще одним из таких образований было Бонни, этническую основу которого составлял народ иджо.

Работорговля вызвала изменение социальной организации этих городов. Традиционно поселения делились на кварталы (*поло*), а те, в свою очередь, на субкварталы (*вари*). Поселения управлялись собранием всего взрослого населения во главе со старейшиной – *амайонабо*. Он выполнял функции верховного жреца и командующего войском. С развитием работорговли в регионе в XVIII–XIX вв. власть *амайонабо* укрепились, а *вари* трансформировались в новый тип социальной организации – дом. В дом, в отличие от *вари*, входили не только кровные родственники, но и рабы. Рабы становились псевдородственниками, получали новое имя и даже номинальную мать. Глава дома покупал рабов и жен и оказывал покровительство бедным. Должность эта была выборной. Но претендовать на нее мог лишь тот, кто был в состоянии снарядить каноэ с тридцатью воинами. Глава дома входил в совет деревни и мог претендовать на должность *амайонабо*. В это время сформировались отряды *перюгбо* – особо удачливых воинов, сеявших в округе страх. Но главным источником приобретения рабов служил не захват, а покупка. В городах дельты сложились рынки рабов.

В конце XVIII в. Бонни был одним из крупнейших поставщиков рабов в регионе, а в XIX в. постепенно превратился в крупнейшего поставщика пальмового масла.

Хаусанские эмираты и государства фульбе. Государственность зародилась у хауса около XIII в., а в XIV–XV вв. среди них распространился ислам. С распространением ислама росло военно-политическое сословие и духовенство. Хаусанские эмираты в средние века находились в сфере влияния Мали, а затем Сонгайской державы. Именно оттуда, из Тимбукту, пришла арабская письменность, на основе которой хауса создали собственный алфавит – *аджамии*.

После падения Сонгайской державы в 1591 г. центры транссахарской торговли и мусульманского богословия переместились в хаусанские эмираты. В XVII–XVIII вв. возвышаются Кацина и Кано, в XVIII в. – Замфара и Гобир на западе страны хауса. Но в 1764 г. Гобир разгромил Замфару, и стал наряду с Кациной главным из хаусанских городов-государств.

В начале XIX в. против хауса в эмиратах поднялась фульбская знать. Фульбе (фулани, пель) – одна из загадок региона. Антропологически они резко отличаются от своих соседей более европеоидными чертами лица и более светлой кожей, но говорят на одном из местных языков. Некоторые ученые считают фульбе пришельцами из района Восточного Судана – Эфиопии. В Западном Судане фульбе расселены с XIII–XIV вв. на территории нескольких современных государств. Они создали и свои государства на территории плато Фута-Торо (Сенегал) и плато Фута-Джалон (Гвинея).

В 1727–1728 гг. фульбе начали джихад под предводительством Ибрахима Самбегу Барии. К середине XVIII в. на плато Фута-Джалон сложилось сильное исламское государство. Местные жители были ассимилированы фульбе. Государство фульбе испытывало сильную нужду в рабах и вело постоянные набеги для захвата новых рабов. Государство характеризовалось высоким уровнем развития культуры. Здесь широко распространилась письменность, причем не только арабская, но и на языке фульбе. Правил страной верховный глава *альмами*, который избирался Советом, в свою очередь выбиравшимся фульбской знатью.

В стране хауса фульбская знать начала борьбу за свою гегемонию в форме военного джихада. Центром его стал Гобир, где широко распространилось учение Османа дан Фодио (1754–1817 гг.). С его именем связано возникновение халифата Сокото. Он был сыном учителя коранической школы. Постигнув основы ислама под руководством отца, стал ревностным мусульманином, совершил хадж в Мекку, учился дальше и учил сам. В 1789 г. получил право проповедовать, затем создал религиозную общину недовольных. В своих трудах

Осман дан Фодио выступал против режима правителя Гобира, критикуя раздачу титулов, непомерные налоги и взятки. В 1804 г. он объявил себя главой всех мусульман (*амир-эль-му-минин*) и начал джихад против властителей Гобира. В июне 1804 г. произошло первое столкновение сторонников Османа дан Фодио с правительственными войсками. С начала 1805 г. Осман дан Фодио встречается с мусульманскими лидерами других эмиратов, и восстание его растет вширь. Это было движение фульбе против хаусанской знати и богатого купечества. В 1808 г. восставшие захватили Алькалаву – столицу Гобира. Осман дан Фодио объявил о завершении джихада. Он провозгласил себя халифом новой империи Сокото.

Основой устройства халифата Сокото был объявлен политический трактат Османа дан Фодио, написанный в 1806 г. В нем провозглашались такие принципы устройства государства, как сменяемость правителя, выборность его из членов религиозной общины, терпимость, в том числе и религиозная, справедливость и милосердие. Халифат был разделен в 1812 г. на две части – западную и восточную. Во главе их стали соответственно брат и сын Османа дан Фодио. Во главе каждого эмирата стоял так называемый «царский эмир», т. е. один из местных представителей фульбской знати, активный участник джихада. Ниже власть осуществляла целая пирамида наместников из фульбской аристократии, включая судей — *алькали*.

После смерти в 1817 г. Османа дан Фодио во главе халифата стал его сын Мухаммед Бело. Он сохранил старые хаусанские эмираты в их границах под властью фульбской аристократии. Во второй половине XIX в. халифат Сокото был относительно стабильным крупным государством.

Конфедерация Ашанти. Ашанти живут в центре современной Ганы. Это в основном земледельцы, развитию скотоводства в регионе препятствовала муха цеце. Традиционно ашанти разводили ямс, маниоку, бататы и другие культуры. Они славились также искусными кузнечными изделиями и резьбой по дереву. Основу экономики ашанти в Новое время составляли работорговля и торговля золотом.

Основой этносоциальной организации ашанти был *оман* – объединение семейно-родовых общин. Каждая такая община – *акура* – возглавлялась советом старейшин, во главе которого стоял *одекуро*. На базе *акур* создавались военные отряды – *асафо*. Они выполняли не только военные, но и полицейские функции. Армия каждого *омана* представляла собой объединение таких отрядов. Четкая военная организация ашанти не знала себе равных в регионе.

Во главе *омана* стоял *оманхене*. Он управлял своим *Оманом* с помощью совета старейшин, в который входили он сам и его военачальники. *Оманхене* обладал и сакральной властью, считаясь посредником между живыми и умершими. У него была соправительница – *оманхема* и ряд придворных, выполнявших определенные функции при его особе. Например, один из них назывался «уста *оманхене*» и выполнял функции переводчика.

Оманы были самодостаточными структурами, однако в самом конце XVII в. ашанти создали так называемую конфедерацию – объединение *оманов*. Произошло это в силу внешних обстоятельств – для борьбы с соседним государственным образованием Денчьирой, которая и была успешно разгромлена. Первый *асантехене* – Осей Туту – объединил под своей властью всех ашанти в 1701 г. и правил 30 лет. Последующие правители контролировали все большую территорию, и к началу XX в. власть *асантехене* распространялась почти на всю территорию современной Ганы.

§ 7. Центральный и Восточный Судан

Канем-Борну. Союз вожеств Канем был расположен у северной оконечности озера Чад. Постепенно центр этого объединения предков современного народа канури сместился

на запад в область Борну. Основой экономики просуществовавшей до середины XVI в. державы Канем-Борну была транссахарская торговля со странами Северной Африки, заинтересованными в получении слоновой кости и рабов. В обмен северонигерийские территории получали соль, лошадей, ткани, произведенное в Европе и странах Магриба оружие и различные бытовые товары. Значительные затруднения торговле создавали постоянные набеги объединявшихся для этих целей сахарских племен туарегов.

Дарфур. В западной части Восточного Судана в XVI–XIX вв. существовал султанат Дарфур. Его этническую основу составлял народ фор (конджара). Основным языком Дарфура был язык конджара. В начале XIX в. население султаната составляло около 5–1 млн чел., а армия насчитывала до 200 тыс. чел. Это очень много для того времени и тех мест. Первым султаном – основателем династии был Сулейман Солонг (правил в 1596–1637 гг.).

Власть султана была практически абсолютной. У него был главный совет из высшей знати, малый тайный совет и несколько особо важных сановников, таких как главный арбитр по земельным делам, министр по делам рабов и крупного рогатого скота, министр иностранных дел, верховный главнокомандующий – «правая рука султана».

Султанат делился на провинции во главе с наместником султана, в распоряжении которого были полицейские силы – отряды вооруженных рабов. Делопроизводство в государственном аппарате вершили представители мусульманского духовенства – *факих* – один-два таких чиновника были в самом низшем звене административной системы, в деревне. Деревенские жители должны были платить в пользу султана натуральный налог до 1/10 своего дохода – зерном, кожами, мясом и пр. Это же касалось и кочевников-арабов, живших на территории султаната.

Земли султаната делились на султанский домен, земли наследственной и служилой аристократии. На этих землях трудились как свободные крестьяне (система отработок), так и рабы. В султанате преобладало натуральное хозяйство, но существовал обмен и рынки. Роль денег выполняли оловянные и медные кольца, бруски соли, рабы. Султанат вел и внешнюю торговлю, вывозя рабов, верблюдов, слоновую кость, страусовые перья, гуммиарабик. Ввозилось в султанат, прежде всего, огнестрельное оружие, металлы, ткани, бумага и др. Города стояли на караванных путях. Столицей султаната был город Эль-Фашер.

В 1870 г. султанат Дарфур признал свою зависимость от Египта.

Сеннар. В восточной части Восточного Судана в XVI–XIX вв. существовал султанат Сеннар. Его этническую основу составлял народ фунг. Фунги – одна из загадок региона. Некоторые специалисты полагают, что фунги – потомки жителей древнего государства Мероэ (VII в. до н. э. – VII в. н. э.), испытавшие на себе влияния как негроидных нилотских народов, так и арабов.

Сеннар представлял собой объединение под властью фунгов целой цепи территорий вдоль Нила от 3-го порога на севере до собственно Сеннара (Голубой Нил) на юге. Султанат жил орошаемым земледелием, его жители умело строили каналы, плотины и водяные мельницы. Они выращивали пшеницу, просо, кукурузу, бахчевые, перец и хлопчатник.

Разводили скот – мясной, молочный и тягловый – и были искусны в изготовлении особой хлопчатобумажной ткани.

Принципы государственного устройства Сеннара установил пятый султан Декин в последней трети XVI в. Они были основаны на законах шариата. Верховный правитель – наследственный султан, при нем – совет знати из высших сановников, тайный совет четырех, главный судья – *кади*. Провинции различались на собственно сеннарские и провинции покоренных областей. Зависимые провинции платили больше податей, а собственно сеннарские – *фитру* (подушный налог), *закат* (налог на скот и земли) и *угир* – 1/10 урожая. Верховным собственником всех земель считался султан.

В султанате было широко развито строительство: даже в деревнях были укрепленные замки, в городах же богатые кварталы состояли из глинобитных домов с плоской крышей. Столица султаната – город Сеннар – насчитывал к концу XVIII в. около 100 тыс. жителей. В султанате широко применялся рабский труд: только на султанских землях трудилось до восьми тысяч рабов. У султана была сильная армия, насчитывавшая несколько десятков тысяч солдат.

Сеннар был страной мусульманской учености. Государственным языком был арабский. Велик был процент грамотных, обучавшихся в школах при мечетях, много было ученых-богословов. От основания султаната до 1912 г. велись исторические хроники.

Султанат Сеннар был захвачен хедивским Египтом в 1821 г.

§ 8. Эфиопия

Аксумское царство. Даже тогда, когда европейская историческая наука утверждала, что Тропическая Африка не имеет своей истории, что история этого континента начинается лишь с приходом белого человека и началом научного изучения прошлого африканских народов, она была вынуждена делать исключение для некоторых регионов материка, в частности для Эфиопии. Ведь эта страна упоминается в Библии, о ней писали античные историки и географы, в частности, Геродот.

В те отдаленные времена топоним «Эфиопия» понимался шире, не будучи привязанным к Эфиопии в нынешнем понимании. Тогда под Эфиопией чаще всего подразумевали Африку в целом. Но даже если вести отсчет с рубежа I в. н. э., со времени появления первых сведений об Аксумском царстве, преемницей которого стала Эфиопия, то и тогда история этой страны насчитывает более двух тысячелетий, что ставит ее в один ряд с древнейшими мировыми цивилизациями.

К началу новой эры северная Эфиопия объединяется в Аксумское царство, расцвет которого пришелся на IV–VI вв. В этот период Аксум распространял свое влияние на значительные районы Юга Аравии и Судана. Его главным портом был Адулис (ныне на территории Эритреи), ставший важным торговым центром в бассейне Красного моря на морском пути из Египта в Индию, а также ко всему восточноафриканскому побережью. Наряду с Византийской империей и Ираном Аксум был одной из великих держав древности, крупным хозяйственным и культурным центром того времени. Мореходов-аксумитов можно было встретить во многих портах этой части мира. Большое место в экономике этого раннерабовладельческого государства играла торговля. Из Аксума на продажу вывозились скот, слоновая кость, шкуры диких зверей, рабы, рог носорога и т. п. В обмен на эти товары в Адулис ввозились золото и драгоценные камни, изделия из цветных металлов и железа, хлопчатобумажные и льняные ткани, пряности, сахар, зерно и многое другое. В государстве возводились монументальные дворцы и храмы, в честь богов высекались на камне посвященные надписи на сабейском и греческом языках. Многие аксумские памятники (стелы, надписи и т. д.) сохранились до наших дней. Развивались ремесла – гончарное, бронзовое литье, кузнечное ремесло, архитектура и скульптура. Для нужд торговли с окружающим миром начиная с III в. в стране началась чеканка золотых, серебряных и бронзовых монет.

В истории аксумского царства первостепенное значение имеют два события. Первое – принятие в качестве государственной религии христианства, которое проникло в страну из Римской империи в IV в. н. э. во время правления царя Эзаны (около 325–360 гг.). Время принятия христианства ученые установили по христианскому символу веры – кресту, появившемуся на аверсе аксумских монет. Принятие христианства значительно оживило отношения Аксума с Византией, что способствовало дальнейшему экономическому и культурному развитию страны.

Второе важное событие – переход от древнесабейской письменности на собственную, на язык гъыз, который еще называют древнеэфиопским. Несколько позднее разговорным языком Эфиопии становится амхарский, а язык гъыз продолжали использовать лишь при богослужении – примерно так, как старославянский язык используется в церковных богослужениях Русской православной церкви.

Образование в VII в. Арабского халифата, отрезавшего Аксумское царство от моря, привело к экономическому упадку и постепенному распаду этого государства. На протяжении VIII–IX вв. аксумская цивилизация приходит в окончательный упадок. В настоящее время город Аксум сохраняет значение лишь как религиозный центр.

Вместе с тем на протяжении многих веков в Эфиопии сохранялась память о существовавшей некогда обширной и единой Эфиопии, простиравшейся до Красного моря. Практически идеал христианского государства, существовавшего во времена Аксума, хотя и потускневший в результате мусульманских захватов и их последствий, никогда не умирал.

Эфиопия в Новое время. К началу Нового времени Эфиопия представляла собой достаточно обширное по территории и мощное в военном отношении государство, экономический базис и политическая надстройка которого позволяют говорить о наличии в стране развитого феодализма. В середине XVI в. страна вступила в полосу опустошительной тридцатилетней войны с некогда вассальными мусульманскими султанатами. Особую угрозу представляли действия эмира султаната Адаля Ахмеда-ибн-Ибрагима аль-Гази, известном в Эфиопии под именем «Грань» («Левша»). Лавина мусульманской конницы Граня захлестнула большую часть страны. Наступая с юга, мусульмане продвинулись на север вплоть до священного для христианской Эфиопии города Аксум, традиционного места коронования эфиопских императоров.

Призвав на помощь португальцев, вооруженных огнестрельным оружием, Эфиопия с большим трудом сумела разбить мусульманскую армию и отстоять свою независимость. Попытки португальского католичества обратить население страны в католицизм вызвали упорное сопротивление со стороны эфиопского клира и паствы, не пожелавшей отойти от «чистой веры отцов».

Второе важное событие в истории Эфиопии того времени – начало массовой миграции с красноморского побережья в пределы страны племен оромо. Событие это имело огромное значение в политической и этнической истории Эфиопии. В течение двух веков оромо сумели захватить плодородные области страны, в том числе и в ее центральной части. В результате территория христианской Эфиопии значительно сократилась. Ситуация осложнялась и отсутствием выхода к морю, поскольку с XVII в. все красноморское побережье находилось под властью Османской империи.

В течение почти всего следующего столетия внешний мир мало что знал об Эфиопии. Страна находилась в состоянии самоизоляции, и европейцам было запрещено появляться в ее пределах под страхом смерти. Основным содержанием внутривнутриполитической жизни были постоянные междоусобные войны феодалов за расширение своих владений.

Центробежные тенденции, усилившиеся к середине XVIII в., привели к эпохе, известной в эфиопской историографии под названием «времена князей». Власть императора была чисто номинальной, а страна превратилась в конгломерат фактически независимых областей-государств, важнейшими из которых были Тыграй, Шоа, Годжам, Гондэр, Амхара и Бэгэмдыр. Вместе с тем, при ослаблении центральной власти, шел процесс укрепления и развития отдельных областей Эфиопии, главной из которых становилась Шоа. На протяжении нескольких десятилетий армия шоанских правителей завоевала обширные области к югу и юго-западу, значительно расширив пределы Шоа. Захваченные трофеи в виде рабов, слоновой кости и кофе шли на продажу в страны Аравийского полуострова, а выручка от продаж – на закупку огнестрельного оружия.

Вторая половина XIX в. – период непрестанной борьбы за создание и укрепление централизованного эфиопского государства, за сохранение и упрочение эфиопской государственности. Начавшаяся в этот период «схватка за Африку» между западноевропейскими империалистическими державами делала процесс создания сильного и объединенного эфиопского государства задачей первой необходимости.

Сложная задача создания централизованной Эфиопии была решена в период правления трех императоров, вошедших в историю как императоры-объединители – Теодроса II, Иоханныса IV и Менелика II. Действуя в зависимости от конкретной исторической обстановки разными методами, в том числе и отнюдь не бескровными, им в разной степени удалось подавить сопротивление феодалов-сепаратистов и упрочить центральную власть.

Начало централизации Эфиопии было положено императором Теодросом II (1855–1868 гг.). Забросив учебу при монастыре и собрав вооруженный отряд, в течение нескольких лет он разбил армии наиболее могущественных правителей областей и короновался на эфиопский престол. На протяжении правления императора Теодроса его действия, направленные на собирание земель и оздоровление экономической жизни, осуществлялись в условиях упорного сопротивления центробежных сил. Тем не менее, ему удалось немало. Была создана армия, подчинявшаяся только центральной власти, принят ряд законов в судебной и таможенной области, облегчено положение крестьян, начато строительство дорог и отливка пушек. Впервые в истории страны были приняты законы, ограничивающие рабство и работорговлю.

Новое внедрялось ценой огромных усилий, и в историю страны Теодрос вошел как жестокий и беспощадный правитель, огнем и мечом уничтожавший каждого, кто противился проведению реформ. Арест императором английского консула и нескольких европейцев-миссионеров был использован Великобританией в качестве повода для вторжения в Эфиопию. Лишившись поддержки населения и церкви, которая предала императора анафеме за его попытки конфисковать часть церковных земель, Теодрос не смог дать отпор британскому экспедиционному корпусу. В начале 1868 г. он был осажден в крепости Мэкдэле, и, не желая попасть в плен, застрелился.

Процесс централизации Эфиопии получил свое дальнейшее развитие при императоре Иоханнысе IV (1872–1889 гг.). На период его правления приходятся многочисленные сражения с суданскими *махдистами*, египтянами и начавшими свое проникновение на Африканский континент итальянцами. Эфиопы по праву гордятся победами, одержанными в 1875 г. над египтянами при Гундете и Гуре, разгромом многочисленного итальянского отряда при Догали. Неудачно для Иоханныса сложилось последнее сражение с *махдистами* при Мэтэме, в котором он погиб.

В эфиопской историографии Иоханныс представлен не только защитником страны, но и правителем, известным своей религиозной нетерпимостью. В отличие от Теодроса, который объединял Эфиопию силой оружия, Иоханныс в основу своей объединительной политики положил тезис «один народ – одна религия». Его правление было ознаменовано многочисленными кампаниями по насильственному обращению в христианство нехристианских племен и народностей страны.

Политическая централизация получила свое завершение в период правления Менелика II, пожалуй, самого выдающегося монарха в истории страны. Исследователи справедливо считают, что его усилиями была создана та Эфиопия, которая просуществовала вплоть до революции 1974 г. Действительно, в конце XIX – начале XX в. страна приобрела современные географические очертания. Были проведены реформы: административная, предусматривающая назначение чиновников из центра, и денежная, впервые со времен Аксума введшая собственную эфиопскую валюту, роль которой до этого выполняли бруски соли «амоле», патроны, перец и т. и. Важное значение как для экономики, так и для улучшения

положения основной производительной силы Эфиопии имело введение десятины на содержание армии. До этого селяне подвергались постоянным поборам со стороны солдат и не были заинтересованы в расширении производства. Был создан кабинет министров, организованы почтовая и телеграфная службы, открыты первые школы по европейскому образцу. Большое внимание Менелик уделял модернизации страны, заимствуя у Европы то, что он считал полезным для Эфиопии. В столице и других городах возводились современные здания, было открыто отделение банка, появились автомобили и кинематограф. Введение новшеств наталкивалось на сопротивление консервативных феодалов и, прежде всего, духовенства.

Следует отметить и разумную политику Менелика в религиозной области. Его домен, Шоа, раньше других встал на путь территориального расширения за счет соседних нехристианских областей. Значительное увеличение численности населения области привело к тому, что постепенно шоанские оромо стали превосходить по численности амхара. Поэтому в этой части Эфиопии практиковалась религиозная веротерпимость. Став императором, Менелик распространил эту политику на территорию всей страны.

Конец XIX в., известный в историографии Африки как период «схватки за Африку», был тревожным и для Эфиопии. Особую активность в районе Рога Африки проявляла Италия. Ей уже принадлежали часть Сомали (Итальянское Сомали) и часть северных областей Эфиопии, которые она объединила в колонию Эритрея (от латинского названия Красное море – *Мааре Эретрум*). Не сумев навязать Эфиопии свой протекторат дипломатическим путем, Италия решила добиться своей цели силой. Следует отметить, что в Италии плохо представляли внутривосточную обстановку в Эфиопии. Мимо внимания итальянцев прошло то обстоятельство, что страна за многие десятилетия действительно стала представлять собой единое целое. А значит, император мог использовать военный потенциал всей Эфиопии.

Фактически вся итало-эфиопская война 1895–1896 гг. вылилась в три сражения: при Амба-Алаге, при Мэкэле и Адуа. В решающем сражении в ночь на 1 марта 1896 г. со стороны итальянцев были задействованы 4 бригады, общая численность которых составила 17 400 человек при 64 орудиях. Эфиопская сторона состояла из 80 тыс. пехоты, 8 тыс. конницы и 43 орудий. Разница в численности не смущала итальянцев – в период колониальных захватов в Африке соотношение 1 к 20 считалось нормальным для победы. Давали себя знать профессиональная выучка и превосходство в вооружении.

Не имея точной карты местности, итальянцы полагались на кроки, составленные со слов местных жителей, а они давали заведомо ложную информацию. Ошибки итальянского командования привели к тому, что в этом генеральном сражении эфиопской армии противостоял не весь экспедиционный корпус сразу, а по очереди три его колонны, перепутавшие пути подхода к полю битвы. Умелое руководство императора Менелика, мужество эфиопских воинов вкупе с тактическими ошибками итальянского командования привели к полному разгрому итальянцев. По подсчетам эфиопской стороны потери европейцев составили 11 тыс. чел. убитыми и, около трех с половиной тысяч были взяты в плен. Эфиопские трофеи включали огромное количество современного огнестрельного оружия и почти всю артиллерию противника.

Правда, Менелик не решился преследовать противника. В результате Италия, потерпевшая сокрушительное поражение на поле боя, сохранила за собой Эритрею, создав плацдарм для вторжения в 1935 г.

Победа при Адуа значительно укрепила в стране и без того высокий авторитет императора Менелика. Это позволило ему намного быстрее реализовывать задачи по окончательной централизации, укреплению и модернизации страны, которые и составляли суть его государственной деятельности на протяжении последующих пятнадцати лет.

§ 9. Восточная Африка

Восточноафриканское Межозерье. Территории, лежащие между Великими африканскими озерами, называются Восточноафриканским Межозерьем. Здесь еще на рубеже I и II тысячелетий и. э. возникло государство Китара, расцвет которого пришелся на XII–XIV вв. Государство возникло в результате взаимодействия земледельческих и скотоводческих народов.

Земледельческую культуру принесли народы языковой группы банту, распространившиеся с территории современного Камеруна. В Межозерье они пришли во второй половине I тысячелетия. Банту умели добывать железную руду, переплавлять ее в примитивных печах и делать из нее различные изделия, например, железные наконечники для мотыг и для стрел.

Вторую, скотоводческую, культуру несли народы нилотской группы, пришедшие в Межозерье, как считают, с Эфиопского нагорья. Они пришли сюда к началу II тысячелетия и. э. Они разводили (и до сих пор разводят) крупный рогатый скот – коров и быков, но не таких, к которым привыкли мы. Это – белые горбатые животные, привычные к местному климату. Скотоводческие народы мяса практически не едят, но зато очень любят молоко и особенно молочнокислые продукты. А самое главное, они искусные воины, ведь они свободны от ежедневного труда земледельцев.

В результате контактов (далеко не всегда мирных) этих двух групп народов и возникла Великая Китара. Великой ее называют потому, что она просуществовала около десяти веков, знала три династии правителей, и была прародительницей всех крупнейших государств региона – Буньоро, Торо и Буганды.

К началу Нового времени Китаре пришлось уступить главенство в Межозерье своей бывшей маленькой и незаметной южной провинции Буганде, жители которой назывались баганда.

Буганда. Одним из крупнейших и интереснейших государств доколониальной Тропической Африки стала Буганда, располагавшаяся северо-западнее озера Виктория на территории современной Республики Уганда.

Эту страну издавна покрывала сеть грунтовых дорог шириной до шести метров, по которым тянулись земледельцы и ремесленники, несшие дань правителю: пальмовое пиво, шкуры и гончарные изделия. По этим же дорогам возвращалось с поля брани вооруженное копьями и щитами войско, захватившее богатую добычу, прежде всего, целые стада коров. Все они стекались в столицу. Там находились обширные храмовые постройки, а главное – дворцовый комплекс *лубири*, где жил верховный наследственный правитель, *кабака*, со своими многочисленными женами, наложницами и придворными.

Аккуратно возделанные банановые плантации, на которых трудились женщины, красивая одежда жителей – живописные тоги из лубяной материи, похожей на замшу – все это настолько отличало страну от ее соседей, что первые европейцы, увидевшие ее лишь во второй половине XIX в., назвали здешний народ баганда «черными японцами».

От Китары Буганда унаследовала деление на провинции – *саза*, – правда, здесь они дробились на более мелкие округа – гомболола и мирука. Каждую провинцию или округ возглавлял наместник, называвшийся соответственно ому-саза, ому-гомболола и так далее. Назначался каждый наместник непосредственно самим *кабакой*, перед ним и отвечал за свои действия. Поскольку наместники часть времени обязательно проводили при дворе, все они имели заместителей, которые выполняли за своих отсутствующих начальников их обязанности: собирали подати для *кабаки*, созывали войско в случае войны, налаживали строительство дорог, а также поддерживали порядок и выносили судебные решения.

Центром жизни государства был *кабака*. Он считался если не божеством, то во всяком случае связующим звеном с духами своих предков, восходивших к легендарному основателю Буганды Кинту. Именно духам предков и поклонялись баганда. Пантеоны своих божеств существовали у каждого рода и у всей Буганды. После смерти очередного *кабаки* его прах торжественно хоронили, причем пуповину и нижнюю челюсть отдельно, и все эти погребения почитались священными. При каждом из них назначался хранитель, который должен был твердо запомнить на всю жизнь и передать потомкам рассказ о деяниях почившего властителя. Так, в устной форме, от поколения к поколению сохранялась история Буганды – письменности в этой стране, как и в большинстве областей Тропической и Южной Африки, в доколониальные времена не знали. Историю своей страны и своего клана должен был знать каждый член общества.

Кабака был абсолютным правителем Буганды. Но так сложилось не сразу. Другой титул *кабаки* – *ссабатака*, то есть старейшина старейшин, указывает, что прежде он был просто “первым среди равных” старейшин родов – *батака*. Роды, или кланы, были устойчивой единицей социальной организации Буганды. Старейшины или их представители имели определенные придворные должности, которые передавались по наследству, и поначалу составляли большинство управленческого сословия.

Однако в XVIII в. происходит постепенное становление и укрепление служилой аристократии. Лучший случай выдвинуться предоставляли войны, которые Буганда вела с соседями постоянно. Отныне не права наследования, а личные качества – талант полководца или организатора, смелость, инициатива зачастую определяли положение человека в обществе. Вчерашний простой земледелец мог стать управителем целой провинции. Как раз на служилую аристократию, начиная с XVIII в., все больше опирались *кабаки*, что одновременно укрепляло их собственную власть, поскольку именно они принимали решения о назначении на военные и административные посты, а также о смещении с них. При этом *кабака* зорко следил за тем, чтобы кто-либо из его наместников не стал слишком сильным, постоянно переводя их из одной провинции в другую или даже понижая в должности.

На вершине служилой иерархии Буганды находились главный советник *катикиро* (которого впоследствии европейцы ошибочно принимали за премьер-министра), начальник придворного ритуала *кимбугве* и верховный главнокомандующий – *муджаси*. Все большее место служилая знать занимала и в *люкико* – верховном совете при *кабаке*, потеснив и там родовую аристократию. Однако в стране продолжали существовать государственные должности, которые занимали только особы высокого происхождения. Самыми важными из них были номинальные (не обязательно настоящие) мать (*намасоле*) и сестра (*лубуга*) *кабаки*, которые принадлежали к обширной родне повелителя и считались его соправительницами.

Сыновья царствующего *кабаки* воспитывались в разных концах страны и не должны были видаться, чтобы не вступить в заговор против родителя. Все они обладали равными правами на престол, все, кроме самого старшего сына, который носил титул *кивева* и был одним из главных наставников своих братьев. Неудивительно, что в Буганде часто возникали войны за престолонаследие, которые были большим бедствием для страны. Но во второй половине XVIII в. им был положен конец: все «лишние» принцы, помимо единственного, названного умирающим *кабакой* своим преемником, умерщвлялись еще в период междоусобицы. Ввел этот обычай 27-й *кабака* Семакокиро, вошедший в историю Буганды как решитель за укрепление государства.

Наибольшего расцвета Буганда достигла при *кабаке* Мутесе I, правившем в 1856–1884 гг. В этот период она господствовала в Восточно-африканском Межозерье, оттеснив на второй план своего вечного соперника – Буньоро. Мутеса I создал начатки постоянной армии и грозу региона – флот боевых каноэ. Самые большие из таких каноэ имели до 20 метров в длину и до двух метров в ширину. Они вмещали до 150 человек, из них 30–40 гребцов, а

остальные – воины. Начальник флота каноэ получил титул *габунга*. Он и его воины подчинили Буганде очень многие народы, жившие по берегам озера Виктория.

Сам Мутеса редко ходил в военные походы, но обязательно выслушивал отчеты о них. Каждый из командиров полков по очереди докладывал *кабаке* о военных операциях, называя при этом самых смелых своих подчиненных и трусов. Первых Мутеса тут же награждал, а вторых приговаривал к смерти.

Межозерье развивалось в относительной изоляции от внешнего мира. Торговцы, в том числе и работоторговцы с побережья Индийского океана, попали сюда только во второй половине XVIII в. Они несли с собой ислам. Мутеса также принял ислам и следовал мусульманскому ритуалу десять лет. Он владел, помимо родного языка луганда, также арабским и языком суахили.

Первых европейцев-христиан в Буганде увидели лишь в 1862 г., это были известные английские путешественники Джон Спик и Джеймс Грант. А в 1875 г. Буганду посетил другой известный путешественник – Генри Муртоном Стэнли. Он пригласил в Буганду европейских миссионеров, за которыми последовали и колониальные деятели.

Суахилийская цивилизация. В Средние века на океанском побережье Восточной Африки на стыке местных и исламской культур (ее принесли с собой переселенцы из Аравии и Персии, в VII–VIII вв. и. э.) возникла суахилийская цивилизация.

В свое время эта цивилизация потрясла первых португальских мореплавателей, посетивших эту часть Африки в самом конце XV в. Когда экспедиция Васко да Гамы в 1498 г. обогнула континент с юга и приблизилась к его восточным берегам, мореплаватели неожиданно обнаружили оживленные порты и населенные города.

К XIII в. возникшие по всему восточно-африканскому океанскому побережью торговые поселения выросли в крупные каменные города-государства Кильва, Пате, Ламу и другие. Вот довольно типичное описание одного из суахилийских городов-государств, сделанное португальским путешественником в начале XVI в.: «Кильва представляет собой мавританский город со множеством прекрасных домов из камня и извести, и окна в этих домах сделаны наподобие наших, и улицы города очень хорошо распланированы»⁹.

Суахилийская цивилизация была не только очагом торговли и каменного городского строительства, – здесь расцветала богатая духовная культура, для которой были характерны лирические песни и эпические поэмы на местном языке суахили (название языка, как и всей цивилизации, происходит от арабского слова «*сахель*» – берег). В каждом городе-государстве велись и хроники, послужившие бесценным источником для поколений историков. Города-государства суахили пришли в упадок после Великих географических открытий, в результате которых португальцы постепенно перехватили инициативу в морской торговле – основе экономического процветания суахилийской цивилизации.

Занзибарский султанат. Наследником суахилийской цивилизации стал Занзибарский султанат, возникший по воле оманского султана Сейи-да Саида. Этот южноаравийский владыка был очарован красотами острова Занзибар и решил перенести туда свою столицу. К 1832 г. он переехал туда, включив в свои владения до трехсот крупных и мелких соседних островов, самые известные из которых – Пемба и Мафия. При Сейиде Саиде и его преемниках на Занзибаре и соседних островах были заложены гвоздичные плантации, ставшие основой экономического процветания султаната. Другой важной статьей экономики была работоторговля. Занзибарский султанат стал одним из крупных центров работоторговли, поставляя рабов из внутренних районов Восточной Африки на Ближний Восток. На рабском труде держались и занзибарские плантации. В городе процветал большой невольничий рынок.

⁹ The Book of Duarte Barbosa. Ed. by M. L. Dames. Haklyut Society, 1918. Vol. I.P. 32.

После смерти Сейида Саида в 1856 г. его империя была поделена между наследниками на две части – Оманский и Занзибарский султанаты. Занзибарские султаны вели активную внешнюю политику, на острове были постепенно открыты консульства всех ведущих европейских держав и США. Здесь был построен ряд красивых зданий, в том числе и знаменитый «Бейт-эль-Аджаб» – султанский дворец чудес. Занзибар стал воротами в Восточную Африку для европейских товаров. Невольничий рынок был закрыт в 1871 г. султаном Сейдом Баргашем под давлением европейских держав. В ходе схватки за Африку Занзибарский султанат, в конце концов, попал в зависимость от Великобритании.

§ 10. Экваториальная Африка

Центральная Африка – один из самых трудных для жизни человека регионов. Здесь густые тропические леса уступают место саваннам на плато, которые уступами поднимаются от океана вглубь континента. На самом восточном из этих плато, Шаба, банту в ходе своих миграций консолидировались и начали вторичные миграции. К началу Нового времени на побережье Атлантического океана к югу от устья р. Конго расселились баконго; к югу от них, на территории современной Анголы – бамбунду, в междуречье Касаи и Санкуру – бакуба, на плато Шаба балуба, а в северо-восточной Анголе – балунда.

Конго. Еще в средневековье к югу от устья р. Конго сложилось государство под таким же названием. Правитель государства носил титул *маниконго*. К началу Нового времени *маниконго* приняли католичество от португальских миссионеров. Первый был крещен под именем Жуау Первого в 1491 г. Страна в период расцвета (XVI-первая половина XVII в.) была разделена на шесть провинций, имелось множество придворных должностей с пышной титулатурой. Во второй половине XVII в. в Конго не раз вспыхивали междоусобные войны. Окончательному распаду государства способствовала так называемая Антонианская ересь, когда в Конго объявилась некая пророчица Беатриче, объявившая, что в нее вселился святой Антоний. Она проповедовала в частности ненависть к миссионерам и находившемуся в их руках королю. «В стране нет короля», – говорила она. Беатриче была сожжена на костре в 1706 г., а ее сторонники были разгромлены королевскими войсками лишь в 1709 г. После этого от Конго осталась практически только окружавшая столицу провинция Мбанза-Конго (Сан-Сальвадор).

Ангола (Ндонго). Это государство возникло на южной периферии Конго около XV в. Оно было густонаселенным и полиэтническим. Основу его экономики составляли переложное земледелие и скотоводство, а также обработка металлов (железо и медь), гончарное ремесло и ткачество. Во главе государства стоял верховный правитель, управлявший страной с помощью иерархии наместников. Двор правителя отличался пышностью. Ндонго имело сильную по тем времена армию, насчитывавшую до 50 тыс. солдат. Именно это обстоятельство определило упорность сопротивления государства португальскому проникновению. Португалия вела там так называемые «ангольские войны» с 1575 г. Войска возглавлял Паулу Диаш де Новаиш. Он добился помощи правителя Конго Алвару Первого и вместе они продвинулись вглубь Ндонго, построив там ряд крепостей. Сопротивление португальцам возглавила Нзинга Мбанде Нгола (р. около 1582 г.). Она была принцессой, а с 1624 г. стала правительницей Ндонго и вела долгую войну с португальцами. В 1641 г. она заключила против них союз с Голландией. В октябре 1647 г. ангольско-голландские войска разбили португальцев. Однако те взяли реванш в 1648 г. Смерть Нзинги в 1663 г. способствовала дальнейшему упадку Ндонго, и с конца XVII – начала XVIII в. Португалия полностью подчиняет себе Анголу.

Государства народов бакуба, балуба и балунда. В глубине Экваториальной Африки последовательно достигали своего расцвета государства народов бакуба, балуба и балунда.

Первое, называвшееся Бушонго, возникло к концу XVI в., а наивысшего расцвета достигло в 1630–1680 гг. Отличительными чертами его были, в частности, рабская гвардия и специализация судей по различным типам дел. Расцвет государства балуба приходится на конец XVIII – начало XIX в. В это время оно простиралось с запада на восток на 600 км. Титул верховного правителя государства – *мулохве*. При нем существовал совет знати и номинальная мать-соправительница. Титул верховного правителя государства балунда – *муата ямво*. Наивысшего расцвета государство достигло в XVIII – первой половине XIX в.

Экспансия *муата ямво* на восток привела к возникновению около 1750 г. государства Казембе, устроенного по образцу государства балунда. К концу XVIII в. Казембе стало доминирующей силой на территории нынешнего южного Заира и Замбии. Оно вело торговлю с городами восточноафриканского побережья и в 1798–1799 гг. успешно отразило атаки военной экспедиции португальцев.

Государства внутренних районов Экваториальной Африки имели много общего. Они долгое время развивались практически в полной изоляции. В каждом из них существовал верховный наследственный правитель, определяемый по нормам материнского права. При правителе существовал совет знати и многочисленные придворные. Каждое государство имело несколько уровней административного управления. Резиденция правителя находилась в поселении городского типа, но местоположение столицы постоянно менялось. Денежным эквивалентом служили раковины нзимбу, более известные как *каури*. Наиболее стабильным по составу было государство бакуба, менее стабильным – балуба и еще менее – балунда.

§ 11. Юго-Западная Африка

Автохтонным населением Намибии являются саны (бушмены). Они были организованы в небольшие *семейно-клановые группы* и занимались охотой и собирательством, при этом у каждой группы была своя обширная территория. Много позже туда пришли нама (одна из групп койкой) с юга и бантуязычные гереро с востока.

Мигрировавшие на север современной Намибии овамбо расселились вдоль рек Кунене и Окаванго. Они издавна разводили крупный и мелкий рогатый скот, главными земледельческими культурами для них были зерновые. Продукты земледелия и скотоводства в рационе овамбо традиционно дополнялись добытым на охоте и собирательством.

С земледельчеством был связан переход овамбо к оседлости. В начале Нового времени на территории современной страны овамбо возникли социальные надклановые структуры, часто именуемые в европейской литературе «королевствами». Одним из таких образований была Укваньяма. Она достигла расцвета, в первой половине XIX в., когда к ней были присоединены территории многих других «королевств» овамбо. Во главе централизованных объединений овамбо стоял верховный правитель, непременно принадлежавший к «королевскому» роду. Правитель считался представителем на земле верховного божества, и процедура его воцарения, сопровождалась сложным ритуалом. Правителю приносились материальные подношения в виде скота, зерна и орудий сельскохозяйственного труда. Ему принадлежала также определенная доля трофеев, захваченных во время военных походов, а также часть добычи, полученной на охоте и рыбной ловле. Кроме того, подданные должны были участвовать в строительстве общественных зданий (например, «королевского крааля») и в военных походах. В ответ правитель, считавшийся верховным собственником или распорядителем всего сущего, раздавал своим подданным земли в пользование, имел обязательства по их физической и моральной защите, осуществлял посредничество с предками. Правитель возглавлял судебную систему своей страны, а с выходом овамбо в широкие торговые связи во второй половине прошлого века еще и контролировал внешнюю торговлю.

Надобщинные структуры овамбо к концу доколониального периода представляли собой достаточно типичные для Африки *ранние государства*.

Гереро постоянно передвигались в поисках пастбищ и воды, преодолевая огромные расстояния. Смыслом жизни, мерилom богатства и престижа для гереро был скот. Скот давал гереро основную пищу: утром они пили свежее молоко, а вечером – сквашенное в калебасах кислое молоко. Мясо не занимало большого места в рационе гереро. Хозяйственной ячейкой гереро являлась *община* во главе со старейшиной, управлявшим своими подданными вместе с советом старейших членов *общины*. Однако к середине XIX в. у гереро появился институт *омухоны* – наследственного надобщинного лидера. Социальные структуры, которые были созданы гереро к моменту колониального раздела Африки, следовало бы отнести к *вождествам*. Таких *вождеств* было несколько. Они были совершенно независимы, их *овахона* (ми. от *омухона*) считались равными друг другу.

Одним из таких *овахона* стал *омухон* Магареро (Камагереро), выдвинувшийся в ходе войн гереро против нама (1863–1870 гг.) и ставший предводителем гереро. Он даже объявил себя верховным вождем гереро. Далеко не все гереро признали Камагереро своим верховным вождем, хотя позже германские колониальные власти официально объявили его таковым. Как бы то ни было, в последней трети XIX в. под его властью была объединена часть гереро, и центром этого объединения стала Окахандья.

Отдельные группы нама, продвигавшиеся в северном направлении на территорию современной Намибии в южные районы плоскогорья, насчитывали от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Результатом войн и миграций в восточной части Южной Африки в первой трети XIX в. было вторжение намаязычных групп урлам на территорию сегодняшней Намибии. Урлам, потомки смешанных браков нама, рабов-малайцев и европейцев, умели скакать на лошадях, пользоваться огнестрельным оружием, а также говорить, читать и писать на языке буров. В Юго-Западной Африке они покорили жившие там другие группы нама и передали им свои знания и навыки.

Урлам расселились среди нама в первые десятилетия XIX в. Их вторжение нарушило традиционный уклад жизни местного населения и хрупкий социально-политический баланс в здешних краях. Урлам были организованы в мобильные военные отряды – *коммандос* – под началом капитанов, владели современной для той поры тактикой боя. Они использовали свое военно-техническое превосходство над местным населением (бычьи упряжки и огнестрельное оружие) для захвата принадлежавшего гереро скота. В 1830-1850-х гг. вождь урлам Йонкер Африканер подчинил многие группы нама и гереро и создал военно-территориальное образование, власть которого распространялась на большую часть центральных районов современной Намибии. После смерти Йонкера Африканера в 1861 г. его государство распалось, однако нама держали гереро в постоянном страхе. Войны между гереро и нама продолжались с перерывами практически весь XIX в. В 1870 г. между ними был заключен мирный договор.

Военные действия, однако, прекратились ненадолго и вскоре вспыхнули вновь, и лишь в 1890 г., перед лицом общей опасности – германского колониализма – гереро и нама окончательно заключили мир.

§ 12. Южная Африка

В рамках всего южноафриканского субконтинента существовала достаточно разветвленная система торгового обмена между различными этническими общностями, часто стоявшими друг от друга на расстояниях в сотни километров. Система межобщинных и межэтнических связей играла большую роль не только в обмене вещами, а также результатами производительного труда и охоты между различными районами и этносоциальными общно-

стями, но и оказывала значительное влияние на процессы политогенеза. Образование крупных и влиятельных *вождеств*, послуживших ядром формирования многих современных народов Южной Африки, также было во многом связано с установлением контроля над основными маршрутами торгового обмена. Это относится как к *вождествам* тсвана и сото, возникшим на территории Западного и Восточного Трансвааля, так и к формированию державы зулусов в конце XVIII – первой трети XIX вв. Контроль над торговлей находился в руках верховных правителей южноафриканских *вождеств*, что позволяло им аккумулировать значительные материальные средства в своих руках и привлекать дополнительное число сторонников и клиентов.

Межобщинные и межэтнические взаимодействия составляли достаточно равновесную систему, в которой оставалось место для различных этнических групп, находившихся на разных ступенях социальной эволюции. Каждая этносоциальная общность занимала свою экологическую нишу, определенное положение в социальной иерархии, свое место и роль в системе торгового обмена и межобщинных коммуникаций.

Ключевую роль в нарушении этого равновесия, наряду с началом европейской колонизации, сыграли события мфекане/дифекане, что на русский язык можно перевести как «перемалывание». В период с конца 1810-х гг. и до конца 1820-х гг. в Южной Африке происходило переселение целых *вождеств* и этносов. Иногда они совершали миграции на расстояния до 1000 километров. Рушились старые и возникали новые этнические группы и *вождества*. Все это сопровождалось многочисленными войнами и набегами. Результатом этих событий стало значительное изменение всей этнической карты Южной Африки, а многие народы, сейчас ее населяющие, обязаны своим происхождением как раз этому периоду. Источником этих процессов, приведших в движение большую часть юга Черного континента, являлась территория современной провинции Квазулу-Натал ЮАР.

Именно здесь еще в XVIII в. начали происходить важные изменения в организации и жизни местного населения.

В результате увеличения плотности населения и роста конкуренции между африканцами за контроль над пастбищами и путями торгового обмена на территории южноафриканского побережья, между реками Тугела и Понгола, в конце XVIII – начале XIX в. происходит формирование нескольких крупных *вождеств*, соперничавших между собой за доминирование в регионе. Сильнейшими из них были мтетва, во главе с Дингисвайо, и ндвандве, предводителем которого был Звиде.

Африканская традиция, зафиксированная еще в 1820-е гг. первыми европейцами, обосновавшимися на территориях, подконтрольных зулусам, приписывает Дингисвайо ряд изменений в традиционном укладе жизни. При нем значительное развитие получила традиционная система *амабуто* (ед. ч. – *ибуто*) – объединений, состоявших из молодых людей одной возрастной группы, проходивших вместе обряд инициации – посвящения мальчиков во взрослых мужчин. Ранее *амабуто* собирались не на постоянной основе, а по мере необходимости. В мирное время в их обязанности входило возведение новых *краалей*, участие в охотничьих предприятиях, расчистка полей под посевы и выполнение других хозяйственных работ. В случае войны из *амабуто* формировались вооруженные отряды. Уже во времена Дингисвайо *амабуто* превратились в преимущественно военные подразделения – *импи*, объединенные железной дисциплиной.

В 1817 г. (по другим данным, в 1818 г.) Дингисвайо умер, и союз мтетва фактически распался. В этих условиях против гегемонии ндвандве выступил молодой правитель небольшого клана зулусов Чака, проявивший выдающиеся качества военного предводителя. Он смог отразить набег превосходящих сил ндвандве и силой или убеждением склонил соседние кланы к союзу против Звиде. В результате Чака смог нанести решающее поражение ндвандве в 1819 г., что поставило под его контроль территорию в междуречье рек Тугела и

Понгола площадью около 20 тыс. км². Территориально-родовые объединения и *вождества*, до того сохранявшие свою самостоятельность и имевшие собственных правителей, были им разгромлены и рассеяны по пространствам Южной Африки или же вынуждены были признать власть Чаки и войти в состав его державы в качестве вассальных владений. Некоторые *инкоси* (правители отдельных территориально-родовых объединений и *вождеств*), потерпев поражение от зулусов, оставили пределы Натала и вместе со своими сторонниками переселились на новые земли. Переняв военные традиции зулусов, они наводили ужас на народы, населявшие внутренние районы Южной Африки.

Миграции ндебеле, ангони, нгване или походы Сошангане, имели свои особенности и причины, обусловленные не только возвышением зулусов. Например, переселение ндебеле на территорию Зимбабве в 1830-е гг. происходило под давлением отрядов переселенцев-африканеров.

При этом на обломках прежних *вождеств* возникали новые политические образования, включавшие представителей разных этнических групп. Так, основатель современного Лесото Мошвешве I смог сплотить под своей властью в 1820–1830 гг. разрозненные группы беженцев из числа басуто, нгуни и даже койкой. Он предлагал им надежное укрытие и защиту в случае нападения. Тем, кто был лишен скота и каких-либо средств к существованию Мошвешве выделял скот и распределял свободные земли, превращая тем самым недавних беженцев в своих преданных сторонников. Этому способствовала и терпимость к представителям других этнических групп: им позволяли сохранять свои обычаи и власть родовых старейшин.

На возвышении ндвандве, мтетве, зулусов и других *вождеств* в период *мфекане* также сказывалось влияние колониальной периферии. Ее воздействие проявлялось в активизации торговли слоновой костью и, возможно, рабами через залив Делагоа, в форме торговых и грабительских экспедиций африканеров и гриква в континентальные районы Южной Африки. На границе Капской колонии была налажена настоящая торговля людьми, захваченными в ходе набегов на мирные поселения африканцев. В результате поселения тсвана и басуто оказались как бы между молотом и наковальней. С юго-востока они испытывали давление со стороны зулусов, свази и ндебеле, а с юго-запада на них совершали набеги бастеры и их союзники из числа койкой.

Таким образом, возвышение зулусов и других *вождеств* в период *мфекане/дифакане* являлось скорее не причиной, а следствием трансформации южноафриканского социума, происходившей под влиянием демографических изменений, развития торговых связей с внешним миром и роста внешней угрозы со стороны европейцев.

§ 13. Мадагаскар

Особую страницу доколониальной истории Африки представляет Мадагаскар. Этот гигантский остров населен в основном представителями не негроидной, а монголоидной расы, говорящими на языках малайско-полинезийской семьи. Археологические находки свидетельствуют, что формирование народов, населяющих Мадагаскар, явилось результатом многочисленных переселений и ассимиляции выходцев из Индонезии, Восточной Африки, и стран Арабского Востока. К началу XVI в. на острове насчитывалось около 18 этнических групп, отличавшихся друг от друга формой хозяйственной деятельности (везу – рыболовы, мерина – земледельцы-рисоводы, сакалава – скотоводы). В период XVI–XVII вв. на территории современного Мадагаскара возникло несколько *ранних государств*: Ариндрану, Исандра, Лалангина и др. Самое значительное из них – Имерина, этническую основу которого составляли мерина. Государство это находилось на центральном высокогорном плато,

на его территории был основан г. Антананариву, первое упоминание о котором датируется 1726 г.

До конца XVIII в. Имерина переживала период гражданских войн. Объединителем государства стал в конце XVIII в. Андрианампуй-нимерина – правитель, которого сравнивают с Петром Первым. Он говорил, что границами его рисового поля будет море. И ему действительно удалось, с помощью военных походов, дипломатии и династических браков, объединить под своей властью большую часть плато. К этому времени в Имерине сложилось три основных социальных слоя: *андриана* – знать, подразделявшаяся на шесть категорий, *хува* – рядовые общинники, в основном земледельцы-рисоводы и *ан-деву* – патриархальные рабы.

XIX век – особый этап в истории острова. Это век бурного развития Имерины как единого государства.

Продолжил реформы своего отца Радама I (правил в 1810–1828 гг.). В 1818 г. он принял титул короля Мадагаскара. Заключив договор с Великобританией, он получил военную помощь и создал регулярную армию по европейскому образцу, насчитывавшую до 10 тыс. чел. С этой армией он сумел подчинить практически все народы, жившие в низинных прибрежных районах острова.

При Радаме I на острове развернуло свою деятельность Лондонское миссионерское общество. Миссионеры открыли в 1820 г. первую школу, а к 1828 г. миссионерских школ в Имерине насчитывалось уже 23. Миссионеры перевели малагасийский язык с арабской графики на латиницу, что способствовало скорейшему распространению грамотности. Тогда же, в 1828 г., на острове была открыта первая типография, в которой печатались королевские указы. Именно тогда была заложена основа небывалого для африканских доколониальных государств явления – введения в 1876 г. всеобщего бесплатного образования для всех детей от 8 до 16 лет. Другим результатом внедрения грамотности в Имерине было издание с 1866 г. газеты «Тени Суа» («благородное слово»), давшей начало около 15 наименований газет и журналов к 1896 г.

При Радаме было начато строительство первого канала в прибрежной зоне острова, а в 1825 г. был открыт сахарный завод, 10 % доходов которого принадлежали лично королю.

Трон Радамы в 1828 г. унаследовала его жена Ранавалуна I. Это было первое правление женщины в истории Имерины, и поначалу был даже издан указ, предписывавший считать королеву лицом мужского пола. Она продолжила укрепление государства, при ней был издан первый юридический кодекс – Кодекс 46 статей. Этот документ закрепил законодательно иерархизацию малагасийского общества, административное деление, судебную систему и пр.

С другой стороны, политика королевы Ранавалуны I носила анти-европейский характер. Она денонсировала договор с Англией 1817 г. и инициировала гонения против христиан. Так, в 1835 г. было запрещено крещение детей и солдат, а 1 марта 1835 г. был объявлен полный запрет христианства. 15 августа 1861 г. Ранавалуна I умерла.

Трон наследовал Радама II. Он царствовал всего два года, до 11 мая 1863 г. Это был последний абсолютный монарх Имерины. Именно он открыл французам двери на остров, заключив с ними в 1862 г. договор. Французы, пытавшиеся закрепиться на Мадагаскаре с 1841 г., в этом договоре добились провозглашения там религиозной свободы, открытия своего консульства, отмены таможен и пр. При Радаме II была запрещена смертная казнь и ограничена работорговля. Но в его правление в стране развернулись бесчинства его близких друзей, и в результате заговора Радама II был задушен.

В 1863–1896 г. фактическим правителем Имерины был премьер-министр и муж трех королей Райнилайаривуни. Его называли «регент-христолубец», ведь уже в 1868 г. он объявил христианство в форме англиканства государственной религией Имерины.

При Райнилайаривуни Мадагаскар переживал времена расцвета. Была укреплена законодательная система государства – последовательно приняты кодексы законов 1863, 1868, и 1881 гг. Последний назывался «Кодекс 305 статей». В 1881 г. в стране было создано восемь министерств по образцу европейских, в том числе Министерство обороны и Министерство иностранных дел.

Министерство иностранных дел стало инструментом дипломатического сопротивления Мадагаскара колониальной экспансии европейских держав. Для сохранения независимости Мадагаскара неоднократно использовались противоречия между Англией и Францией, посылались делегации в Европу и Америку. Французская экспансия на остров возобновилась в 1882 г. В результате двух франко-малагасийских войн (1883–1895 гг.) Франция упразднила местную монархию и в июне 1896 г. объявила остров своей колонией. Не помогло ни героическое вооруженное сопротивление жителей Мадагаскара, ни твердая позиция их правителей.

§ 14. Рабство, рабовладение и работорговля

Термин «раб» по отношению к Африке Нового времени применяется с осторожностью. В Тропической и Южной Африке в этот период рабы были, но практически нигде они не являлись основной производительной силой.

Наиболее часто встречавшийся вид рабства – патриархальное. Это целая гамма переходных форм от вольных членов семьи к эксплуатируемым. В результате половозрастного разделения труда происходит перекладывание основных тяжелых работ на плечи женщин, молодежи и пр. «Рабы» при этом являются членами большой патриархальной семьи.

Продолжением патриархального является домашнее рабство. Раб при этом является не членом семьи, а домашним слугой. Он был занят не в производстве, а в домашнем хозяйстве. Рабы могли занимать довольно заметное место в обществе. Среди них были чиновники, воины различных категорий вплоть до гвардейцев, придворные слуги и фавориты, торговые агенты, оброчные ремесленники и торговцы, наконец, евнухи. Рабыни могли быть наложницами, в том числе царскими. Источниками пополнения численности рабов являлись в основном внешние войны, а также внутренние распри. Например, у народа нгонде (современная Малави) рабами становились родственники изменников (самих изменников убивали).

Работорговля в Африке существовала веками, в том числе и внешняя, в основном арабская. Но с Великими географическими открытиями она приняла гигантские масштабы и стала важнейшим структурообразующим элементом африканских обществ.

Наиболее известна так называемая Трансатлантическая работорговля. Трансатлантическая работорговля в Новое время – часть истории Африки, Европы и обеих Америк. Она продолжалась более четырех столетий и стоила Африке, по разным подсчетам, потери от пятидесяти до ста миллионов человек.

Историю Трансатлантической работорговли принято делить на три периода.

1. XVI в. – середина XVII в. Он делится на два подпериода: до и после 1510 г., когда начался вывоз рабов в Новый Свет. В этот период рабов из Африки вывозили с каждым годом все больше, но в целом все же не очень много, причем почти исключительно с побережья Западной Африки.

2. Середина XVII в. – 1807/08 г. Это период так называемой «свободной», т. е. ничем не ограниченной работорговли, когда за невольниками посылали в Африку свои корабли и большие компании, и отдельные купцы. Формально он продолжался до запрета торговли рабами в Англии и Соединенными Штатами, самыми крупными в то время работорговыми державами. Но на самом деле он закончился раньше, с Великой Французской революцией. Ее гуманистические идеи и аболиционистское движение в Англии и Америке сыграли тут

свою роль. Однако запрет на работорговлю в Англии и Соединенных Штатах произошел далеко не только из гуманистических соображений. Развитие капитализма, в частности промышленный переворот, поставили на первый план другой африканский товар: пальмовое масло, необходимое для смазки многочисленных механизмов, другое сырье; также более выгодным становится прямой товарообмен с Африкой.

3. Период с 1807/08 гг. – по 1890 г. – период контрабандной работорговли. Он закончился в основном в 1890 г., когда на международной Брюссельской конференции был принят генеральный акт по борьбе с работорговлей. К этому времени победа северян в Гражданской войне в Соединенных Штатах свела на нет крупнейший очаг применения рабского труда в Новом Свете, а в самой Африке колониальные захваты осложнили вывоз невольников, да и шли они в основном под флагом борьбы с работорговлей.

Европейская работорговля не могла бы существовать без посредничества африканцев. Сами европейцы участвовали в экспедициях за рабами нечасто, в основном их поставляли африканцы-посредники.

В период расцвета работорговли эти посредники продавали рабов европейцам за огнестрельное оружие, алкоголь, металлы, ткани и безделушки – те товары, которые пользовались спросом на Черном континенте. Система оплаты иногда была очень сложной. Например, одна молодая африканка была продана европейским работорговцам за пачку табака, два куска материи, 24 платка, ружье, кувшин и четыре кружки.

Работорговля имела самые пагубные последствия для народов Африки. Прежде всего, Черный континент лишился огромного количества людей, которых вывезли за его пределы. Существуют разные подсчеты общих людских потерь Африки за четыре века европейской работорговли. Как уже упоминалось, называют разные цифры – до 100 млн чел. Многие из этих африканцев, по некоторым подсчетам, до четверти, Нового света так и не увидели – ведь их перевозили на кораблях в нечеловеческих условиях. Вот как описывал невольничье судно, встреченное в Южной Атлантике в 1829 г., один пассажир английского фрегата: «Груз корабля состоял из 505 мужчин и женщин (за 17 дней плавания матросы выбросили в море 55 трупов). Все они находились между палубами в зарешеченном трюме. Он был так низок и мал, что людям приходилось сидеть тесными рядами между ног друг у друга, так что ни днем, ни ночью они не могли прилечь или даже изменить позу. На коже их виднелись клейма – разные, поскольку рабы принадлежали нескольким хозяевам. Эти клейма, как с полным равнодушием рассказал помощник капитана, выжигают раскаленным железом на груди или на руке раба»¹⁰.

Кроме того, работорговля оказала большое влияние на саморазвитие африканских народов. Считается, что в целом в результате работорговли оно было замедлено, а распад таких крупных *ранних государств* Атлантического побережья, как Конго и Бенин, был напрямую связан именно с их участием в работорговле.

Интересно, что сами африканские рабы совсем не представляли своего будущего в Новом Свете, но ожидали его с ужасом. Европейский путешественник в Западной Африке описал свою встречу с перегоняемыми к океанскому побережью рабами в конце XVIII в.: «Они смотрели на меня с ужасом и непрестанно спрашивали меня, едят ли мои соотечественники человеческое мясо. Им было очень интересно узнать, что случилось с их соплеменниками после того, как те пересекли соленую воду. Я сказал им, что их заставили обрабатывать землю, но рабы никак не хотели мне верить»¹¹.

С другой стороны, в результате европейской работорговли в Африке в корне изменилось отношение к рабам и рабству. Европейские работорговцы научили африканцев, что за

¹⁰ Абрамова С. Ю. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978. С. 97.

¹¹ Там же. С. 99.

рабов можно получить у них множество красивых и нужных заморских вещей. Следовательно, рабы стали источников накопления богатств: чем больше поймашь и продашь их, тем богаче станешь. А значит, надо специально захватывать рабов во внутренних районах Африки и отводить их к океанскому побережью, где их охотно купит работорговое судно. Постепенно появлялось все больше африканцев, наживавшихся на невиданном прежде деле – торговле людьми.

В результате возникли целые государства-паразиты, где ничего не выращивали, и не разводили скот, но все существовали за счет торговли живым товаром. Крупнейшими из таких государств-посредников, как их называли, в Западной Африке были Ардра (Аллада), Вида и другие. Они росли и процветали не только за счет продажи людей в рабство, но и за счет многочисленных сборов с европейских работорговцев. Современник свидетельствует: «В Великой Ардре вошло в обычай, что европейцы, желающие получить разрешение на торговлю, должны вручить королю товаров на сумму, равную стоимости 50 рабов. Такая дань взимается с каждого судна. Кроме того, европейцы должны выдать сыну короля стоимость двух рабов за разрешение пополнить запас воды и четырех рабов, чтобы получить топливо. Произведя закупки, они должны снова сделать подарки королю: два мушкета, 25 фунтов пороха и товары, равные по стоимости цене девяти рабов»¹².

Существовали и другие поборы, например, за наем лодок для перевозки товаров и рабов с берега на корабль или, соответственно, с корабля на берег, а ведь без этих лодок европейским работорговцам было не обойтись.

Работорговля в Африке не ограничивалась ее Атлантическим побережьем. Другой важной ее областью было побережье Индийского океана. Одним из важных центров работорговли был остров Мозамбик, давший название целому государству, у побережья которого он находится. Отсюда рабов вывозили в Бразилию, а впоследствии и во французские владения в Индийском океане – острова Реюньон и Маврикий. Таким образом, Восточноафриканское побережье имело большое значение в европейской работорговле, в том числе и трансатлантической. Правда, в значительно меньшей степени, чем западное побережье Африки: отсюда в европейские заокеанские владения вывозилось куда меньше рабов.

Зато Восточноафриканское побережье играло свою роль в арабской работорговле. Рабы из Восточной Африки вывозились на Ближний Восток издавна. Одним из узловых центров на пути рабов из Восточной Африки на Ближний Восток был Каир. Другим стал Занзибарский султанат, возникший в конце 30-х гг. XIX в. Остров Занзибар имел удобную естественную гавань, у которой расположился удивительный средневековый город того же названия, построенный во времена расцвета суахилийской цивилизации.

У Восточноафриканского побережья сходились целых три торговых пути из глубинных районов материка. Этими путями торговцы вывозили на побережье различные товары, главными из которых были слоновая кость и рабы. По этим дорогам почти непрерывно двигались караваны. В Восточной Африке под словом «караван» понималась длинная вереница пеших людей – муха цеце не давала возможности использовать там выючных животных. Слоновые бивни несли носильщики (несколько на каждый), а рабы передвигались сами. Для того, чтобы они не разбежались, их объединяли в группы по 10–20 человек, и каждому на шею надевали железный обруч, соединенный цепью с кандалами на ногах. Обруч каждого раба соединялся цепью с обручем следующего, идущего сзади. Если железных обручей и цепей не хватало, в дело шли деревянные рогатины и лианы. Немудрено, что большая часть рабов гибла уже в этом трудном дальнем пешем пути.

Одним из крупнейших работорговцев середины XIX в. в Восточной Африке был Ахмед бен Мухаммед, прозванный Типпу-Тип («собиратель сокровищ»). Он сумел скопить за счет

¹² Там же. С. 95.

торговли рабами большое богатство и стать фактическим правителем огромной территории во внутренних районах Африки.

В Восточной Африке возникли и процветали в XIX в. крупнейшие невольничьи рынки. Об ужасах работорговли напоминает название города, где находился один из таких рынков – «Багамойо» («оставь свое сердце», то есть, оставь всякую надежду). Там до сих пор можно увидеть множество вбитых в землю свай на морском берегу, к которым привязывали рабов.

Другой крупнейший невольничий рынок находился на острове Занзибар. Занзибар был одним из крупнейших центров работорговли XIX в. С материка рабов переправляли туда на небольших парусниках – доу. По прибытии на остров таможенному чиновнику султана предъявляли лишь самых здоровых рабов, остальных, ослабленных долгими переходами и непригодных для работы, просто бросали на берегу. Часть купленных на невольничьем рынке Занзибара рабов оставалась здесь же – в качестве домашних слуг и работников на гвоздичных плантациях, заложенных по приказу султана Сейида Саида на его любимом Занзибаре и соседней Пембе. Другие отправлялись в дальний морской путь.

Работорговля в Восточной Африке в XIX в. считалась нелегальной. Владычествовавшая в то время на морях Британия заставила султана Сейида Саида и его преемников начиная с 1822 г. подписывать договоры, ограничивающие, а затем и сводящие на нет работорговлю. Тем не менее, торговцы живым товаром ловко обходили все запреты. Современник свидетельствует в 70-х гг. XIX в.: «Работорговля «легальных торговцев» означает, что торговцы, легально перевозящие в своих доу слоновую кость, рис и зерно, одновременно нелегально провозят на борту столько рабов, сколько могут, не особенно рискуя. <...> Капитан покупает в каждом порту, куда заходит по дороге, по несколько рабов, и продает их всех в порту назначения. Пассажиры-арабы часто оплачивают капитану свой проезд на его судне вместо денег также одним-двумя рабами»¹³.

Окончательно работорговля прекратилась только с колониальным разделом Африканского континента европейскими державами. Причем проводился раздел Африки именно под флагом борьбы с работорговлей.

¹³ Рено Ф., Даже С. Африканские рабы в далеком и недавнем прошлом. М., 1991. С. 107.

Глава 2 Колонизация

§ 15. Колониальное проникновение

Первые европейские форты в Черной Африке были основаны еще португальцами в эпоху Великих географических открытий. Первым считается форт Элмина, заложенный еще в 1482 г. на Золотом Берегу (совр. Гана). Затем, на рубеже XV–XVI вв. португальцы основали в Западной Африке форты Кашеу и Бисау.

С усилением других европейских держав – Голландии, затем Англии и Франции, каждая из них также строила свои форты на побережьях Африки. Форты были центрами торговли и опорными пунктами для проникновения во внутренние районы Африки. Европейские державы пытались последовать примеру Португалии, создавшей колонии на Черном континенте. Так, в 1652 г. было положено начало Голландской Капской колонии, в 1793 г. возникла просуществовавшая 20 лет британская Сенегамбия.

С самых первых шагов европейцев в Черной Африке значительную их часть составляли духовные лица. Они пытались обратить африканцев в веру Христову. Уже в самом первом опорном пункте португальцев в Западной Африке – крепости Элмина были построены две церкви – для европейцев и для африканцев.

В 1482 г. были построены первые католические церкви в Конго. При закладке церкви в столице государства был торжественно крещен *маниконго* Нзинга а Нкуву, получивший христианское имя Жуау I, его супруга стала Леонорой, а сын – Афонсу. Внук первого крещеного *маниконго* принц Энрике в 1518 г. стал первым африканцем, получившим сан епископа.

Отношения с миссионерами в Африке не всегда были гладкими. Упомянутая выше Антонианская ересь XVIII в. в Конго по сути была крупным народным восстанием, отражавшим в частности и недовольство участием миссионеров в работорговле.

С изменением соотношения сил в Европе все новые отряды миссионеров из разных стран и разных организаций устремлялись в Африку. К католическим прибавились и протестантские миссионеры разных конфессий: англикане из Британии, лютеране из немецких земель и др.

Новый расцвет миссионерской деятельности получила к середине XIX в. В Африке развернули работу французские Лионское миссионерское общество, ордена Белых Отцов и Белых Сестер, Орден Святого Духа, английское Церковное миссионерское общество, немецкие Берлинское, Лейпцигское, Рейнское миссионерские общества, бельгийские Орден Непорочного Сердца Марии, Общество Иисуса (иезуиты), и многие другие.

В те годы миссионеры проникали все дальше вглубь Черного континента, часто в совершенно не известные европейцам места. Как правило, миссионерские станции основывались в поселениях, которые были для местных народов торговыми или политическими центрами. В каждой миссии строились церковь и школа. Миссионеры старались привлечь как можно больше африканцев к церковной службе. Для этого им приходилось проделывать огромную работу: они быстро выучивали языки африканских народов, среди которых жили, и проповедовали на этих языках.

Большую роль в обращении африканцев в христианство призваны были играть начальные школы при миссиях. Ведь для приобщения к церковным книгам надо было овладеть чтением и письмом. Миссионерские школы долгое время оставались основой начального образования в колониях, государственные школы составили им реальную альтернативу лишь спустя несколько десятилетий после колонизации – к 20–30-м гг. XX в.

Миссионерская школа становилась местом, где маленькие африканцы впервые вплотную сталкивались с заморской культурой. В миссионерских школах африканские дети обучались не только и не столько Закону Божию – им давались те же знания, что их сверстникам в начальных школах Европы, правда, в меньшем объеме. Но зато их усиленно обучали различным ремеслам: столярному, плотницкому, швейному, печатному и прочим.

Религия занимала не доминирующее, порой вообще небольшое место в процессе обучения в миссионерских школах. Главными были практические знания и навыки – чтение и письмо на родном и европейских языках, арифметика, овладение ремеслами. Именно это, а не христианские догматы делало миссионерские школы привлекательными для маленьких африканцев и их родителей. Крещение не было обязательным условием для посещения миссионерских школ. Так, в миссионерских школах Северогерманского общества в Того и на Золотом Береге в 1898 г. из 979 учащихся крещеных было 376, т. е. 38,4 %.

Именно миссионеры стали родоначальниками письменной традиции на многих африканских языках, сделав первые переводы основ Священного писания. Это касается не только языков, бывших к тому времени бесписьменными: миссионеры перевели на латинскую графику крупнейшие письменные языки Тропической Африки – суахили и хауса (соответственно с арабского алфавита и созданной на его основе письменности аджами).

Миссионеры разработали и первые буквари и другие учебники для начальной школы. Например, в школах Рейнского общества в Германской Юго-Западной Африке первоначально использовался обычный букварь для немецких школ, а к 1900 г. был создан специальный букварь, соответствовавший местным условиям.

Миссионеров зачастую называют передовым отрядом европейского колониализма в Африке. Но это упрощенный взгляд на проблему. Действительно, в ряде случаев миссионеры способствовали установлению власти колонизаторов в той или иной части Африки, «подыгрывая» своей стране – будущей метрополии. Однако случалось, миссионеры представляли не будущую метрополию, а другую европейскую державу, которой не желали «подыгрывать». Известны случаи, когда они резко выступали и против установления господства «своей» державы, как это было с рядом представителей Рейнского миссионерского общества в Юго-Западной Африке.

Контакты миссионеров и первых администраторов с местными лидерами закладывали основы будущих отношений с метрополией. Так, вследствие лояльности традиционной верхушки Буганды к сменявшим там друг друга представителям Великобритании – Ф. Лугарду, Дж. Порталу, Г. Джонстону эта страна не только дала название будущему британскому владению в Восточной Африке, но и определила его статус – на карте появился протекторат Уганда. А негативное отношение правителей соседнего Буньоро *омукамы* Камураси и *омукамы* Кабареге к С. Бейкеру и Ч. Гордону, пытавшимся установить контроль над их страной с севера, определило особый статус Буньоро в этом протекторате.

Период колониального проникновения европейцев во внутренние районы Африки явился прологом колониального раздела континента, во многом определил его ход и особенности в каждом конкретном регионе.

§ 16. Португальская колониальная империя в Африке

Становление. Первой из стран Европы, приступивших к колонизации Тропической и Южной Африки стала Португалия, начавшая создавать свою колониальную империю еще в первой половине XV в. Ее зарождение неразрывно связано с именем принца Энрике (1394–1460), вошедшего в историю под именем Мореплавателя, хотя в своей жизни он и не совершил ни одного дальнего морского путешествия. Будучи губернатором Сеуты, города на Североафриканском побережье, принц Энрике стремился поставить под контроль порту-

гальцев прибыльную торговлю золотом, которое поступало в Европу из Западного Судана по караванным путям через пустыню Сахару. Для расширения этой торговли Энрике организовал нескольких морских экспедиций вдоль атлантического побережья Западной Африки, и в 1444 г. португальские корабли достигли устья реки Сенегал, которая является естественной границей между Сахарой и Западным Суданом. Еще через десять лет португальцы достигли реки Гамбия, которая открыла им доступ во внутренние районы западноафриканского побережья, что расширило их торговые контакты. Дальнейшую португальскую экспансию подстегивали известия о богатствах доселе не известных европейцам стран Африки.

После смерти принца Энрике в 1460 г. португальцы продолжили экспедиции на юг вдоль побережья Западной Африки. В 1481 г. на побережье современной Ганы был основан главный опорный пункт португальцев в Гвинейском заливе – уже упоминавшаяся крепость Элмина. Вплоть до 1520-х гг. на нее приходилась примерно 1/10 мировой торговли золотом. Другим важным источником прибыли для Португалии в Западной Африке стала работорговля. Первая партия африканских рабов была доставлена в Португалию в 1442 г., и с тех пор оборот этой торговли лишь возрастал. В 1448 г. был построен форт на острове Арген у мыса Зеленый, предназначенный исключительно для работорговли. Число невольников, вывезенных из Африки, возросло после открытия Нового Света, когда Испания начала вывозить туда рабов. Португалия же фактически до середины XVI в. оставалась монополистом по торговле «живым товаром» на Африканском побережье, перепродавая затем невольников испанцам или в другие страны Европы, где они высоко ценились в качестве домашней прислуги.

Продвигаясь дальше вдоль побережья Гвинейского залива на юг, португальские корабли в 1482 г. достигли устья реки Конго. В 1488 г. Бартоломеу Диаш, обогнув южную оконечность Африки, впервые вышел в воды Индийского океана, но из-за нежелания команды двигаться дальше на восток вынужден был повернуть обратно. Им был открыт мыс Доброй Надежды, правда, названный Диашем мысом Бурь.

Следующий этап в освоении португальцами морского пути вокруг Африки не заставил себя долго ждать. Васко (Вашку) да Гама смог обогнуть Африку и достичь индийского города Каликут на Малабарском побережье Индии в 1498 г. В этом ему помог арабский лоцман Ахмед ибн Маджид. В ходе этого путешествия португальские моряки впервые посетили портовые города Восточной Африки и столкнулись с самобытной культурой суахили.

Так как прибыль от торговли со странами Востока приносила баснословные по тем временам барыши, в Лиссабоне был составлен план по закреплению власти Португалии над всем побережьем Западной, Южной и Восточной Африки. Его реализация была возложена на двух вице-королей Индии¹⁴ – Франсиску де Альмейда (1505–1509) и Афонсу де Албукерки (1509–1515). Уже в 1505 г. португальцами были захвачены или вынуждены были признать их власть основные суахилийские города в Восточной Африке: Софала, Момбаса, Килва и др. Наибольший урон от португальцев понесли жители Момбасы, правитель которой попытался дать вооруженный отпор колонизаторам. В результате штурм города сопровождался чудовищной жестокостью и разрушениями. Согласно дошедшим до нас свидетельствам очевидцев событий, португальцы не щадили в Момбасе ни женщин, ни стариков, ни детей. Богатый суахилийский город подвергся тотальному разграблению. Каждый из солдат, участвовавших в штурме, получал долю в захваченной добыче. Урок Момбасы оказался настолько устрашающим, что правитель города Софала, другого важнейшего торгового центра на восточноафриканском побережье, согласился на все условия португальцев и разрешил им построить на его территории форт и торговую факторию. Так города суахили вошли в состав Португальской колониальной империи. Главной целью этих захватов было устра-

¹⁴ Словом «Индия» португальцы в XVI в. определяли не только полуостров Индостан, но весь восточный мир, от мыса Доброй Надежды до Японии и островов Тихого океана.

нение конкуренции со стороны арабских купцов в Индийском океане и установление португальской монополии на торговлю со странами Востока. Сами же прибрежные крепости на восточноафриканском побережье выполняли, прежде всего, функцию опорных пунктов и баз для распространения влияния португальцев на внутренние районы Африки. Главным объектом притяжения для португальских конкистадоров стали сведения о могущественном и богатом золотом государстве Мономотапа.

В этот же период стали очевидными трудности, с которыми столкнулась Португалия в поддержании своей гегемонии на Востоке. Удержание силой оружия экономических позиций в столь отдаленном регионе требовало напряжения сил, которое, как многие понимали, не могло долго продолжаться. В 1570 г. государство отказалось от монополии на торговлю с Востоком, начав сдавать в аренду торговые права компаниям купцов.

Диогу ду Коуту (солдат, писатель и историк) предлагал проект создания новой империи вместо восточной: она должна была охватывать юг Африки от побережья Анголы до Мозамбика. Там находились богатые рудные районы Мономотапы.

Для продвижения в глубинные районы Африки на реке Замбези португальцами были построены несколько фортов. Это открыло им дорогу на Мономотапу, и в 1569–1573 гг. они предприняли попытку завоевать ее. Однако долгая и изнурительная военная кампания закончилась ничем, как из-за сопротивления, оказанного местным населением, так и из-за болезней, буквально выкосивших значительную часть португальских солдат. В 1574 г. против Мономотапы была направлена новая военная экспедиция, однако и она принесла лишь новые жертвы. Ситуация изменилась лишь в 1607 г., когда из-за разразившегося внутреннего кризиса и восстаний власть правителя Мономотапы была ослаблена, и он вынужден был обратиться к португальцам. В обмен на военную помощь он передал португальцам все права на разработку минеральных богатств Мономотапы. С 1632 г. Мономотапа была поставлена под контроль португальского губернатора и должна была платить дань португальцам. Однако португальцы вынуждены были конкурировать за контроль над Мономотапой с набиравшим силу *вождеством* розви. Соперничество закончилось изгнанием португальцев с территории Мономотапы в начале XVIII в.

Если в подчинении городов суахили португальцы опирались, прежде всего, на военную силу, то иная ситуация сложилась в Экваториальной Африке, где они столкнулись с одними из крупнейших доколониальных государств Африки – Конго и Ндонго. Первоначально Португалия не стремилась к завоеванию этих африканских государств, но лишь к их христианизации. Сюда в конце XV в. устремились католические миссионеры. Португальцы встретили со стороны местного населения доброжелательный прием, правители Конго рассматривали португальцев как равных и возможных торговых партнеров и союзников. Около 1506 г. *маниконго* Конго стал Мвемба Нзинга, который еще в 1491 г. был крещен под именем Афонсу. Правление короля Афонсу I (1506–1543) стало временем усиления влияния Португалии в Конго. В этот период многие знатные молодые люди баконго получали образование в Португалии. Однако в 1539 г. в Лиссабоне было получено известие, что меди, олова и серебра в Конго «больше, чем в Испании». С этого момента Португалия стала стремиться поставить Конго под свой политический и военный контроль. Фактически речь шла об установлении протектората над африканским государством. Португальцы стали вмешиваться в порядок престолонаследия, усилилась зависимость Конго от португальской военной помощи. *Маниконго* Алвару I (1568–1587) вынужден был признать себя вассалом короля Португалии.

В 1571 г. король Португалии пожаловал Паулу Диаш ди Новаиш побережье Анголы, на котором должны были разместиться первые белые колонисты. Так было положено начало созданию португальской колонии Ангола. Центром нового владения стала Луанда. В южной части Анголы в 1587 г. был основан форт Бенгела, давший название одноименной провинции. Начался длительный период так называемых «ангольских войн», в ходе которых пор-

тугальцы столкнулись с упорным сопротивлением местного населения. В 1576 г. Диаш де Новаиш начал военную кампанию против государства Ндонго, целью которой было овладение серебряными рудниками в Камбамбе. К началу XVII в. завоевателям удалось закрепить в этом районе и основать ряд крепостей, служивших опорными базами португальцев. Однако их влияние во внутренних районах было подорвано в ходе войн с правительницей государства Ндонго Нзинга Мбанде (принявшей в крещении имя доны Анны). С середины 1620-х гг. вплоть до своей смерти в 1663 г. она вела войны с португальцами, остановив их продвижение вглубь Анголы вплоть до 1670-х гг. В этом ей, как уже говорилось, в значительной степени помог союз с голландцами, занимавшими Луанду в 1641–1648 гг.

Постепенно отношения португальцев с государством Конго также начали принимать все более напряженный характер. Традиционная родовая знать баконго была недовольна пропортугальской политикой своих правителей и засильем католических миссионеров. Принимавшая все больший размах работоторговля и постоянные набеги на соседей с целью захвата невольников подтачивали силы государства. Результатом были восстания, которые правителям Конго удавалось подавлять лишь при помощи португальцев, попадая от них в еще большую зависимость. В конце концов, новый *маниконго* Антониу Манимулуза пошел в 1663 г. на открытый конфликт с португальцами, отказавшись выполнять договор о территориальных уступках португальцам, подписанный его предшественником. В результате начавшейся в 1665 г. войны войско Антониу Манимулузы было разгромлено, сам *маниконго* был обезглавлен. Это фактически положило конец существованию государства Конго, в котором до 1710 г. происходили междоусобные войны, а власть *маниконго* носила лишь номинальный характер.

В целом в XVI–XVII вв. португальцам не удалось установить прочного контроля над внутренними территориями Африканского континента. Эпоха расцвета морской колониальной империи Португалии приходится на первую половину XVI века, но ее главным центром являлись так называемые Острова пряностей в Юго-Восточной Азии и города-крепости на побережье полуострова Индостан. У Португалии не было достаточно людей и ресурсов для масштабных завоевательных походов в Африке. К тому же ее владения на континенте имели в большей степени стратегическое значение для контроля над морским путем в Индию, и ее политика в африканских владениях была подчинена, прежде всего, этим целям. С 1580 по 1640 г. Португалия потеряла государственную самостоятельность и находилась в унии с Испанией, что также ослабило ее позиции в колониях. Оказавшись втянутой в войны Мадрида с Англией и Нидерландами, Португалия лишилась наиболее значимых владений в Азии и в Западной Африке, что нанесло непоправимый урон ее морскому могуществу. Восстановив свою независимость от Испании в 1640 г., Португалия не смогла восстановить утраченные позиции в Индийском океане и постепенно теряла свои владения в Африке. В конце XVII в. важнейшие центры торговли в Восточной Африке Момбаса и остров Занзибар были захвачены султанатом Омана. Это ограничило владения Португалии на африканском побережье Индийского океана современным Мозамбиком (в 1752 г. окончательно выделен из административного подчинения Гоа и преобразован в самостоятельную колонию). В Западной Африке владения Португалии к началу XVIII века ограничивались лишь островами Зеленого Мыса, Португальской Гвинесей и островами Сан-Томе и Принсипи. Последние еще в начале XVI в. были превращены в одного из крупнейших поставщиков сахара в Европу. Плантации сахарного тростника возделывались руками черных рабов, которых португальцы вывозили с континента.

Администрация, социальная структура и экономическое развитие. К началу XVIII в. в африканских колониях Португалии в целом завершилось складывание административной системы, напрямую подчинявшейся властям в Лиссабоне. В основу этой системы был

положен принцип бюрократического централизма, на котором базировалась абсолютистская система в метрополии.

Все высшие административные и судебные должности в колониях занимали португальцы – уроженцы метрополии. Как правило, это были разорившиеся дворяне, которые не могли поправить свои дела в метрополии. Они приезжали в колонии на временное жительство с целью разбогатеть в возможно короткий срок. Главные доходы колониальным чиновникам давало не официальное жалование, а злоупотребления и произвол. Широкие полномочия чиновников, бюрократический централизм, продажа должностей, казнокрадство составляли отличительные черты португальского колониального аппарата.

Губернаторы колоний были наделены огромной властью. Отправляясь из Лиссабона в колонию, губернатор получал специальную «инструкцию» («режементу»), которой он должен был руководствоваться в своей деятельности. Губернатор имел юрисдикцию над гражданскими и военными лицами вплоть до присуждения к смертной казни виновных в ереси, измене, фальшивомонетничестве и т. д. При губернаторе действовал Совет, состоявший из нескольких высших чиновников, наделенный консультативными функциями. На местах административную власть осуществляли капитаны крепостей, факторы (сборщики налогов), овидоры (судьи) и вожди (соба).

К органам местного управления относились камары (муниципальные палаты), которые избирались общими собраниями белых горожан из числа наиболее состоятельных.

Таким образом, колониальная администрация делилась на центральную (губернатор и состоящий при нем штат чиновников) и местную. Низшим звеном этой структуры была «туземная» администрация, представленная вождями и родовыми старейшинами. В результате, традиционные институты власти после определенной трансформации были интегрированы в общую систему управления колониями.

Колониальная политика Португалии в отношении африканцев отличалась некоторой гибкостью. Потерпев неудачу в попытках установить прямое господство над рядом африканских *ранних государств и вожеств*, португальцы вынуждены были вступать во временные соглашения и альянсы с ними. Это могли быть как союзнические отношения, так и признание вассальной зависимости африканскими правителями от португальской короны. Но и в том, и в другом случае конечным результатом была потеря независимости африканскими народами и включение их в состав португальских колониальных владений.

Социальный состав населения португальских колоний отличался определенным своеобразием по сравнению с колониями других европейских держав. Несмотря на долгую историю колонизации Африки, португальцы не стремились к созданию здесь переселенческих колоний, да и людских ресурсов у Португалии для этого не было. Вплоть до середины XIX в. в Анголе на постоянной основе находилось менее 2 тыс. белых, до этого времени не было зарегистрировано ни одного случая выживания белого ребенка, родившегося в Луанде. Тем не менее, со временем в колониях стала формироваться прослойка белого населения. Уроженцы метрополии монополизировали всю высшую административную, религиозную и военную власть. Они составляли основную массу также торговой буржуазии и работорговцев.

На ступень ниже по социальной лестнице стояли мулаты – потомки белых и африканцев. Рост числа метисов в португальских колониях объяснялся вполне прозаическими причинами – практически полным отсутствием среди колонистов белых женщин. Поэтому связи португальцев с африканками были достаточно распространены, что вело к появлению новой социальной группы в колонии – мулатов, сыгравших в последующем большую роль в их политическом, общественном и культурном развитии.

Как правило, мулаты составляли промежуточные слои населения: мелкие торговцы, посредники в работорговле, ремесленники, низшее офицерство и низшее духовенство, но

некоторым из них удавалось нажить крупные состояния и занять более высокое положение в обществе.

Особенно много мулатов проживало на островах Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи. Здесь активно развивалось плантационное хозяйство, основанное на рабском труде. Постепенно на островах сложилась особая креольская культура и своеобразный этнорасовый состав населения в результате смешения португальских колонистов и черных рабов из разных регионов Африки.

Еще ниже на социальной лестнице располагались свободные африканцы. Они сохраняли собственные общинные институты управления, свой хозяйственный уклад и обычаи. Однако росло и число так называемых детрибализированных африканцев, поступавших на колониальную службу в качестве солдат, переводчиков и мелких клерков. Низшую ступень в колониальном обществе занимали рабы.

Экономическое развитие португальских колоний во многом определялось скудными возможностями самой метрополии. С начала XVIII в. все большую роль в их хозяйственном освоении стали играть датчане и англичане. Подписание в 1703 г. Метуэнского договора с Англией фактически открыло внутренний рынок как метрополии, так и ее колоний для английской торговли. Англичане и голландцы основывали свои торговые фактории на территории португальских колоний, главным предметом вывоза по-прежнему оставались рабы и слоновая кость. Особенно большое значение в экономике вплоть до начала XIX века играла работорговля. С началом выращивания в Бразилии сахарного тростника резко возрос вывоз рабов из португальских колоний. Ангола стала одним из главных поставщиков «живого товара» в Южную Америку. По разным оценкам, в одну Бразилию к 1850 г. было ввезено от 3 до 12 млн рабов. Португальские поселения в Западной Африке и в Анголе стали крупнейшими невольничьими рынками. В систему работорговли, созданную португальцами в своих колониях, входили отнюдь не только белые, но и арабо-суахилийцы, продолжавшие заниматься этим выгодным «бизнесом», перепродавая европейским перекупщикам «живой товар». Активно участвовали в этом и правители африканских *ранних государств*, перепродававших работорговцам захваченных пленников. Набеги с целью захвата рабов становились средством повысить доходы правителя, усиления его власти и привлечения новых клиентов. Тем самым африканцы сами становились и жертвами, и участниками международной работорговли.

Власти Португалии мало занимались экономическим развитием зависимых территорий в континентальной Африке, не предпринимали шагов по распространению современных агротехнологий, и местное население преимущественно продолжало практиковать примитивное земледелие и скотоводство. В Мозамбике с конца XVI в. существовала система *праву* – пожалования короны португальским подданным, отличившимся на службе. *Празейруги* фактически стали собственниками этих земель и облагали налогами жителей *празу*. Размеры этих вотчин достигали 50 тыс. км², в них широко использовался труд рабов. В *празу* выращивали кукурузу и маниоку (кассаву), разводили крупный рогатый скот. Тропические болезни и конфликты с местным населением усложняли ведение хозяйства. Система *праву*, не приносявшая королевской казне значительных доходов, в 1852 г. была официально ликвидирована, но хозяйства *празейруги* существовали до 1890-х.

С начала XIX в. объемы работорговли постепенно начинают уменьшаться, а в 1836 г. король Португалии официально запретил работорговлю в своих владениях. Это привело к кризису традиционную систему экономики в колониях Ангола и Мозамбик, которые фактически перестали приносить доходы. В 1844 г. объем внешней торговли Анголы сократился до 30 % от уровня 1825 г. Ситуация стала исправляться лишь в 1870-е гг., когда страна стала крупным поставщиком природного каучука на мировой рынок.

Доходность островных владений Португалии в XIX в. лишь возрастала. Как уже отмечалось, в них еще с XVI в. установилась плантационная система хозяйства. С 1820-х гг. на Сан-Томе и Принсипи начинается настоящий «бум какао». Местный климат и плодородные вулканические почвы оказались идеальными для возделывания этой культуры.

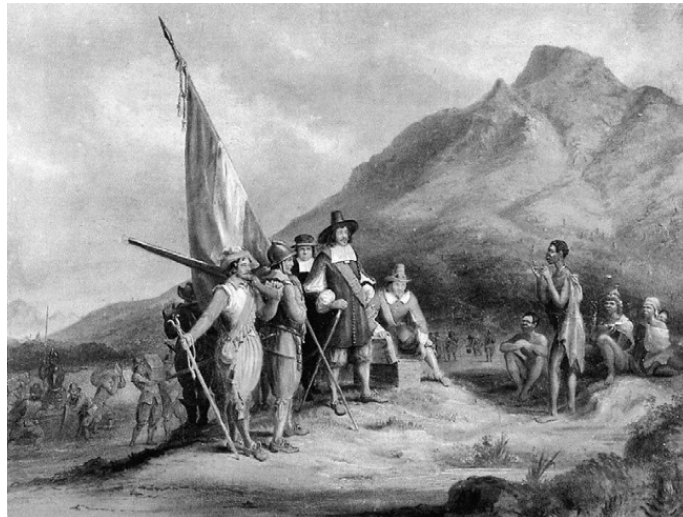
§ 17. Европейская экспансия в Южной Африке

Создание первой поселенческой колонии. 6 апреля 1652 г. у подножия плоской, как стол, горы в удобной бухте на мысе Доброй Надежды бросили якорь три голландских судна. Из них высадились семьдесят человек, в основном голландцы, но также и немцы и представители некоторых других европейских народов, во главе с тридцатитрехлетним капитаном – Яном ван Рибеком. Они построили форт у подножия горы, которую, как и бухту, назвали Столовой. Этот форт стал началом города Капстада (города у мыса), ныне носящего название Кейптаун.

В задачи ван Рибека, кроме постройки форта, где моряки кораблей Голландской Ост-Индской компании (ГОИК) могли свободно отдыхать, входило обеспечение их свежими овощами и фруктами, а также налаживание добрых отношений с местным населением, у которого можно было бы постоянно покупать мясо.

Более интересными для белых поселенцев на Капе были не сан, а койкой, так как они вели производящее хозяйство и владели скотом. Мясо можно было получить именно у них. Однако мирные отношения с койкой у белых не сложились. Африканцы с удовольствием выменивали у пришельцев табак и железные и медные изделия на свой скот. Однако этот источник поступления скота не отличался значительным постоянством. Африканцы, в отличие от голландцев, не испытывали острой необходимости в меновой торговле, к тому же скот представлял для койкой чрезвычайно большую ценность. От его наличия зависело само выживание их кочевых общин. Поэтому африканцы не спешили расставаться со своим достоянием, а если и продавали голландцам несколько голов, то это были далеко не самые лучшие из стада. Это, конечно, не устраивало голландцев. Чтобы наладить снабжение колонии на более регулярной основе, ван Рибек отправлял специальные экспедиции для налаживания контактов с *общинами* койкой внутренних районов, но в ряде случаев европейцы не гнушались и просто-напросто красть у них скот. Эта практика постепенно становилась на Капе обычным делом. Немудрено, что мирные поначалу отношения европейцев с африканцами все более осложнялись.

Тогда ван Рибек понял, что для стабильного снабжения моряков да и самих себя поселенцам проще самим разводить скот, и добился у руководства Компании разрешения на то, чтобы часть его служащих стали фермерами. Кроме того, было решено специально привезти из Европы людей, чтобы они занимались на Капе сельским хозяйством. В 1657 г. первые двенадцать фермеров из числа отставных служащих ГОИК обосновались у восточных склонов Столовой горы. Это послужило началом европейской поселенческой колонии в Южной Африке. Свободные поселенцы стали именоваться бюргерами.

Высадка Яна ван Рибек на Мысе Доброй Надежды, 1652 г. Картина Чарльза Белла (1851 г.).

Но создание поселенческой колонии и переход к земледелию не мог не вызвать острый конфликт с африканцами по поводу земли. Африканцы считали занятые колонистами территории своими и продолжали пасти на них свой скот. В результате возникших конфликтов из-за земли и скота между европейцами и койкой произошло два достаточно крупных вооруженных конфликта, так называемые койкой-голландские войны в 1659–1660 и 1673–1677 гг. Они закончились поражением африканцев, и голландцы смогли упрочить свое влияние в окрестностях Капстада.

Земли на самом юге Африки оказались очень удобными для ведения фермерского хозяйства, и население Капской колонии быстро росло. Приезжали свободные бюргеры из Нидерландов и немецких земель. Кроме того, в 1685 г. во Франции был отменен Нантский эдикт, разрешавший гугенотам свободу вероисповедания. В результате десятки гугенотских семейств нашли прибежище в Капской колонии, где господствующей религией был также протестантизм, в форме кальвинизма. Первая группа французов (около 300 человек) прибыла в Капскую колонию в 1686 г. Уже в течение жизни одного поколения выходцы из Франции были полностью ассимилированы.

С ростом фермерского хозяйства выходцев из Европы возникла и еще одна проблема: нехватка рабочих рук. Выход нашли вскоре: уже в 1654 г. ГОИК организовала доставку в Капскую колонию рабов с острова Мадагаскар. Затем рабов стали ввозить из Мозамбика и других стран Африки, а также из Азии. Первые партии рабов были ввезены в 1658 г.

Ценились не только рабы-мужчины, но и рабыни. В колонии белых женщин не хватало, и поселенцы и моряки заходивших в Капстад кораблей часто вступали в сексуальные связи с женщинами азиатского происхождения или происходившими из Мадагаскара и других частей Африки.

В первые десятилетия существования колонии связи европейцев с женщинами койкой скорее были исключением, но все же существовали. Были даже официальные браки. В 1685 г. браки белых с небелыми были официально запрещены, но постепенно, в результате смешения представителей различных расовых групп, на Капе возникла особая группа населения – так называемые «цветные». Среди них, в свою очередь, образовались две основные этнокультурные группы: «капские малайцы», основу которых составили рабы и слуги, вывозившиеся ГОИК из Юго-Восточной и Южной Азии, а также Мадагаскара в XVII–XVIII вв., а вторую составляли несколько групп потомков от связей европейцев и африканских рабов с женщинами койкой: урлам, бастеров (бастардов) и кора (корана). В течение XVIII в. боль-

шие группы бастеров переселились к р. Оранжевой и под влиянием миссионеров изменили свое самоназвание в начале XIX в. на гриква. Родным языком для представителей обеих групп был так называемый капско-голландский, позже получивший название африкаанс. Но в отличие от бастеров, которые в целом находились под преимущественным влиянием европейской культуры и в конце XVIII – начале XIX в. начали в массовом порядке принимать христианство, «капские малайцы» оставались мусульманами. Таким образом на Юге Африки было положено начало распространению двух крупнейших мировых религий.

Сами буры (от голландского *Боеге* – крестьянин), как постепенно стали называть себя белые поселенцы на Юге Африки, тоже были новой этнической группой, возникшей в результате смешения выходцев из Нидерландов, немецких земель, Франции. Их язык, капско-голландский, постепенно приобретал все новые отличия от классического нидерландского, в частности, в нем появлялись слова из местных африканских языков.

В конце XVII – первой половине XVIII в. была выработана система управления Капской колонией, остававшаяся почти неизменной до ее окончательного перехода в руки англичан в 1806 г. Во главе колонии стоял губернатор. Он председательствовал в Политическом совете (политике раад), в который входили семь высших должностных лиц колонии и столько же состоятельных торговцев, представлявших интересы свободных бюргеров. Совету принадлежала высшая законодательная и исполнительная власть в колонии. Правосудие осуществлялось офицерами и высшими должностными лицами колонии, но высшая судебная власть принадлежала Совету справедливости, подавляющее большинство в котором вплоть до 1783 г. составляли те же члены Политического совета. Во главе администрации отдельного дистрикта (района) стоял ланддрост, являвшийся официальным служащим компании. Он, в свою очередь, возглавлял совет (хеэмаден), состоявший из представителей местных свободных бюргеров. Постоянной армии не было, но фермеры обязаны были нести воинскую службу в случае военных действий. Они могли нанимать себе слуг – кнехтов. Живя в условиях постоянных войн с коренным населением этих краев, фермеры сами создавали по мере надобности военные отряды для грабительских набегов за скотом.

Неотъемлемой частью истории и культуры бурских фермеров являлось постоянное переселение и освоение близлежащих территорий, что, как правило, сопровождалось изгнанием и подчинением, а то и истреблением местного населения – сан и койкой. Постоянно растущая потребность в новых землях определялась хозяйством и образом жизни буров. Их главным занятием было экстенсивное скотоводство – лишь в окрестностях Капстада существовало достаточно развитое земледелие, и возделывались виноградники. При этом все хозяйство базировалось на труде рабов и свободных койкой, находившихся на службе у колонистов. Обычный размер бурской фермы равнялся шести тысячам акров, но в отдельных случаях они достигали тридцати или даже пятидесяти пяти тысяч акров. Ее площади соответствовало и количество скота, находящегося во владении колониста. Например, в конце XVIII в. фермеры в северной части дистрикта Храфф-Рейнет на восточной границе Капской колонии редко имели меньше 3–4 тыс. овец. Дети колонистов (а семьи буров, как правило, были многодетными), достигнув совершеннолетия и обзаведясь семьей, стремились основать свою собственную ферму, полностью воспроизводя образ жизни своих родителей.

Кроме постоянного земельного голода другим обстоятельством, определявшим политику колонистов по отношению к коренному населению, являлся недостаток рабочих рук. Хозяйственный уклад буров требовал использования рабской или наемной рабочей силы. Но коренное население не спешило вступать в отношения трудового найма. Острее всего эта проблема стояла перед жителями отдаленных от Кейптауна районов, где им было тяжелее удовлетворять свои потребности за счет импорта рабов из других регионов Африки и стран Азии. Основным источником рабочей силы для них являлось коренное население Южной

Африки. Чтобы привлечь к себе на фермы африканцев, буры прибегали к прямому насилию и принуждению.

Официальной религией в Капской колонии был кальвинизм, «вывезенный» из Нидерландов первопоселенцами. В 1665 г. Реформатская церковь Нидерландов послала на Кап своего первого пастора, а год спустя был создан первый южноафриканский приход Реформатской церкви в Кейптауне. Проповедническую деятельность среди африканцев голландцы практически не вели. В то время религиозную доктрину Реформатской церкви Нидерландов составляли постановления Дордрехтского (Дортского) синода 1618–1619 гг., запрещавшие крещение «детей язычников». После первых опытов крещения нескольких койкой во второй половине XVII в., потерпевших полную неудачу, миссионерская деятельность среди африканцев была практически полностью прекращена.

К концу XVIII в. в Капской колонии было всего пять приходов. Приходские школы были единственными существовавшими там учебными заведениями, а пастор – наиболее образованным человеком в округе. Именно через пастора доходили до большинства буров сведения о том, что происходило в столице – Капстаде да и во внешнем мире.

Владения ГОИК на Капе заложили основы колонии поселенческого, или переселенческого типа. Это означало, что выходцы из Европы селились там навсегда и вели производящее хозяйство. Впоследствии поселенческими колониями в Африке обзавелась Великобритания, захватившая у Нидерландов Кап и постепенно овладевшая другими частями Южной Африки, а также Северной и Южной Родезией и Кенией. Поселенческие колонии в Африке в XIX в. появились у Франции (Алжир) и Германии (Юго-Западная Африка/Намибия).

О разрушительном воздействии европейской колонизации на доколониальную систему отношений свидетельствует тот факт, что именно в XVIII–XIX вв. с южноафриканской карты исчезает большинство этнических объединений койкой, а группы охотников-собирателей были частично истреблены, а частично отеснены в малопригодные для жизни и сельского хозяйства районы Калахари.

Колониальное общество Капа в 1795–1850 гг. В 1795 г. произошли события, во многом изменившие ход исторического развития Южной Африки. В ходе войн с революционной Францией англичане заняли мыс Доброй Надежды и объявили об аннексии территории Капской колонии. Правда, в 1803 г., согласно условиям мирного договора с Наполеоном Бонапартом, Великобритания вынуждена была отказаться от этого своего нового приобретения, но уже в 1806 г. британцы вторично заняли мыс Доброй Надежды.

В конце XVIII в. площадь Капской колонии составляла 206 тыс. км², а население насчитывало более 60 тыс. чел., из которых примерно 20 тыс. являлись европейцами, подавляющее большинство которых были бурами – потомками переселенцев из Нидерландов, Германии и французских гугенотов. Кейптаун (Капстад) – главный город и центр всей колонии, являлся важнейшим стратегическим пунктом на пути в Индию, что придавало особое значение новому приобретению британской короны.

Завладев южной оконечностью Африки, англичане вступили в контакт не только с бурскими фермерами, но и с многочисленным африканским населением как внутри колонии, так и за ее пределами. Выработка стратегии взаимоотношений с коренными жителями Южной Африки стала одним из главных направлений колониальной политики Великобритании в регионе.

В конце XVIII – первой трети XIX вв. место Капской колонии в Британской империи определялось в первую очередь ее стратегическим положением. Скудность ее природных ресурсов и крайне ограниченные возможности внутреннего рынка не способствовали росту интереса английских предпринимательских кругов. В Лондоне не видели смысла в расширении влияния на Юге Африки. К тому же враждебное отношение буров отнюдь не способствовало желанию британских властей жертвовать своими материальными и людскими

ресурсами ради приобретения новых территорий, в чем были заинтересованы потомки голландских колонистов. Однако взяв на себя ответственность по управлению и защите Капской колонии, британские власти неизбежно оказались вовлечены и в пограничные конфликты между бурами и коса. Еще в 1779–1781 гг. произошла так называемая первая пограничная («кафрская») война между колонистами и коса. В результате второй (1789–1793) и третьей войны (1799–1803) коса удалось оттеснить колонистов с части занятых ими территорий на востоке Капской колонии и практически полностью занять район Зуурвелда. Восстановить контроль над этими территориями британским властям удалось только в 1811–1812 гг. После этого была установлена новая система пограничного контроля на востоке Капской колонии. Вдоль границы была создана цепь военных постов, из которых осуществлялось патрулирование прилегающих территорий. Были также введены ограничения на торговлю с пограничными *общинами* коса, любая торговая деятельность подданных Короны на территориях за пределами колонии признавалась незаконной. Жесткие запреты были введены на организацию миссионерских станций на землях независимых африканских *общин*. Лишь в 1816 г. была организована первая постоянная миссия на землях коса. Но даже в этом случае главным стимулом к подобным действиям являлась, прежде всего, потребность колониального правительства в постоянном агенте и представителе среди коса.

В пределах самой Капской колонии политика британских властей вначале шла вразрез с интересами бурских фермеров. Здесь к началу XIX в. сохранились лишь разрозненные остатки некогда многочисленных *общин* койкой и сан. Они подвергались активной ассимиляции со стороны европейцев и постепенно включались в состав новой социальной и расовой общности – «цветных». Но в начале XIX в. этот процесс не был еще завершен, и многие койкой сохраняли свой язык и элементы религиозной традиции и культуры.

Англичане, придя на Юг Африки и столкнувшись с жесточайшей оппозицией со стороны буров, попытались противопоставить бурам бастардов и койкой Капской колонии. С этой целью был сформирован Капский корпус – регулярные воинские части, состоявшие из «цветных». В 1806 г. его численность достигла 800 человек. Все офицеры и унтер-офицеры являлись европейцами, так что полный контроль оставался в руках белых.

Важнейшим шагом по стабилизации положения внутри Капской колонии и снижению уровня социальной напряженности стало развертывание сети миссионерских станций в пределах колонии. Они должны были служить пристанищем для койкой и сан, лишившихся средств к существованию.

Утвердившись в Южной Африке, британские власти стали проводить постепенные преобразования во внутренней жизни Капской колонии, в том числе и в отношении африканского населения. В 1809 г. губернатор граф Каледон выпустил прокламацию, которая регулировала условия найма африканцев на работу к бурским фермерам. 17 июля 1828 г. властями Капской колонии был выпущен Ордонанс № 50, направленный на улучшение положения африканского населения колонии и отменявший все предыдущие дискриминационные законы относительно койкой и «цветных». Этот документ уравнивал их в правах с белыми, закреплял права африканцев на покупку и владение землей, обеспечивал их защиту при найме на работу. Незадолго до этого, 14 июля, вышел другой указ, согласно которому в колонию разрешался допуск африканцев, живших за ее пределами, для последующего найма на работу.

Эти и другие законодательные акты (об отмене рабства в Капской колонии см. ниже) способствовали расширению контактов между африканцами и европейцами. В колонию увеличился приток банту, значительно повысился уровень предпринимательской активности среди койкой и бастеров. Наиболее предприимчивые из них приобретали фургоны и занимались коммерческой перевозкой грузов, разводили скот и возделывали землю. Постепенно они начинали перенимать привычки и образ жизни европейцев: носили одежду из хлопча-

тобумажной или шерстяной ткани, употребляли в пищу кофе и сахар, становились ревностными последователями христианства. Наиболее состоятельные из них строили каменные дома. Таким образом, изменения, привнесенные британскими колониальными властями в систему социально-экономических отношений, и деятельность христианских миссионеров приводили к постепенному переустройству в Капской колонии африканского общества на новой основе, формированию среди коренного населения прослойки мелких предпринимателей и наемных работников, усвоивших многие привычки и обычаи европейцев.

Однако постепенно, начиная с 1830-х гг., происходит сближение позиций британской администрации и колонистов по вопросу политики в отношении коренного населения. Причина заключалась в том, что хозяйственный прогресс фермеров и экономическое развитие колонии являлись главной задачей британского правительства. Это, в свою очередь, связывалось с разрушением традиционной организации коренного населения. Его инкорпорация в колониально-капиталистическую систему становилась одной из приоритетных задач британской администрации. Но этого нельзя было добиться без насильственного разрушения африканского социума. Лишь посредством войны можно было приобрести новые территории и превратить африканцев в источник дешевой рабочей силы для европейских фермеров.

С другой стороны, экономический прогресс койкой и бастеров Капской колонии был столь значителен, что это стало вызывать беспокойство среди колонистов. С ростом конкуренции со стороны представителей коренного населения власти начинали постепенно создавать искусственные барьеры на пути прогресса африканцев. В 1841 г. британской администрацией были ликвидированы поселения койкой на реке Грейт-Фиш. Там скопилось достаточно много африканцев, которые, по мнению колониальных властей, не приносили никакой пользы. Основанием для подобных выводов являлось то, что они отказывались идти на общественные работы и не нанимались в услужение к фермерам. Результатом подобных притеснений со стороны колониальных властей стало широкое участие койкой и бастеров в антиколониальном восстании коса («война Мланджени») в 1851–1853 гг.

Эти же тенденции прослеживаются в отношениях Капской колонии с независимыми *общинами* коса. В 1835 г. в результате очередной «кафрской войны» губернатор Б. Д'Урбан аннексировал значительную часть территорий коса к западу от реки Кей. Находившийся у власти в Великобритании либеральный кабинет вигов дезавуировал действия губернатора и восстановил прежние границы Капской колонии. Правительство снова попыталось вернуться к политике ограничения контактов между колонистами и коса. Но эта система долго не просуществовала. В колонии в первой половине XIX века ощущался острый дефицит свободных земель. В 1830–1840 гг. одним из главных пунктов обращений колонистов к британским властям было требование расширить границы колонии. От фермеров шли жалобы на несправедливость условий соглашений 1836 г., недостаток рабочей силы и постоянные набеги коса. В результате британские власти пересмотрели в 1840-х гг. систему пограничных отношений. С этого времени начинается новый натиск на *вождества* коса, что привело к двум войнам в 1846–1847 и 1850–1853 гг. и аннексии значительной части территорий коса, образовавших отдельное владение Короны – Британскую Кафрарию. Таким образом, с начала 1840-х гг. английская колониальная администрация переходит к политике широкой территориальной экспансии в Южной Африке, что соответствовало интересам большинства белого населения. Одной из важнейших предпосылок к этому стал «*Великий трек*» буров, в значительной мере изменивший этнополитическую ситуацию во всем южноафриканском субрегионе.

Великий трек. С 1806 г. в Капской колонии окончательно утвердилось британское господство. Англичане провели ряд экономических реформ: отменили торговую монополию, ввели свободную торговлю с проходящими судами, открыли регулярное морское сообщение

между Европой и Азией. В 1826 г. в Капской колонии появляются первые овцы-мериносы, в течение 10 лет главной отраслью ее экономики стал экспорт шерсти.

В 1820–1821 гг. на Кап приехало около 4 тыс. английских колонистов, для расселения которых британские власти отвели восточные приграничные дистрикты, тем самым затруднив продвижение буров на земли коса. Во второй половине 1820-х гг. было отменено преподавание в школах на голландском языке, и английский стал единственным официальным языком в колонии. Все это, естественно, вызывало недовольство буров. Надо добавить сюда и финансовую реформу 1825 г., по которой обмен старых денег – риксдаллеров – проводился по грабительскому для фермеров курсу.

Но наиболее серьезные последствия для буров имела отмена рабства. Еще в 1808 г. вступил в силу запрет британских властей на работорговлю. В 1834 г. на Капе вступило в силу решение британского парламента о полном запрете рабства. В течение четырех лет рабы могли оставаться у хозяина, но в конце срока они должны были быть обязательно отпущены. За денежной компенсацией буры должны были обращаться в Лондон, но, не зная английского и не имея достаточных средств на поездку, большинство буров не могли воспользоваться обещанными им средствами.

Все это подрывало основы хозяйства буров и в итоге переполнило чашу их терпения. Они решили уйти из Капской колонии, ими же когда-то основанной.

Массовый исход буров, вошедший в историю под названием «*Великий трек*», начался в 1835 г. Большинство переселенцев (*треккеров*) происходили из восточных дистриктов Капской колонии. В течение десяти лет пределы Капской колонии оставили около 15 тыс. чел.

Миновав территорию между реками Оранжевая и Вааль и перейдя через Драконовы горы, группы *треккеров* ступили на земли зулусов, привлекавших переселенцев своим мягким климатом, удобным выходом к морю, обширными пастбищами и плодородием. В 1837 г. буры направили в лагерь правителя зулусов Дингане (Дингаана) послов во главе со своим лидером Питером Ретифом, чтобы добиться соглашения на поселение в этих землях. Однако переговоры закончились убийством послов и массовым избиением буров, в результате которого в общей сложности погибло более 300 человек, включая женщин и детей.

16 декабря 1838 г. на реке Баффало между десятитысячным войском Дингане и несколькими сотнями бурских переселенцев во главе с Андриесом Преториусом произошло решающее сражение. Вооруженные огнестрельным оружием *треккеры* с успехом отразили нападение зулусов и устроили настоящую кровавую бойню, уничтожив более трех тысяч из них. Потери же самих буров составили лишь несколько человек. С тех пор река Баффало, воды которой после битвы буквально окрасились кровью зулусов, стала называться Кровавой. Сама эта победа была воспринята бурами как явное подтверждение милости к ним Всевышнего.

Дингане вынужден был пойти на подписание соглашения о мире 23 марта 1839 г. Зулусы отказывались от всех территорий к югу от реки Тугелы. На захваченных землях бурские переселенцы основали республику Натал. Однако через четыре года англичане захватили и эту территорию, образов здесь новую английскую колонию с тем же названием.

Африканеры вынуждены были мигрировать на север и северо-запад, во внутренние районы Южной Африки, где они столкнулись с ндебеле и их правителем Мзиликази, бывшим военным предводителем Чаки. После нескольких кровопролитных столкновений Мзиликази вынужден был вместе со своими людьми уйти дальше на север, на территорию современной Зимбабве. А на отвоеванной у ндебеле и других африканских народов территории *треккеры* образовали новые республики. Самыми крупными из них были основанная в 1852 г. Южно-Африканская Республика (она также именовалась Трансвааль) со столицей в Претории, и основанное в 1854 г. Оранжевое Свободное государство со столицей Блумфонтейн.

Подавляющее число переселенцев занялись сельским хозяйством. Поскольку размер многих их ферм достигал 50-100 тыс. акров, бурами активно использовался труд батраков-африканцев. Вплоть до открытия на территории Трансвааля золота и начала промышленной разработки его залежей в 1880-е гг. бурские республики оставались патриархальными аграрными государствами с небольшим европейским населением. Белое население Трансвааля к концу XIX в. составляло примерно 125 тыс. чел., а гражданами Оранжевой республики к тому времени являлись 30 тыс. чел.

Завершение сопротивления коса англо-бурской колонизации. В 1850-е гг. коса суждено было пережить один из самых драматических периодов своей истории. В ходе двух войн с Капской колонией в 1846–1847 и 1850–1853 гг. они потеряли значительную часть своих территорий и лишились значительной части скота, захваченного колонистами. Колониальные власти пытались лишить *инкоси* части их наследственных прерогатив – исполнения судебных функций. В 1854 г. земли коса поразила эпизоотия, вызвавшая массовый падеж скота. Африканцы потеряли две трети от общего количества своих стад в районах, затронутых болезнью. Это стало для них настоящей катастрофой, так как скот занимал центральное место в хозяйственной и социальной жизни коса, использовался в ходе важнейших религиозных ритуалов. Скот выступал не только мерилем благосостояния, но и определял статус человека, служил выкупом в ходе заключения брачных союзов.

Среди коса большой популярностью стали пользоваться различные пророчества, объяснявшие причину постигших народ несчастий вмешательством сверхъестественных сил. Эта тенденция проявилась еще во время войны 1850–1853 гг., когда во главе антиколониального движения коса встал прорицатель Мланджени, объявивший, что ему было видение, в котором предки коса восстали из мертвых и прогнали белых обратно в море. Чтобы пророчество сбылось, Мланджени потребовал от коса забить и принести в жертву весь скот желтой и серой (мышинного цвета) масти и тем самым «разрушить наведенные на страну чары». Безоговорочная вера большинства людей в способности Мланджени сыграла роль объединяющей силы во время войны 1850–1853 гг., вошедшей в историю как «Война Мланджени».

В начале 1856 г. по всей восточной границе Капской колонии распространилось новое пророчество. Его провозвестницей стала юная девушка Нонгг'авусе, которой якобы явились посланники давно умерших предков. Они велели передать всем живущим, что мертвые готовятся восстать, но для этого люди должны убить весь свой скот, ведь он стал «нечистым» из-за того, что они ухаживали за ним руками, «загрязненными» колдовством. Также для выполнения пророчества необходимо было перестать возделывать землю и уничтожить все свои запасы. Тогда их предки восстанут, и к людям вернется изобилие.

Видение молодой девушки, интерпретатором которого стал ее дядя Мхлаказа, получило широкое распространение. Были и другие «пророки», объявлявшие о скором воскрешении мертвых. Предсказания имели ярко выраженную антиколониальную направленность. Повсюду циркулировали слухи, что умершие предки коса уже воюют с англичанами за морем (здесь нашли свое воплощение достигшие коса сведения о Крымской войне), а утверждение, что русские были белыми – чистая ложь. На самом деле они все черные и являются воинами коса, погибшими в сражениях с колонией, и скоро появятся в Южной Африке. Спровоцированы слухи были известием о том, что в одном из боев против русских в Крымской войне погиб бывший губернатор Капской колонии генерал Джордж Кэткарт.

Подавляющее большинство *инкоси* и простых общинников коса безоговорочно поверили этим предсказаниям. Около 85 % всех взрослых мужчин Британской Кафрарии и Транскаея (так со второй половины XIX в. стали называть территории к востоку от реки Кей), являвшихся главами домохозяйств, уничтожили весь свой скот и посевы. Было убито 400 тыс. голов скота, а от последовавшего за этим голода умерло 40 тыс. чел. Еще примерно столько же покинуло свои дома в поисках пропитания. Население Британской Кафрарии,

насчитывавшее в начале 1857 г. 104 тыс. чел., к его концу составляло 37 тыс. По всей Британской Кафрарии и в Транскее можно было наблюдать ужасные сцены голода. Были отмечены случаи каннибализма.

Коса были настолько дезорганизованы, что на целых два десятилетия потеряли способность активного сопротивления. Как указывал южноафриканский историк Дж. Тил, коса сами признавали впоследствии, что до этого момента они не были завоеваны. В 1835, 1847, 1853 гг. они заключали мир с целью получить передышку в войне, но, уничтожив все средства к существованию, они сами себя погубили.

Воспользовавшись тем, что в результате этих событий коса были полностью дезорганизованы и не могли оказать сопротивления, английская администрация захватила две трети территорий, принадлежавших африканцам в Британской Кафрарии под предлогом, что те оставили ее. Все *инкоси*, участвовавшие в массовом забое скота, лишались правительственных субсидий, которые они получали с 1855 г. Наиболее авторитетные и влиятельные лидеры коса, Макома и Сандиле, были арестованы и отправлены в заключение.

На освободившихся территориях были расселены германские легионеры – солдаты, нанятые британским правительством для войны с Россией в 1854–1856 гг. Земли в Южной Африке были им предоставлены в качестве платы за службу. В результате европейское население Британской Кафрарии возросло с 1 073 до 5 388 человек. В 1860 г. новое перераспределение земли было закреплено прокламацией губернатора.

Для предотвращения столкновений на границе английских владений с независимыми *общинами* коса колониальные власти очистили полосу земли шириной в несколько десятков миль к востоку от своих владений. Предлогом для этого послужило обвинение Сахили, формально считавшегося верховным правителем всех коса и занимавшего со своими людьми земли восточнее реки Кей, в том, что он якобы возглавил заговор с целью нападения на колонистов и спровоцировал массовый забой скота. Таким образом, за несколько лет, последовавших за этими событиями, колониальным властям удалось добиться большего, чем за предшествующие 50 лет.

Последняя попытка коса отстоять свои земли была предпринята в 1877–1879 гг. в ходе так называемой девятой пограничной («кафрской») войны. Но это восстание против британской власти было изначально обречено и не потребовало привлечения значительных сил со стороны метрополии. Основные действия против восставших велись силами самой Капской колонии и ополчения из колонистов. Одним из итогов этой войны стала ликвидация самостоятельности Транскея и его присоединение к Капской колонии в 1879 г. С этого момента традиционные формы антиколониального сопротивления окончательно отошли в прошлое, и на первый план в движении зарождавшихся сил протеста стали выходить первые африканские организации во главе с представителями нарождавшейся африканской интеллигенции.

Англичане и зулусы в Южной Африке в XIX в.: история контактов и конфликтов. С присоединением Натала к владениям британской Короны английским колониальным властям пришлось напрямую столкнуться с наиболее могущественным из африканских *вождеств*, возникших в доколониальный период. Чака смог объединить под своей властью или поставить в вассальную зависимость территории площадью около 100 тыс. км². При жизни ему удалось создать достаточно эффективную систему управления завоеванными территориями.

Главным инструментом поддержания контроля над завоеванными землями стало строительство военных *краалей* (иканда), в которых квартировались «полки» (*амабуту*) зулусов. Иканда находились под управлением ближайших родственников Чаки – его сестер и теток. Посредством этого вся территория зулусской державы фактически уподоблялась зулусскому *краалю* (умзи), в котором традиционно отдельные хижины – домохозяйства управлялись женами и близкими родственницами главы семьи.

Непосредственный контроль и командование над военными подразделениями осуществляли *индуны* – ближайшие советники и сподвижники Чаки, лидеры союзных родов и *вождеств*. На них также были возложены функции апелляционного суда, они осуществляли на вверенной им территории сбор штрафов и подношений в пользу верховного правителя зулусов. Из них также формировался совет, на обсуждение которого выносились важнейшие вопросы внутренней и внешней политики: объявление войны и мира, разрешение особо запутанных судебных споров и т. д. Чака ввел свою монополию не только на политическую власть и командование вооруженными силами, но и на религиозные обряды и культы, жестко ограничив влияние колдунов – *изангома*. Постепенно власть Чаки приняла поистине неограниченный характер, его слово являлось решающим в политических, военных, судебных и религиозных делах. Весь его внешний облик и церемониал подчеркивали величие правителя зулусов.

Первые контакты Чаки с европейцами относятся к 1824 г., когда на месте современного Дурбана небольшая группа английских торговцев и авантюристов основала свою факторию. Они добились покровительства со стороны Чаки, а фактически были приняты в качестве вассалов зулусского правителя. От них Чака, прежде всего, хотел получить доступ к огнестрельному оружию и добыть медицинские снадобья европейцев, которым африканцы приписывали магическую силу. Он также предпринял попытку установить регулярные контакты с Капской колонией. Для этого в 1827 г. на мыс Доброй Надежды была послана специальная миссия. Но она закончилась полной неудачей, так как послов Чаки не допустили к встрече с губернатором или другими сколько-нибудь значительными чиновниками колониальной администрации.

После убийства Чаки в 1828 г. зулусским *инкоси* стал его сводный брат Дингане. Он частично ослабил контроль над жизнью зулусских общинников. *Амабуто* стали собираться лишь на полгода, и молодые воины теперь могли раньше получить разрешение обзавестись семьей и основать свое собственное домохозяйство.

Безраздельному господству зулусов на юго-восточном побережье Южной Африки положил конец «*Великий трек*» буров. После поражения от буров на реке Баффало в 1838 г. зулусы потеряли более половины своих территорий. Одновременно с этими событиями в стране зулусов развернулась междоусобная война, которая привела к свержению Дингане и приходу к власти с помощью буров его брата Мпанде.

Совершив значительные территориальные уступки европейцам, Мпанде смог сохранить независимость зулусской державы. Ему удалось установить дружественные отношения с англичанами, аннексировавшими в 1843 г. республику Натал. Граница между новой британской колонией и владениями зулусов проходила по реке Тугела и ее левому притоку Баффало.

В целом отношение к англичанам Мпанде и его сына Кечвайю, сменившего отца в качестве *инкоси* в 1872 г., отличалось достаточной лояльностью. Своими главными противниками зулусы видели, прежде всего, буров, которые продолжали претендовать на северные территории Зулуленда, как тогда официально называли страну зулусов. В случае внутренних конфликтов зулусы прибегали к британскому арбитражу, как это было во время официального признания Кечвайю наследником своего отца в 1861 г. и в 1873 г., когда была произведена его «коронация» Т. Шепстоном, министром по туземным делам Натала.

Отношения англичан и зулусов стали резко меняться в 1870-е гг., что было обусловлено рядом причин: планами создания Южно-Африканской Конфедерации, которые не предусматривали сохранения независимых африканских *вождеств*, ростом потребностей экономики британских колоний в дешевой рабочей силе и аннексией Трансвааля в 1877 г., что возложило на британские власти ответственность за разрешение пограничных споров между бурами и зулусами.

Росту напряженности в отношениях англичан и зулусов способствовало во многом уникальное положение Зулуленда, сохранившего к 1870-м гг. свою независимость, военную организацию и традиционный уклад жизни. При Кечвайо зулусская армия насчитывала 25–30 тыс. чел. С помощью европейского торговца и авантюриста Дж. Данна был создан отряд воинов, вооруженных огнестрельным оружием, делались попытки организовать кавалерию. Войско зулусов являлось самой мощной, крупной и дисциплинированной силой африканцев в Южной Африке. Неизбежность войны осознавалась колониальными властями уже в середине 1870-х гг., за четыре года до ее начала. В 1875 г. Г. Уолсли, исполнявший обязанности губернатора Натала, после ознакомления с положением дел в колонии пришел к заключению, что все трудности в отношениях с африканцами могли быть решены аннексией Зулуленда.

11 декабря 1878 г. губернатор Натала Г. Балвер предъявил Кечвайо ультиматум, в котором, в том числе, содержались требования распустить войско и принять английского резидента, который осуществлял бы надзор за внутренним управлением страной. Кечвайо соглашался удовлетворить большинство пунктов ультиматума, но он не мог пойти на выполнение главного условия – распустить войска, что было равносильно потере независимости. Судьба зулусов была предрешена, и 11 января 1879 г. английские части несколькими колоннами вступили на территорию Зулуленда – это стало началом англо-зулусской войны.

22 января 1879 г. у холма Изандлвана был окружен и практически полностью уничтожен отряд полковника Дернфорда. В результате этого сражения погибло более 800 англичан и 500 африканцев из «туземных войск». В сражении также пали около 3 тыс. зулусов. Поражение стало следствием пренебрежительного отношения англичан к своему противнику. Повсеместно было распространено убеждение, что зулусы не будут сопротивляться, так как устали от «тирании» Кечвайо.

Известие об этом поражении вызвало панику в Натале, среди колонистов царил переполох. Они со дня на день ожидали вторжения зулусов, и все населенные пункты готовились к обороне. Но зулусы не стали вторгаться в пределы британских владений. Кечвайо, по-видимому, хорошо осознавал неизбежность поражения в открытом противостоянии с Великобританией, он пытался разрешить войну миром.

Вплоть до конца мая 1879 г., пока в Натал не прибыли подкрепления из метрополии, британское командование не шло на новые наступательные действия. Развязка наступила 4 июля, когда произошло решающее сражение у Улунди, резиденции Кечвайо. В этом бою была разгромлена 20-тысячная армия зулусов, причем колониальные войска потеряли всего 9 человек убитыми. После этого исход войны был предрешен. Сам Кечвайо был захвачен в плен в конце августа.

В сентябре 1879 г. был установлен новый порядок управления Зулулендом. Его территория была разделена между 13 «вождями», среди которых был и Дж. Данн, перебежавший во время войны к британцам. Уничтожение централизованной власти, олицетворением которой являлся Кечвайо, ввергло страну в анархию. В 1880–1881 гг. зулусов поразил страшный голод, к тому же народ оказался втянут в изнурительную междоусобную войну.

Англия не могла долго оставаться в стороне от дел, происходящих под боком у Натала. У правительства было два выхода: или аннексировать Зулуленд, или управлять им через верховного правителя. Лондон выбрал второй вариант. Министерство колоний организовало в 1882 г. поездку Кечвайо в Англию, где он удостоился аудиенции королевы Виктории. Ему были предложены условия, на которых британское правительство соглашалось восстановить его в правах на престол. Кечвайо обещал отказаться от военной системы зулусов и поощрять мужчин отправляться на заработки в Натал. Он обязался запретить практику казни колдунов, отказаться от ввоза огнестрельного оружия и разрешать все споры с другими *инкоси* при посредничестве британского резидента. Под его властью оставалась лишь треть

его прежних владений. Остальные территории должны были войти в резервацию, призванную служить буфером между Наталом и зулусами, и составить владения Зибебу – главного противника Кечвайо в борьбе за власть, также принадлежавшего к правящему роду зулусов.

Кечвайо вернулся в Зулуленд в январе 1883 г., но это не принесло мира. Зибебу не хотел признавать его верховенство, а Кечвайо стремился вернуть утраченные земли. Начавшаяся война не принесла успеха Кечвайо. После двух поражений от Зибебу, он вынужден был бежать в резервацию, где умер 8 февраля 1884 г.

Ситуация в Зулуленде ухудшилась, когда Динузулу, сын Кечвайо, заключил соглашение с бурами Трансвааля и разгромил при их поддержке Зибебу в июне 1884 г. Но это оказалась пиррова победа, так как в обмен на помощь буры потребовали большую часть Зулуленда. Практически не встречая сопротивления, они стали занимать земли зулусов.

Видя, как буры захватывают земли зулусов, всполошились власти Натала. В июле 1885 года законодательное собрание Натала приняло обращение к правительству Англии с просьбой незамедлительно аннексировать Зулуленд.

5 февраля 1887 года британский резидент М. Осборн, не дождавшись официальной санкции, объявил о распространении власти Великобритании на восточную часть Зулуленда и установил над ним режим протектората. Это означало конец независимости зулусов. Их территория была поделена между англичанами и бурами. В северной части Зулуленда была создана бурская Новая республика, к которой отошла примерно четверть всех земель, находившихся под властью Кечвайо до войны 1879 г.; над остальными территориями был объявлен британский протекторат.

Управление новыми территориями должно было осуществляться по примеру африканских резерваций Натала. Губернатор объявлялся верховным вождем. Зулуленд делился на шесть дистриктов, где учреждались посты судей-резидентов. В их юрисдикцию входил разбор всех уголовных дел и рассмотрение апелляций на решения вождей. Последние же могли выносить решения лишь по мелким гражданским делам. Во всех судебных разбирательствах между африканцами допускалось применение обычного права. Земля оставалась в полном владении зулусов. Белым не позволялось селиться и покупать земли в пределах протектората. Финансирование данной системы должно было осуществляться за счет самих зулусов. Для этого вводился налог на хижины в размере 14 шиллингов.

Окончательно статус Зулуленда был установлен в 1897 г., когда он был присоединен к Наталу. В политическом плане это означало ликвидацию последних осколков независимости зулусов, но в долгосрочной перспективе способствовало дальнейшему сплочению их этноса, расколотого до этого между двумя территориями: британским Наталом и Зулулендом.

§ 18. Колониальный раздел

Колониальный раздел Африки, или схватка за Африку, как иначе его называют, начался в 1870-е гг. Конечно, первые колонии европейских держав появились там значительно раньше, еще в XV–XVI вв., если говорить о владениях Португалии, но это был так называемый точечный или анклавный колониализм. Колониальный же раздел означал, что в схватку за «свой кусок пирога» на Черном континенте так или иначе включились все ведущие на тот момент европейские державы.

Разделу Африки между европейскими державами способствовал целый комплекс причин. Тут и необходимость новых рынков сбыта для промышленных товаров, и экспорт капитала, и расширение сырьевой базы европейской промышленности, и имперские амбиции держав, и борьба с работорговлей.

Лорд Солсбери, министр иностранных дел Великобритании, говорил, что Африка создана в наказание министрам иностранных дел. Именно в последней трети XIX в., на

которую пришлось два периода его пребывания в должности главы внешнеполитического ведомства империи, и подписывались основные договоры о разграничении владений европейских держав в Африке.

Выделяют три периода колониального раздела Африки:

- первый – с начала 1870-х гг. до Берлинской конференции 1884–1885 гг.;
- второй – между Берлинской конференцией 1890 г. и Брюссельской конференцией 1890 г.
- третий – между Брюссельской конференцией и окончанием англо-бурской войны в 1902 г.

Важным этапом колониального раздела Африки стала так называемая Берлинская конференция по разделу бассейна реки Конго. Она проходила с 15 ноября 1884 г. по 23 марта 1885 г., в ней участвовала и Россия. Председательствовал канцлер Бисмарк. Важнейшим из документов конференции был Заключительный акт, принятый 26 февраля 1885 г. В нем, в частности, была объявлена «свобода торговли в бассейне р. Конго, ее устьях и окрестных странах». Также был установлен т. и. принцип «эффективной оккупации»: колониальные державы обязывались не просто провозгласить свой суверенитет над той или иной территорией, но и установить там систему управления, ввести налоги, строить дороги и т. д. В документе подчеркивалась необходимость борьбы с работорговлей и поддержка миссионерской деятельности.

Брюссельская конференция 1889–1890 гг. была посвящена мерам по прекращению работорговли в Африке. В итоговом документе конференции – Генеральном акте по борьбе с работорговлей – запрещался вывоз рабов из Африки и, что очень важно, запрещалось ввозить в Африку огнестрельное оружие усовершенствованных систем. Это облегчало колониальным державам военный захват территорий на Черном континенте.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. была первой войной уже не за раздел, а за передел африканских территорий на Юге континента между колониальными хозяевами – англичанами и бурами (африканерами).

Английские колониальные захваты. Главное направление английской колониальной экспансии в Африке определялось планом создания непрерывной цепи владений в Африке по линии Каир-Кейптаун. План этот был выдвинут крупным колониальным деятелем Сесилем Родсом, имя которого впоследствии получили два британских владения на юге континента – Северная и Южная Родезии.

Еще ранее, в конце 1870-х гг. англичане начали борьбу за контроль над побережьем между Капской колонией и португальским Мозамбиком. В 1880 г. они разгромили зулусов и превратили их страну в свою колонию. Угроза соприкосновения германских и бурских владений и перспектива германо-бурского союза побудила Великобританию интенсифицировать усилия по «окружению» бурских республик. В 1885 г. англичане подчинили земли бечуанов и пустыню Калахари (протекторат Бечуана-ленд, современная Ботсвана). В 1887 г. англичане покорили расположенные к северу от страны зулусов земли тсонга, достигнув таким образом южной границы Мозамбика и отрезав бурам выход к морю с востока. С присоединением в 1894 г. Кафрарии (страна пондо) в их руках оказался весь восточный берег Южной Африки.

С конца 1880-х гг. основным орудием британской экспансии стала Привилегированная компания Сесилия Родса. В 1888–1893 гг. англичане подчинили земли шона и ндебеле, расположенные в междуречье Лимпопо и Замбези (Южная Родезия, современное Зимбабве). В 1889 г. они покорили территорию к северу от Замбези – страну баротсе, назвав ее Северной Родезией (современная Замбия). В 1889–1891 гг. англичане заставили португальцев уйти из Маники (современная Южная Замбия) и отказаться от планов расширения территории Мозамбика в западном направлении (договор 11 июня 1891 г.). В 1891 г. они заняли область

к западу от оз. Ньяса (Ньясаленд, современное Малави) и достигли южных границ Свободного государства Конго и Германской Восточной Африки. Им, однако, не удалось отобрать у бельгийцев Катангу и продвинуться дальше на север, план Родса потерпел неудачу

Другим направлением британской экспансии в Африке было расширение своего влияния с севера континента на юг.

С конца 1860-х гг. началось проникновение англичан в долину Верхнего Нила: они постепенно укрепляли свои позиции в Судане, находившемся в вассальной зависимости от Египта. Фактически власть в Восточном Судане принадлежала английскому генералу Гордону, состоявшему официально на египетской государственной службе. Однако в 1881 г. там вспыхнуло восстание *махдистов*. В январе 1885 г. повстанцы взяли суданскую столицу Хартум и к лету 1885 г. полностью изгнали англичан из страны. Только на исходе XIX в. Великобритания смогла восстановить контроль над Суданом: в результате военной экспедиции Г. Китченера (1896–1898) и его победы над *махдистами* под Омдурманом 2 сентября 1898 г. Судан стал совместным англо-египетским владением.

Разгромив махдистское государство, Китченер стремительно двинулся на юг, к г. Фашода, куда еще до этого прибыл французский экспедиционный отряд во главе с капитаном Маршаном. Дело чуть не дошло до англо-французской колониальной войны, но в конечном счете Франции пришлось уступить. В ноябре 1898 г. Маршан оставил Фашоду, и в марте 1899 г. было заключено соглашение о разграничении английских и французских владений в Восточном Судане.

С территории самой южной суданской провинции – Экватории – генерал Гордон принял попытки подчинения государства Буньоро (часть нынешней Уганды), но натолкнулся на ожесточенное сопротивление его правителей.

В конце концов, эти территории были захвачены со стороны Индийского океана в условиях жесткого соперничества с Германией. Англичане создали Имперскую британскую восточноафриканскую компанию, которая захватила куски побережья Индийского океана, считавшиеся подвластными султану Занзибара. 7 июля 1886 г. был заключен договор, по которому материковые владения Занзибарского султана были ограничены 10-километровой прибрежной полосой.

Были поделены сферы влияния держав и во внутренних районах Восточной Африки: линия раздела между английскими и германскими зонами прошла по современной кенийско-танзанийской границе от побережья до оз. Виктория. Области к югу от нее достались Германии (Германская Восточная Африка), области к северу – Великобритании.

В 1889 г. англичанам удалось подчинить государство Буганда, доминировавшее в Межозерье и тем самым преградить немцам путь к Нилу. В этих условиях стороны пошли на заключение 1 июля 1890 г. компромиссного Гельголандского договора о размежевании земель к западу от оз. Виктория: Германия отказалась от претензий на бассейн Нила, Уганду и Занзибар, получив взамен в Европе стратегически важный о. Гельголанд (Северное море); западной границей Германской Восточной Африки становились озеро Танганьика и озеро Киву. Великобритания установила протекторат над государством Виту, Занзибарским султанатом и о. Пембой. К 1894 г. англичане распространили свою власть на всю современную Уганду.

Гвинейское побережье было привлекательным для Англии как самый близкий потенциальный источник хлопка, пальмового масла и другого сырья. Используя форты в Западной Африке, англичане сумели расширить свои владения и в этой части континента. Так, форт Элмина стал опорным пунктом для борьбы с Конфедерацией Ашанти. Первая военная кампания 1873–1874 гг. закончилась захватом и разгромом столицы ашанти – г. Кумаси. 14 марта 1874 г. был подписан англо-ашантийский договор, по которому ашанти отказывались от ряда территорий, а Англия получила контрибуцию и свободу торговли на территории Кон-

федерации. Затем англичане поддержали центробежные тенденции и тем самым ослабили власть *асантехене*. Ашантийцы были окончательно покорены в 1896 г. в результате новой военной кампании англичан. Их десантные части вновь захватили Кумаси и предали город огню, правитель и его сановники были отправлены в ссылку, территория Ашанти объявлена британским протекторатом.

Для создания колонии Нигерия опорным пунктом стал город Лагос, захваченный англичанами в 1852 г., а в 1861 г. официально объявленный владением британской короны. В 1885 г. был образован Протекторат масляных рек в низовьях рек Нигер и Бенуэ. В результате участия англичан во внутренних войнах государств йоруба в 1888 г. британский протекторат был установлен и над ними.

В 1897 г. началась военная кампания англичан против государства Великий Бенин. В результате нескольких военных экспедиций и ожесточенных боев англичане окончательно утвердили свое господство в Бенине 19 февраля 1897 г. Подчинив обширные территории в низовьях Нигера, в январе 1900 г. англичане провозгласили над ними протекторат. Однако бои за покорение халифата Сокото продолжались до лета 1903 г. В 90-х гг. англичане также провели ряд военных экспедиций в Сьерра-Леоне и Гамбии, окончательно утвердив там свою власть к 1901 г.

По Гельголандскому соглашению Англия включила в сферу своего влияния некоторые спорные территории в Западной Африке на границе Золотого Берега и Того. В результате к началу XX в. в Западной Африке под британским господством оказались четыре территории – Нигерия, Золотой Берег, Сьерра-Леоне и Гамбия.

Французские колониальные захваты. Французская политика диктовалась стремлением создать сплошную полосу владений в Африке в широтном направлении: от Атлантического до Индийского океана. В конце 1870 – начале 1880-х гг. колониальные захваты Франции, временно приостановленные после франко-прусской войны, возобновились. Наместились три основных направления французского наступления вглубь континента: на восток из Сенегала, на северо-восток из района р. Огове (Нижнегвинейское побережье) и встречное направление – на запад из Французского Сомали. Французское владение Сенегал, где первые фактории были основаны еще в XVII в., а затем объединились в колонию, явилось главным плацдармом этого наступления.

Колонизационная кампания активизировалась в конце 1870-х гг. Продвигаясь на восток, французы столкнулись с двумя африканскими государствами, расположенными в междуречье рек Нигер и Сенегал – государством тукулеров (правитель Ахмаду) и малинке (правитель Самори). 21 марта 1881 г. Ахмаду формально уступил им земли от истоков Нигера до Тимбукту.

Для дальнейших колониальных захватов в Западной Африке в 1890-е гг. французы резко нарастили там свое военное присутствие: корпус сенегальских стрелков увеличился с двух до трех батальонов, а общая численность регулярных войск выросла вдвое – с 4 до 8 тыс. чел.

В 1891 г. французы вступили в схватку с солдатами Самори. Малинке ожесточенно сопротивлялись, и французам понадобилось несколько лет, чтобы утвердиться на их территории. Окончательно разбить малинке и захватить в плен самого Самори французам удалось лишь в сентябре 1898 г.

В 1893–1894 гг., оккупировав Масину и Тимбукту, французы установили контроль над средним течением Нигера; а в 1898 г., разгромив государство Кенедугу, окончательно утвердились в его верховьях.

На Верхнегвинейском побережье опорными базами французов являлся ряд приобретенных ранее торговых факторий, в частности, форт Котону, приобретенный у Дагомеи в 1878 г. В 1890 г. начались военные столкновения с Дагомеей, которая была окончательно

подчинена в результате военных действий 1892–1894 гг. Это открыло французам выход к Нигеру с юга, западный и южный потоки французской колонизации соединились.

К 1895 г. Франция завершила покорение земель между Сенегалом и Берегом Слоновой кости, назвав их Французской Гвинеей, и прижала к западноафриканскому побережью небольшие английские (Гамбия, Сьерра-Леоне) и португальские (Гвинея) колонии. 5 августа 1890 г. было заключено англо-французское соглашение о размежевании в Западной Африке, которое поставило предел английской экспансии на север: британский протекторат Нигерия ограничивался нижним течением Нигера, областью Бенуэ и территорией, простиравшейся до юго-западного берега оз. Чад. Границы Того были установлены англо-германскими соглашениями 28 июля 1886 г. и 14 ноября 1899 г. и франко-германским соглашением 27 июля 1898 г.

Овладев территорией от Сенегала до оз. Чад, французы в конце XIX – начале XX в. предприняли наступление на север в области, населенные в основном арабами. В 1898–1911 гг. они подчинили обширную территорию к востоку от Нигера, в 1898–1902 гг. – земли к северу от его среднего течения, в 1898–1904 гг. – район к северу от Сенегала. Под французский контроль попала большая часть Западного Судана (современные Сенегал, Гвинея, Мавритания, Мали, Верхняя Вольта, Кот-д’Ивуар, Бенин и Нигер).

В другом направлении колониальных захватов французы начали продвижение на восток в 1875 г. от устья Огове к низовьям р. Конго. Экспедицию возглавлял известный исследователь граф Пьер Савориньян де Бразза. Он основал в 1880 г. станцию Франсевиль в верховьях реки Огове, затем город Браззавиль на правом берегу р. Конго. В конце 1880 г. был провозглашен французский протекторат над долиной Конго от Браззавиля до впадения р. Убанги. В результате второй экспедиции де Бразза (апрель 1883 – май 1885 г.) французы подчинили все правобережье Конго. Впоследствии все французские владения в Экваториальной Африке были объединены в колонию под названием Французское Конго.

На северо-востоке Африканского континента Франция также проявила активность: в 80-х гг. захватила все побережье залива Таджура, а также г. Джибути, сделавшийся главным опорным пунктом французской экспансии в Северо-Восточной Африке. В 1896 г. все контролируемые Францией в Северо-Восточной Африке территории были объединены в колонию, получившую название Французский берег Сомали.

Германские колониальные захваты. Германия вступила на путь колониальных захватов позже, чем другие европейские страны. Это было связано с поздним созданием единого германского государства канцлером Бисмарком под эгидой Пруссии. Поначалу Бисмарк холодно относился к идеям приобретения колоний. Ситуация изменилась только к концу 70-х гг. XIX в. К этому времени Германия уже занимала ряд позиций в Африке, которые могли быть использованы как исходные пункты для колониальных захватов: торговые фактории и фирмы, а также станции двух миссионерских обществ – Рейнского и Северогерманского.

В начале 1880-х гг. в Германии развернулась колониальная пропаганда, в организации которой особую роль сыграл созданный 6 декабря 1882 г. Германский колониальный союз.

В июле 1884 г. немецкий путешественник Г. Нахтигаль по поручению Бисмарка в ранге Генерального консула заключил договоры о немецком протекторате с представителями знати дуала и эве. Нахтигаль водрузил германский флаг в ряде пунктов Камеруна и Того, после чего Германия официально провозгласила свой протекторат над прибрежной полосой этих областей.

Продвижение во внутренние области планировалось при участии немецких торговых компаний. Однако это оказалось малоэффективным, и с 1892 г. во внутренние районы Камеруна продвигались отряды немецких наемников. В результате подавления ожесточенного сопротивления местных народов после окончательного урегулирования границ в 90-х гг. к началу XX в. в Камеруне Германии удалось утвердить за собой обширную территорию.

В Того Германии досталась узкая полоса, ограниченная на востоке французской Дагомеей, а на западе английским Золотым Берегом. С 1894 г. немцы постепенно расширяли колонию в северном направлении, преодолевая ожесточенное сопротивление местных народов, в частности, дагомба. Но лишь к началу XX в. удалось связать внутренние районы Того с побережьем в экономическом отношении, организовав скупку хлопка, пальмового масла и каучука.

К началу 80-х гг. немцы активизировались и в Восточной Африке. Германское вторжение в Восточную Африку осуществлялось созданной в 1884 г. частной компанией – «Обществом германской колонизации» во главе с К. Петерсом. На основе «прав», приобретенных Петерсом по договорам с местной верхушкой, в начале 1885 г. Германия приобрела контроль над большой территорией, в том числе береговую полосу Индийского океана протяженностью в несколько сот километров к северу от португальских владений. В том же году было основано Германское Восточноафриканское общество, созданное Петерсом и его окружением для расширения экспансии Германии в этой части Африки.

В апреле 1885 г. по указанию британского правительства султан Занзибара заявил протест против вторжения Германии в его владения, но германское правительство возразило, что султан не осуществляет на спорных территориях «эффективной оккупации», предписанной решениями Берлинской конференции. В августе 1885 г. султан вынужден был признать германский протекторат над областями, захваченными компанией Петерса.

28 апреля 1888 г. занзибарской султан под нажимом Германии передал Германскому колониальному обществу ряд прибрежных районов океанского побережья. В том же году немцы захватили там еще целый ряд важных опорных пунктов, куда издавна стекались потоки рабов, слоновой кости и других продуктов экспорта из внутренних районов региона: Дар-эс-Салам, Багамойо и Пангани. Крупное восстание местных народов под предводительством Бушири бин Салима, вспыхнувшее 4 сентября 1888 г. и охватившее обширные территории, показало неэффективность управления Компании. В Восточную Африку были направлены войска, разгромившие восстание, и 1 января 1891 г. был объявлен протекторат Германская Восточная Африка в границах, определенных Гельголандским договором.

Этот договор окончательно исключил из сферы немецких интересов в Восточной Африке Северное Междоузлие (будущую Уганду). Но Германия сумела закрепиться в Южном Междоузлие – в Руанде и Бурунди.

Первым немцем, посетившим и изучавшим Руанду, был граф Густав Адольф фон Гётцен. В 1893–1894 гг. Гётцен путешествовал по Руанде, встречался с верховным правителем государства – *мвами*. В 1897 г. немецкие колонизаторы и миссионеры прибыли в Руанду. Часть двора правителя была обеспокоена визитом европейцев, другие полагали, что немцы могут быть хорошей альтернативой доминированию Буганды или Бельгии. В итоге возобладало второе мнение, позволившее немцам закрепиться в стране. В 1898 г. была создана немецкая резиденция в городе Кигали; *мвами* Мусинга признал власть Германии.

В Бурунди немцы начали закрепляться с 1893 г., а в 1897 г. миссионеры основали там миссию Усумбура (совр. Бужумбура). Укрепление власти немцев в стране встречало ожесточенное сопротивление местного населения. Но в 1903 г. *мвами* Мвензи II Гиссабо был вынужден признать верховную власть Германии. В 1903 г. территория Руанда-Урунди вошла в состав протектората Германская Восточная Африка, при этом каждая ее половина сохраняла некоторую автономию.

Еще одним направлением германской экспансии стала Юго-Западная Африка. В апреле 1883 г. представитель бременского купца А. фон Людерица приобрел территории вокруг бухты Ангра-Пекена, а через год эти территории были объявлены германским протекторатом. В том же году германские военные корабли подняли немецкий флаг в ряде пунктов побережья Юго-Западной Африки, и Германия провозгласила протекторат над террито-

рией от р. Оранжевая до границы с Анголой. Протекторат стал называться Германская Юго-Западная Африка (современная Намибия).

В 1885 г. протекторат реально ограничивался присутствием трех немецких чиновников, но постепенно количество немцев в Юго-Западной Африке возрастало. В 1889 г. туда прибыл с небольшим полицейским отрядом Курт фон Франсуа, сделавший поселение Виндхук административным центром протектората. С 1892 г. туда потянулись немецкие поселенцы – протекторату суждено было стать поселенческой территорией.

Создание Бельгийского Конго. В сентябре 1876 г. по инициативе короля Леопольда II в Брюсселе была созвана международная конференция, в которой наряду с дипломатами участвовали специалисты по международному праву, экономисты, путешественники. Конференция постановила основать Ассоциацию, призванную заняться организацией экспедиций и устройством факторий в Центральной Африке.

Поступивший на службу Ассоциации англичанин Генри Стэнли развернул энергичную колонизаторскую деятельность в Конго. В 1879–1884 гг. Стэнли и его помощники основали в бассейне Конго 22 фактории – опорные пункты экономического, политического и военного господства Ассоциации – и заключили около 450 договоров с местной знатью об установлении протектората Ассоциации (фактически протектората бельгийского короля). Таким образом, в течение нескольких лет Ассоциация стала сувереном обширной, хотя и не очерченной ясными границами территории в бассейне Конго.

1 августа 1885 г., через несколько месяцев после окончания Берлинской конференции, Международная ассоциация Конго была преобразована в Свободное государство Конго. Формально связи с Бельгией исчерпывались личной унией, осуществляемой королем Леопольдом II, но фактически бассейн Конго стал бельгийской колонией.

В 1887 г. бельгийцы назначили губернатором этих территорий крупного занзибарского работоторговца Типу Типа. В 1888 г. были созданы вооруженные силы Свободного государства Конго – Форс Пюблик. Отряды Форс Пюблик, кое-где преодолевая ожесточенное сопротивление местных народов, установили эффективный контроль над обширной территорией Бельгийского Конго лишь к началу XX в.

Итальянские колониальные захваты. В 80-е гг. XIX в. Италия также активизировалась в Северо-Восточной Африке. Красноморский порт Ассаб в 1882 г. был оккупирован итальянскими войсками и формально аннексирован. Ассаб явился главным плацдармом, откуда Италия позднее повела наступление на Эфиопию. В 1885 г. Италии был передан захваченный ранее Англией г. Массауа. В 1890 г. эти территории были объединены в колонию – Эритрею. Еще раньше, в 1888 г., Италия провозгласила протекторат над громадной территорией Сомали. Большая часть итальянских приобретений приходилась на иссушенную зноем пустыню, но они имели стратегическое значение и отрезали Эфиопию от побережья.

Португальские владения в период колониального раздела. Несмотря на длительную историю присутствия в Африке, фактический контроль Португалии вплоть до конца XIX в. ограничивался главным образом прибрежными территориями Анголы и Мозамбика – наиболее крупными и важнейшими колониальными владениями Лиссабона. Верховный королевский комиссар Мозамбика Моусиньо де Альбукерки писал в 1890 г.: «Мы контролировали столицу провинции на острове Мозамбик. Мы контролировали также весь район Иньямбане. Мы оккупировали Лоренсу-Маркиш и осуществляли скорее номинальную, чем эффективную власть на окружающих территориях, управляемых вождями, которые были вассалами короны»¹⁵.

¹⁵ История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М, 1976. С. 400.

Однако подобное положение дел уже не могло устраивать португальскую корону в XIX в. после утраты Бразилии в 1822 г. В правительственном докладе 1836 г. говорилось: «В Африке мы можем возделывать все то же самое, что выращивается в Америке. Для этого необходимы только промышленность, применение ее капиталов, новые организации – и через несколько лет мы получим великие результаты»¹⁶. Проект создания новой африканской империи взамен утраченной в Америке стал одним из приоритетов деятельности государства.

Следуя данному курсу, правительство предприняло шаги к упорядочиванию системы управления. В 1832 г. в колониях была осуществлена административная реформа, в ходе которой они были поделены на провинции, дистрикты и муниципии. Высшей законодательной и исполнительной властью в колониях обладал генерал-губернатор, назначавшийся кабинетом министров по рекомендации министерства колоний. Совещательную функцию при генерал-губернаторе выполнял Правительственный совет и пять секретарей, назначавшихся министерством колоний по рекомендации генерал-губернатора. Законодательный совет обладал ограниченными полномочиями, и его главной обязанностью было утверждение бюджета колонии. Низшей степенью администрации были режедории – волости, состоящие из нескольких деревень, население которых жило согласно обычному праву. Во главе каждой деревни стоял свой хедмэн (обычно это были родовые старейшины).

Попытки португальцев захватить внутренние районы Африки наталкивались на упорное сопротивление африканцев. В середине XIX в. в бассейне реки Замбези против колонизаторов поднял восстание мулат Жоаким Жозе де Круз, который смог даже обложить пошлиной все португальскую торговлю по р. Замбези. Восстание в итоге было подавлено лишь в 1888 г. В 1884 г. против португальцев подняли восстание массингире во главе с потомком индийских переселенцев Вас дос Анжосом, к нему также примкнули некоторые из землевладельцев *празейруи*. Борьба с повстанцами потребовала серьезных усилий со стороны метрополии. Лишь в конце XIX в. португальцам удалось установить свой контроль над территорией *вождества* Ватуа (Газа). Для этого им потребовалось перебросить из метрополии части регулярной армии с пушками и пулеметами.

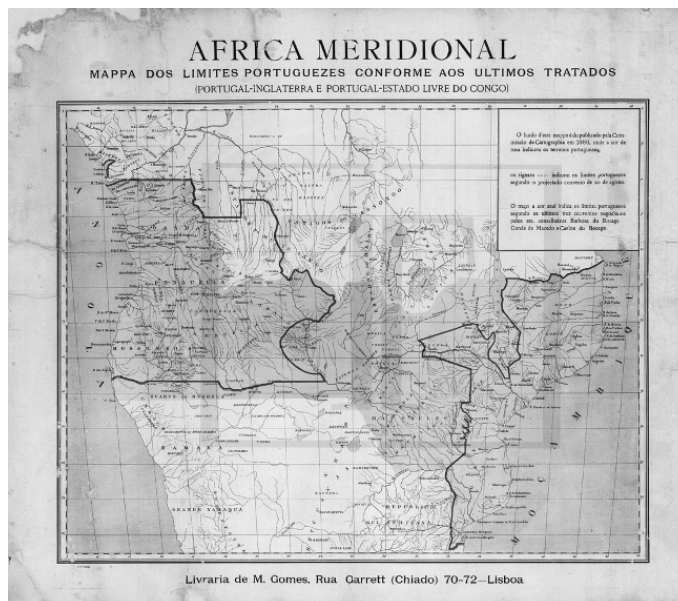
Схожая ситуация складывалась и в Анголе, где на протяжении всего XVIII в. португальцам приходилось вести войны с народом овимбунду. Лишь в 1774–1775 гг. они признали себя вассалами португальской короны. В XIX в. Португалия организовала несколько экспедиций вглубь Анголы. Их целью было получение более полной информации о природных богатствах страны и разведка путей для дальнейшей экспансии. В 1877–1879 гг. португальский исследователь Серпа Пинту пересек Африку с востока на запад.

Продвижение португальцев из прибрежных районов Луанды и Бенгелы на восток вглубь территорий Африки в последней трети XIX в. сопровождалось постоянными войнами и восстаниями африканских народов. В 1885 г. вспыхнуло восстание народа овамбо («восстание Куаньяма»), в 1898 г. восстали гамбо.

Несмотря на активное сопротивление африканских народов и затратность военных экспедиций, Португалии приходилось торопиться для того, чтобы утвердить свой безусловный приоритет над внутренними районами Мозамбика и Анголы. В период «схватки за Африку» в последней трети XIX в. Португалия столкнулась с угрозой утраты своих владений в Африке в пользу более сильных соперников – Великобритании, Германии, Франции, активизировавших свою экспансию в Африке. Более того, в начале 1880-х гг. свои претензии на устье реки Конго предъявила до этого не участвовавшая в колониальной гонке Бельгия. У Португалии, естественно, не было сопоставимых экономических и военных ресурсов,

¹⁶ Сарайва Ж. История Португалии / пер. с португальского. М., 2007. С. 302.

чтобы на равных конкурировать с ведущими державами. Поэтому португальцам приходилось лавировать между своими более сильными соперниками, играя на их противоречиях.

«Розовая карта». Португальский план объединения своих колониальных владений в Африке. Приложена к португало-германской конвенции 1886 г. об установлении границ между владениями этих стран в Африке.

В 1884 г. по инициативе Португалии была созвана Берлинская конференция, поводом к которой послужил спор, возникший из-за контроля над устьем реки Конго. Португалия на этой конференции пыталась не только отстоять свои права на уже захваченные территории, но и выдвинула проект объединения своих колониальных владений от Анголы до Мозамбика через весь континент. Этот план вошел в историю под названием «розовая карта» (по цвету карты, приложенной в качестве документа к португало-германской конвенции 1886 г.). На Берлинской конференции 1884–1885 гг. Португалия не смогла добиться признания своих претензий от других держав. Однако она смогла отстоять свои права на анклав Кабинду в устье Конго.

Португалия не отказалась от «розовой карты». Она попыталась заручиться поддержкой своих притязаний со стороны других держав путем подписания двухсторонних конвенций. Лиссабон пытался добиться подтверждения своих прав посредством отправки новых военных экспедиций из Анголы и Мозамбика навстречу друг другу. Против этих планов резко выступила Великобритания, которая предъявила Португалии ультиматум в 1890 г. с требованием вывести свои отряды из Центральной Африки. Лиссабон вынужден был уступить. Так фактически была похоронена мечта о новой «великой» колониальной империи в Африке. Однако португальцы все-таки смогли в этой борьбе утвердить свои права над обширными территориями в Анголе и Мозамбике, хотя и не соединив их вместе.

Англо-бурская война. Англо-бурская война являет собой естественный рубеж между Новой и Новейшей историей Африки, ибо это была первая крупная война уже не за раздел, а за передел территорий на континенте. Бурские республики в конце XIX в. оказались в центре мировой политики, так как они занимали важное стратегическое положение в центре южно-африканского субрегиона, ставя британские колонии в уязвимое положение в том случае, если бы в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве утвердилось влияние другой европейской державы. Открытие же огромных минеральных богатств ставило их в центр экономической жизни всего региона.

Обычно, когда говорят «англо-бурская война», имеют в виду войну 1899–1902 гг., которая была второй англо-бурской войной. Первая произошла в 1880–1881 гг.

Первая англо-бурская война была в значительной мере следствием обнаружения алмазов в Западном Грикваленде – землях, населенных грикв и тсвана и входивших с 1854 г. в бурское Оранжевое Свободное Государство. Залежи алмазов были обнаружены там в конце 1860-х гг., и началась многократно описанная в художественной литературе «алмазная лихорадка». Британия аннексировала эти земли в 1871 г., присоединив их к Капской колонии.

Открытие богатейших месторождений алмазов радикально изменило отношение Великобритании к своим южноафриканским владениям. В 1870-е гг. в Лондоне возникает проект Южно-Африканской Конфедерации, в которую должны были войти, помимо английских колоний, еще и бурские республики. Воспользовавшись крайне тяжелым финансовым состоянием и рядом поражений от правителя *вождества* бапеди Секукуни, англичане аннексировали в 1877 г. Трансвааль. Но этим планам в то время не суждено было сбыться. В 1880 г. буры Трансвааля подняли восстание против английского господства – началась первая англо-бурская война 1880–1881 гг. Буры нанесли ряд поражений английским войскам, крупнейшее из которых произошло 26 февраля 1882 г. у горы Маюба. В 1881 г. была подписана Преторийская конвенция, по которой Трансвааль получал полное внутреннее самоуправление, но взамен признавал сюзеренитет Великобритании. За ней оставалось право назначать своего постоянного представителя в Претории, право передвигать свои войска по его территории в случае войны, и она сохраняла контроль над внешней политикой республики. Уже через три года бурам удалось добиться от правительства Великобритании дальнейших уступок. 27 февраля 1884 г. в Лондоне была подписана новая конвенция, в которой уже не содержалось упоминания о британском сюзеренитете над Трансваалем, однако правительство республики обязалось согласовывать свою внешнюю политику с Лондоном.

В 1884 г. в Трансваале было найдено золото. Страну охватила теперь уже «золотая лихорадка». На золотых приисках стремительно вырос новый город, который зулусы называли «Йголи» («золотое место»), а мы знаем как Йоханнесбург. Открытие месторождений алмазов и золота стало «вторым открытием» Южной Африки – из отсталой аграрной провинции и морской перевалочной базы она стала превращаться в один из важнейших центров горнорудной промышленности.

«Второе открытие» Южной Африки многократно усилило интерес к ней представителей английских финансовых и промышленных кругов. Уже к концу 1880-х гг. практически вся добыча алмазов и золота была монополизирована крупнейшими компаниями. Выросло число фирм, связанных с финансовыми, транспортными и иными операциями в Южной Африке. Огромный спрос на лондонской бирже получили «кафрские» бумаги – акции горнодобывающих компаний, которые широко использовались в спекулятивных сделках.

Пристальное внимание Лондона к Южной Африке определялось и тем, что этот перспективный регион стал одним из объектов соперничества западных держав. Именно здесь тесно переплелись англо-германские интересы, что приобрело особую актуальность после образования в 1884 г. немецкой колонии Юго-Западная Африка. В 1894 г. вступила в строй железная дорога, соединившая Трансвааль с заливом Делагоа в португальском Мозамбике, что сделало буров независимыми от английских колоний в транспортном отношении. Именно этим путем в Трансвааль поступали германские пушки и винтовки Маузера. Возникла непосредственная угроза превращения бурских республик в германскую сферу влияния. Объединение Южной Африки под британским флагом становилось не только чисто колониальным вопросом, но и серьезной внешнеполитической проблемой.

Первоначально колониальные чиновники и Сесил Родс, контролировавший практически всю алмазодобычу в Южной Африке и являвшийся премьер-министром Капской колонии в 1890–1896 гг., рассчитывали, что присоединение бурских республик к британским вла-

дениям может произойти мирным путем. Они возлагали большие надежды на усилившийся приток в Южную Африку европейских эмигрантов, или *«ойтландеров»*, численность которых к 1898 г. практически сравнялась с бурским населением. Такую возможность давала бы победа *ойтлендеров* и их союзников на выборах в *фольксраад*. Но правительство Трансвааля, вполне осознававшее опасность потери власти из-за усиления позиций *ойтландеров*, отказывалось предоставлять им равные с бурами избирательные права.

Столкнувшись с упорным нежеланием бурских лидеров подчиниться диктату Лондона, английские колониальные власти взяли курс на насильственное присоединение республик к британским владениям. В последние дни декабря 1895 г. границу Трансвааля перешел вооруженный отряд войск подконтрольной Родсу Британской южноафриканской компании под командованием Л. С. Джеймсона. Англичане рассчитывали на внезапность, но получили отпор – отряд был арестован практически сразу же после вторжения. В свою очередь это заставило Трансвааль заключить в 1896 г. оборонительный союз с Оранжевым Свободным Государством.

Показательна также реакция на эти события Германии, которая еще раз убедила британские правительственные круги в необходимости скорейшего разрешения южноафриканского вопроса. Речь идет о так называемой «депеше Крюгеру» – поздравительной телеграмме германского кайзера Вильгельма II президенту Трансвааля по поводу разгрома «рейда Джеймсона».

В течение нескольких лет Великобритания постепенно стягивала в регион крупные военные силы и продолжала усиливать давление на бурское правительство с требованиями установить в республиках «политическое равноправие». В Капской колонии поспешно проводилась мобилизация резервистов, и все громче раздавались требования к Трансваалю и другим бурским республикам об отказе от независимости.

9 октября 1899 г. Трансвааль выдвинул Англии ультиматум с требованием удалить солдат от границ бурских республик. Ультиматум был отклонен, и тогда бурские войска 11 октября 1899 г. перешли границу Капской колонии. Поначалу успех в войне сопутствовал бурам. Они были хорошо подготовлены и собрали ополчение, включавшее всех здоровых мужчин от 16 лет. Буры не только смогли нанести англичанам несколько ощутимых ударов, но и осадили три города на территории Капской колонии и Натала – Кимберли, Мафекинг и Ледисмит. Дни 11–16 декабря 1899 г. вошли в историю как «черная неделя Англии», когда англичане потеряли в трех сражениях около 2,5 тыс. чел.

Женщины и дети в английском концентрационном лагере во время англо-бурской войны (1899–1902 гг.).

Война стала затяжной и кровопролитной как для англичан, так и для буров. Но постепенно положение стало меняться в пользу Великобритании. Из метрополии прибыли значительные подкрепления, и общая численность английских войск достигла 180 тыс. чел. Перелом наступил в феврале 1900 г. Сначала лорду Роберту, назначенному главнокомандующим британскими войсками в Южной Африке, удалось снять осаду с Кимберли. Затем, 27 февраля 1900 г., капитулировал отряд буров во главе с генералом Питом Кронье численностью в 4 тыс. чел., что открыло англичанам дорогу на Блумфонтейн – столицу Оранжевого Свободного Государства. Буры отдали этот город без единого выстрела.

Впоследствии сражения развернулись на территории Трансвааля, и англичанам удалось захватить Йоханнесбург и Преторию. Пол Крюгер – президент Трансвааля – в октябре 1900 г. покинул Южную Африку, отплыв в Европу из португальского Лоренсу-Маркиша. Но даже эти неудачи не сломили буров, они не сложили оружие, а развернули партизанскую войну. Во главе бурских отрядов стояли такие талантливые военачальники и будущие политические деятели объединенной Южной Африки, как Л. Бота, Дж. Герцог, Я. Х. Смэтс, Х. Де Вет и др. Максимальная численность всех партизанских отрядов буров доходила до 20 тыс. чел.

Ведя военные действия на территории бурских республик, англичане прибегли к самым жестоким мерам. Они сжигали фермы, уничтожали посевы, угоняли скот. Гражданское население, в том числе женщин и детей, они стали сгонять в концентрационные лагеря. Условия жизни там были ужасающими. От болезней и голода в них умерло почти 28 тыс. чел., из которых подавляющее большинство составляли дети. Эта страшная национальная трагедия впоследствии была вытеснена из памяти в глазах мирового сообщества еще более чудовищными жертвами во время первой и второй мировых войн, но для африканцев оставалась одной из определяющих в формировании их самосознания.

Африканцы почти не принимали участия в этой войне – это была война белых за передел Африки. Между воюющими сторонами были заключены особые договоренности о недопустимости вовлечения африканцев в боевые действия. Но полностью этого избежать, конечно, не удалось. Труд африканцев широко применялся при строительстве оборонительных сооружений, ремонте железных дорог. Английское военное командование также использовало африканцев, хорошо знавших местные условия, в качестве разведчиков, возниц, проводников, сторожей для охраны складов и железнодорожного пути. Вооруженные отряды баролонгов (этническая общность народа тсвана) участвовали в отражении атак буров на Мафекинг. Они также оказали неоценимую помощь в снабжении осажденного города продовольствием, совершая вылазки с целью захвата скота у буров и их африканских союзников. Но в целом обе воюющие стороны старались избегать привлечения африканцев к прямому участию в боевых действиях.

Война закончилась подписанием 31 мая 1902 г. мирного договора. Согласно его положениям буры признавали власть британской Короны, но взамен правительство объявляло амнистию участникам боевых действий, обещало предоставить бурам в будущем самоуправление, давало разрешение на использование голландского языка в школьном преподавании и в судах, обязалось возместить убытки, нанесенные фермерам действиями английских войск.

В результате англо-бурской войны англичане вплотную приблизились к своей заветной мечте о линии непрерывных британских владений в Африке от Каира до Кейптауна. Единственной преградой для них оставалась Германская Восточная Африка.

Итоги колониального раздела. К концу XIX в. вся Тропическая и Южная Африка оказались в той или иной форме колониальной зависимости от метрополий – Великобри-

тании, Франции, Португалии, Германии, Бельгии, Италии. Исключением были Либерия и Эфиопия. Либерия – потому что она создавалась как государство репатриантов с большим участием западного, прежде всего, американского, капитала и вследствие умелой политики ее правителей. Правда, она все же вынуждена была уступить европейским державам около трети своей территории. Эфиопия же отстояла свою независимость в ходе войны с Италией в 1895–1896 гг.

Великобритании принадлежали территории на северо-востоке (Кения, Уганда, часть Сомали), западе (Сьерра-Леоне, Гамбия, Нигерия и Золотой Берег), юге (Южно-Африканский Союз, Северная и Южная Родезии, Ньясаленд, Бечуаналенд, Басутоленд). Все вместе они составляли территорию более 9 млн км² с населением, по разным оценкам, от 40 до 50 млн.

Владения Франции в Черной Африке по площади в совокупности составляли также более 9 млн км², а вот по населению уступали британским владениям – от 25 до 34 млн чел. Связано это с тем, что в пределах двух генерал-губернаторств, в которые они были объединены – Французской Западной и Французской Экваториальной Африки, – большое место занимали пустыни. Это были: Сенегал, Французский Судан, Мавритания, Чад, Нигер, Гвинея, Берег Слоновой Кости, Дагомея, Габон, Конго. Помимо этого, они включали два острова – Мадагаскар и Маврикий и маленькое Французское Сомали на северо-востоке Африканского континента.

Германия, позже других приступившая к разделу «колониального пирога», получила территории, составлявшие в сумме 2 млн 700 тыс. кв² с совокупным населением в 15 млн чел. Это были: Германская Восточная Африка, германская Юго-Западная Африка, Камерун и Того.

Бельгия получила так называемое Свободное государство Конго, намного превышавшее ее по территории – 2 млн 400 тыс. кв² с населением более 20 млн чел.

Италия получила Эритрею и часть Сомали на северо-востоке континента.

Португалии принадлежали ее старые колониальные владения – Ангола и Мозамбик, Португальская Гвинея, а также острова: Мадейра, Сан-Томе и Принсипи и Острова зеленого Мыса. В общей сложности это были территории в 2 млн 400 тыс. кв² с населением около 9 млн чел.

У Испании в Тропической Африке главным владением была Испанская Гвинея и ряд островов.

В результате колониального раздела в значительной мере сложилась современная политическая карта Африки.

Часть III

Новейшая история Тропической и Южной Африки

Глава 1

Под чужеземным господством. XX век

Главным результатом колониальных захватов в Африке стало формирование колониальной системы, оказавшей глубочайшее влияние на африканские общества. В колониальную эпоху в регионе появились новые страны, современные города, автомагистрали, морские порты и аэродромы, гидроэлектростанции, университеты и больницы. Даже к концу колониального господства эти и другие достижения современной цивилизации были доступны лишь ничтожному числу африканцев. Но и африканская «глубинка» не осталась неизменной. За время колониального господства были преобразованы социальные связи, изменились социальные структуры, сформировались новые социальные группы, новая экономика, новые политические отношения. Историки называли общество, которое возникло в результате этой быстрой и насильственной трансформации «колониальным». По характеру оно отличалось как от разнообразных доколониальных общественных структур, так и от современных ему структур индустриального общества.

Нельзя не признать, что колониальные власти в чем-то улучшили положение населения континента. Они покончили с работорговлей и поставили рабство вне закона (хотя в некоторых районах оно дожило до сегодняшнего дня). Их заслугой является и то, что они неоднократно помогали африканскому населению справиться с голодом и эпидемиями, что в результате прививок и улучшения норм санитарии продолжительность жизни африканцев значительно возросла и что в колониальные годы немалое число африканцев получило начатки европейского образования и стало грамотным.

Но все эти преобразования проходили в условиях жесткого принуждения, дискриминации и жестокой эксплуатации населения. Приспособление к новым условиям было длительным и болезненным и стоило африканским обществам многих лишений и человеческих жизней. Это оказало глубокое психологическое и идейное воздействие на африканцев. Процесс трансформации сопровождался стихийными и организованными протестами, восстаниями, бунтами и забастовками. Лишь к концу колониальной эпохи требование независимости стало всеобщим, но стремление избавиться от колониального угнетения существовало на протяжении всего колониального периода.

§ 19. Становление колониальных порядков после Первой мировой войны

Завершение колониального раздела Африканского континента не означало, что колониальные державы эффективно контролировали все доставшиеся им территории, не говоря уже об их освоении. Горстка колониальных чиновников порой должна была управлять территориями, превышавшими размеры метрополий. Даже при поддержке военных (как правило, тоже немногочисленных), это было трудновыполнимой задачей. Установление колониальных порядков заняло не одно десятилетие и шло весьма неравномерно. Этот процесс быстрее всего разворачивался в прибрежных районах Западной Африки, которые имели торговые и прочие отношения с европейцами с XVI в., а также в «старых» колониях (Ангола,

Мозамбик, Капская колония, Сенегал). Значительно медленнее шло освоение внутренних районов континента.

Методы колониального проникновения различались в зависимости от климата и природных условий колонии,¹⁷ плотности ее населения, политического устройства африканских обществ и их хозяйственной деятельности в доколониальные времена. Кроме того, у каждой метрополии были свои идеи о том, как именно нужно управлять Африкой.

Там, где в доколониальную эпоху существовала государственность или хотя бы политические образования, дело обычно начиналось с приобщения элиты к участию в тех или иных формах колониальной деятельности. Через элиту, получавшую поощрения и привилегии, устанавливались налоги (обычно это были налоги «на хижины»), вводились новые экспортные культуры, рекрутировалась рабочая сила. Там, где никаких форм государственности не существовало или где местная элита отказывалась сотрудничать с колонизаторами, новая элита создавалась искусственно, из числа тех местных «сильных лидеров», которые сотрудничали с европейцами в годы колониального раздела.

Англичане, с их длительным опытом колонизации Индии, обычно стремились опереться на влиятельных представителей местной элиты. Французы предпочитали назначать французских чиновников даже на сравнительно незначительные административные посты. Вожди во французских колониях тоже были назначенными. Но и во французских, и в английских колониях использовался принудительный труд – обычно на общественных работах, а иногда и в сельском хозяйстве.

К началу XX в. нигде, кроме Южной Африки, полезные ископаемые разведаны не были, поэтому первоначально Африка поставляла в Европу только продукцию сельского хозяйства. Постепенно появилась специализация: пальмовое масло, арахис и какао шли из Западной Африки; кофе, сизаль, пиретрум и хлопок – из Восточной; ценные породы древесины и каучук – из Центральной.

Наиболее жестокие формы колониального угнетения до Первой мировой войны существовали в германских колониях и Бельгийском Конго.

Бельгийские власти прославились бесчеловечностью своей политики по отношению к африканцам уже во время существования Свободного Государства Конго – личной колонии бельгийского короля Леопольда II (1885–1908). Основой колониального хозяйства Конго в те годы был сбор каучука – естественного продукта одного из видов лианы, росшей в тропических лесах. Компания Бельгийского Конго, получившая от Леопольда концессию на сбор каучука в северной части Конго, установила нереалистично высокие нормы сбора, невыполнение которых каралось смертью. В доказательство того, что жертвы действительно были убиты, солдаты Компании должны были предоставлять администрации руки, отрубленные у трупов. Иначе, полагали чиновники, солдаты использовали бы пули для охоты. Бельгийские офицеры следили за выполнением этого распоряжения. Солдаты порой все же обманывали начальство и, сберегая пули, отрубали руки у живых людей. Иногда деревни воевали друг с другом за отрубленные конечности, чтобы представить их в качестве компенсации за недопоставленный каучук. Подсчитать число убитых и погибших просто невозможно, но некоторые историки полагают, что оно могло достигать половины тогдашнего населения Конго – до 10 млн чел.

До начала XX в. Леопольду удавалось подавлять протесты миссионеров и сторонних наблюдателей или подкупать их. Но в 1902 г. Джозеф Конрад опубликовал свою повесть «Сердце тьмы», привлекая к ситуации в Конго внимание мировой, прежде всего, английской, общественности. Независимое расследование привело к решению участников Берлинской конференции отобрать у Леопольда мандат на управление Конго, поскольку он нару-

¹⁷ Западная Африка, например, не годилась для заселения европейцами. Ее даже называли «могилой белого человека».

шил условия принятого на конференции Генерального акта (этот акт предусматривал заботу о «развитии и благосостоянии» народов Конго). Право на управление Конго было передано Бельгии, и зверства прекратились. Но Бельгия была слабой колониальной державой и не могла «освоить» огромную территорию Конго. К тому же цены на каучук упали, а другие источники прибылей были найдены только много позже.

Сборщики каучука сдают свой «урожай». Германская Восточная Африка, 1906/1918 гг.

Конго так и осталась одной из самых отсталых стран континента.

Германия стремилась использовать свои колонии (Германская Юго-Западная Африка (Намибия), Германская Восточная Африка (Танганьика), Германский Камерун и Германское Того) для расселения немецких колонистов. Началась конфискация земли у местного населения, а живших на ней людей сгоняли на работу на фермах и на строительство городов и дорог. Отношения с местной элитой не сложились, и все управление снизу доверху осуществлялось германскими чиновниками, причем колониальная администрация была военизирована. В Юго-Западной Африке насилие привело к восстанию двух крупных племен, гереро и нама (1904–1907 гг.). По разным оценкам, в ходе подавления восстания были убиты или погибли от голода от 40 до 100 тыс. гереро (до 80 % всего населения) и 10 тыс. нама. В 1985 г. ООН объявила эти события геноцидом.

В Германской Восточной Африке к 1914 г. колонистов было более 5 тыс. Как и в Юго-Западной Африке, население также сгоняли на принудительные работы. Однако поселенцев было недостаточно, и, чтобы повысить «рентабельность» колонии, германские власти облагали африканцев непосильными налогами, а на юге страны начали заставлять их выращивать хлопок на экспорт. Восстания в этих районах начались уже в конце XIX в.¹⁸ В 1905–1907 гг. они вылились в «войну» Маджи-Маджи (по названию снадобья, которым пользовались восставшие в надежде защитить себя от германских пуль). Администрация справилась с этим восстанием лишь с помощью прибывших из Германии войск и тактики «выжженной земли», результатом которой стал голод.

В Германском Камеруне и особенно в Германском Того поселенцев было мало, но плантации все же существовали. Они поставляли в Германию кофе, какао, хлопок (Того), бананы, пальмовое масло, каучук, чай и другую сельскохозяйственную продукцию (Камерун). Здесь также использовался принудительный труд, но к восстаниям это не привело.

¹⁸ Следует отметить, однако, что в то время они отчасти были связаны с подавлением работорговли, которая процветала в этих районах и приносила местному населению определенные выгоды.

За время своего короткого правления германские власти сумели создать в своих африканских колониях такую инфраструктуру, которая во многих других колониях появилась лишь после Второй мировой войны. Хозяйственная деятельность в этих колониях налаживалась при больших государственных капиталовложениях и по последнему слову тогдашней науки. Но жестокость режима принудительного труда и особенно бесчеловечные методы подавления восстаний осуждались даже другими метрополиями, которые и сами не чуждались применения насилия.

В английских и французских колониях эксцессов было меньше. Но в странах, заселяемых белыми колонистами (Кения, Южная Родезия, Капская Колония, бургские республики) сгон африканцев с земли шел полным ходом. В тех странах, где налаживалось производство экспортных культур в африканских хозяйствах, устанавливались высокие натуральные налоги и создавались монопольные закупочные компании, которые покупали у производителей продукцию по заниженным ценам.

Первая мировая война. Международные договоренности, заключенные во время колониального раздела, предусматривали, что в случае войны в Европе, африканские колонии останутся нейтральными. У колониальных администраций тоже не было желания воевать друг с другом, тем более, что ни серьезных военных формирований, ни укреплений, рассчитанных на войну с равным противником, ни в одной колонии не было. Но война все же началась.

Крохотный гарнизон Германского Того был атакован французскими силами из Дагомеи (Бенин) и английскими из Нигерии. Германский гарнизон отступал на север по линии железной дороги, но смог задержать наступление союзников лишь на несколько дней. В конце августа 1914 г. гарнизон сдался.

Камерунская кампания длилась дольше. В августе 1914 г. британские и французские силы двинулись на территорию Германского Камеруна по трем направлениям из Нигерии и Чада, но на двух были отбиты, а на третьем остановлены. В 1915 г. перевес сил оказался на стороне англичан. Они захватили хорошо укрепленный Гаруа и стали постепенно продвигаться на юг, к Яунде. Английские и французские силы, ранее задержанные в северных районах Камеруна гарнизоном Гаруа, теперь также двигались на юг. В декабре союзные силы окружили г. Яунде, но германские войска, германское гражданское население и часть камерунцев смогли уйти в испанскую колонию Рио-Муни. Оттуда немцы перебались на о. Фернандо По, и затем многие вернулись в Германию. В феврале остатки германского гарнизона сдались союзникам.

Война за Юго-Западную Африку началась в сентябре 1914 г. наступлением южноафриканских войск. Германские войска отбили атаку и в начале 1915 г. перешли в контрнаступление, которое окончилось для них неудачей. Южноафриканцы тем временем наращивали силы в Уолфиш-Бей – южноафриканском анклав в самом центре прибрежной полосы страны. К маю 1915 г. они заняли несколько городов, и в начале мая вошли в столицу колонии, Виндхук. Центр страны оказался в руках южноафриканцев. Командование германских войск предложило прекратить сопротивление на определенных условиях, но Луис Бота, премьер-министр ЮАС, командовавший войсками на этом направлении, отказался их принять. Южноафриканцы оттеснили германские войска с побережья и, разделив свои силы, стали быстро продвигаться из центра страны на север и на юг. На юге группа южноафриканских войск под началом Яна Сметса, министра обороны, высадилась в порту Людериц и захватила находившуюся там морскую базу. Оттуда Сметс направил свои войска вглубь страны. В Китсманхупе они сомкнулись с двумя колоннами, наступавшими с территории ЮАС. Это соединение начало теснить германские силы с юга страны к центру, занятому войсками Боты. В июле 1915 г. обе группировки германских войск, на севере и на юге, капитулировали.

Самыми упорными и длительными были военные действия в Германской Восточной Африке. Здесь были сосредоточены наибольшие группировки как английских, так и германских сил. Кампания началась в августе 1914 г., когда британские войска атаковали германские укрепления у озера Виктория с территории Уганды. Одновременно началась бомбардировка Дар-эс-Салама с моря.

Германские силы ответили рейдами на территорию Британской Восточной Африки (Кения). На оз. Виктория шли стычки между английскими и германскими судами. В ноябре Индийский экспедиционный корпус британских сил потерпел сокрушительное поражение под Тангой, несмотря на огромное численное преимущество. Эта и другие германские победы были одержаны в большой степени благодаря успешному руководству операциями талантливым военачальником Паулем фон Леттов-Форбеком.

На море германский крейсер «Кенигсберг» уничтожил в Занзибарской бухте один из британских кораблей, обстрелявших Дар-эс-Салам, и ушел в разветвленную дельту р. Руфиджи. В 1915 г. туда были передислоцированы два британских военных корабля с Мальты. В июле им удалось уничтожить «Кенигсберг». В боях 1915–1916 гг. английские, бельгийские и португальские силы очистили от немцев оз. Танганьика.

Отряд аскари на марше. Германская Восточная Африка, 1914/1918 гг.

В 1916 г. англичане значительно укрепили свои силы родезийскими, южноафриканскими и индийскими войсками. Командовать ими был назначен Ян Сметс. Наступление началось на севере из Британской Восточной Африки, на западе из Бельгийского Конго через оз. Виктория и на юго-западе с территории Родезии. Леттов-Форбек отступал со своими силами на юг и избегал сражений, но потери британских войск были чрезвычайно высоки и без них, – в основном в результате болезней. Продвижение обеих групп войск на юг медленно шло в 1916 и 1917 гг. В октябре 1917 г. произошло сражение при г. Махива, в котором британские войска понесли значительно большие потери, чем германские. Но английское наступление на юг продолжалось. В ноябре германские войска перешли на территорию Португальской Восточной Африки (Мозамбик). Чтобы облегчить добычу продовольствия у местного населения, Леттов-Форбек разделил своих людей на три группы, шедшие на юг параллельными маршрутами. Одна из них исчерпав запасы амуниции и продовольствия, была вынуждена сдаться. Остальные повернули на север и, в обход британских сил, продвигались вдоль оз. Ньяса. В августе 1918 г. они перешли на территорию Северной Родезии и стали продвигаться на юг. 13 ноября они захватили г. Касаму, не встретив сопротивления. На следующий день Леттов-Форбек узнал, что за два дня до этого Германия и союзники заключили во Франции перемирие. 23 ноября его войска сдались в Аберкорне.

Война принесла африканцам неисчислимые страдания. Люди погибали не только в ходе военных действий, но и от голода, особенно свирепствовавшего в 1918 г., и от болезней. От одной только эпидемии испанки, которая пришла в Африку южнее Сахары осенью 1918 г., в регионе погибло до 2 млн чел.

В войне с обеих сторон участвовали десятки тысяч африканцев. Это были солдаты колониальных войск (*аскари*). К концу 1918 г. в британских восточноафриканских войсках их было 35,5 тыс. Армия Леттов-Форбека (около 14 тыс. чел.) также состояла из африканцев. Все многокилометровые переходы она осуществляла с огромным обозом, в котором были жены и дети *аскари*. Кроме того, в обеих армиях были африканские носильщики (в британских восточноафриканских войсках больше 70 тыс.). Этих людей уже нельзя было запугать огнестрельным оружием: они владели им сами и не различали белый перед ними противник или чернокожий.

Сам факт, что одни белые воевали против других и терпели поражения, в том числе и от рук *аскари*, имел огромное психологическое воздействие на африканское население. Не случайно во время войны произошло несколько крупных восстаний африканцев. В 1915 г. это было восстание овамбо на юге Анголы, ненадолго захваченного перед этим германскими войсками из Юго-Западной Африки. В Ньясаленде (Малави) в том же году произошло восстание Чилембе, спровоцированное принудительными работами, расовой дискриминацией и новыми поборами, связанными с войной. В 1917 г. произошло восстание маконде в центральной части Мозамбика, которое португальцы смогли подавить только к концу года.

Результатом войны стало перераспределение колоний. По решению созданной в 1919 г. Лиги Наций германские колонии стали ее подмандатными территориями. В 1922 г. мандаты на управление этими территориями были переданы державам-победительницам. Мандат на управление Того был предоставлен Великобритании (западная часть) и Франции (восточная часть). Камерун также был поделен между Англией и Францией. Меньшая его часть на западе отошла к Англии, большая, восточная, – к Франции. Южно-Африканский Союз получил мандат на управление Юго-Западной Африкой. Мандат на управление большей частью Германской Восточной Африки, названной Территория Танганьика, достался Англии. Небольшая территория на западе этой германской колонии, Руанда-Урунди, была передана под управление Бельгии.

Колониальная экономика. После окончания Первой мировой войны страны-метрополии стали более систематически осваивать захваченные территории, т. е. создавать там политические, социальные и экономические условия для наиболее эффективного выкачивания прибылей. Колониальные структуры формировались постепенно и трансформировались на протяжении всего колониального периода. В межвоенный период не все районы и страны Африки были одинаково глубоко затронуты колониальным воздействием, но именно за два десятилетия этого периода оформились направления их дальнейшего развития.

В экономической сфере основным результатом колониального освоения стало постепенное превращение колоний в аграрно-сырьевые придатки метрополий. Сельскохозяйственное производство под давлением колониальных властей все больше ориентировалось на экспорт. В межвоенный период резко изменился состав сельскохозяйственных культур, выращиваемых африканцами. При значительном росте населения производство продовольственных культур оставалось из года в год примерно на одном уровне (только кукурузы, которой обычно кормили работников на европейских плантациях и шахтах, стали выращивать больше). Зато производство экспортных культур резко возросло: кофе – в 11 раз, чай – в десять, какао-бобов – в шесть, арахиса – более, чем в четыре, табака – в три раза и т. д.

Все большее число колоний становилось странами монокультурного хозяйства. Накануне Второй мировой войны от двух третей до 98 % стоимости всего экспорта большинства колоний приходилось на какую-то одну культуру. В Гамбии и Сенегале, например, такой

культурой стал земляной орех, на Занзибаре – *гвоздика*, в Уганде – хлопок, на Золотом Береге – какао, в Южной Родезии – табак. В некоторых странах было по две экспортные культуры: во Французской Гвинее – бананы и ананасы, на Береге Слоновой Кости и в Того – кофе и какао, в Кении – кофе и чай. В Габоне и некоторых других странах монокультурой стали ценные породы древесины.

Создававшаяся в Африке промышленность, главным образом, горнорудная, была рассчитана только на экспорт. Развивалась она быстро. В Бельгийском Конго, например, добыча меди с 1913 по 1937 г. возросла более чем в 20 раз. К 1937 г. Африка южнее Сахары занимала в капиталистическом мире внушительное место по производству минерального сырья. На нее приходилось 97 % всех добываемых алмазов, 92 % кобальта, более 40 % золота, хромитов, литиевых минералов, марганцевой руды, фосфоритов и более трети всего производства платины. С 1870 по 1936 г. общая сумма иностранных капиталовложений в африканские страны составила более 1,2 млрд. ф. ст., около 75 % из них – капиталы британского происхождения. Почти все эти средства вкладывались в развитие экспортных отраслей хозяйства и в меньшей степени – инфраструктуры. В Западной Африке, а также в большинстве районов Восточной (например, в Уганде, Руанде, Урунди, отдельных областях Тангании) и Центральной Африки экспортная продукция производилась в основном в хозяйствах самих африканцев. Европейское плантационное производство здесь не привилось из-за трудных климатических условий (обширные районы, прилегающие к Гвинейскому заливу, даже называли когда-то «могилой белого человека») и высокой плотности местного населения.

К тому же во многих из этих районов еще в доколониальные времена сформировались классовые структуры, и колониальным властям оставалось лишь достроить и переориентировать в свою пользу существовавший механизм отчуждения производимого продукта.

Выращивание экспортных культур африканцами здесь не только поощрялось, но и вводилось порой принудительно. Колониальная администрация прибегала к таким мерам, как принудительное членство в производственных кооперативах, отчуждение доли урожая в виде налога и т. д. Главными эксплуататорами африканского производителя были иностранные компании, которые обладали монополией на скупку экспортной продукции и потому могли резко занижать закупочные цены даже по сравнению с низкими и без того ценами на сырье на мировом рынке. Самой крупной и известной из таких компаний была английская «Юнайтед Африка кампани», действовавшая в основном в Западной Африке.

Господства подобных компаний не избежала и Республика Либерия, сохранившая политическую независимость. В 1926 г. правительство Либерии предоставило американской «Файрстон тайр энд раббер кампани» концессию на 400 тыс. га. земли сроком на 99 лет. Получало же оно от «Файрстона» только 1 % стоимости экспорта продукции выращивавшихся на этой земле каучуконосов. Иностранные компании действовали и в отстоявшей свою политическую независимость Эфиопии.

Районов, где основными производителями экспортной сельскохозяйственной продукции стали европейские колонисты (или поселенцы), было немного: Южно-Африканский Союз, Южная Родезия, часть Северной Родезии, центральные районы Кении. Африканцев в этих районах использовали в основном в качестве неквалифицированной мигрирующей рабочей силы – сезонников и отходников. Мигранты были и в Западной Африке, но там их число по сравнению с поселенческими районами было невелико, мигрировали они обычно на небольшие расстояния и чаще возвращались домой. Да и работало большинство из них в хозяйствах африканцев – производителей экспортной продукции.

Развитию отходничества способствовал земельный голод, возникший в поселенческих колониях, прежде всего, из-за того что наиболее плодородные земли были зарезервированы за колонистами. Кроме того, колониальная администрация ограничивала районы прожива-

ния отдельных этнических групп закрепленными за ними *резерватами*. Территория *резерватов* и изначально была недостаточна для ведения традиционного экстенсивного сельского хозяйства, а с ростом населения оказалась совершенно неадекватной. В *резерватах* крестьянам запрещали выращивать не только экспортные, но и наиболее доходные товарные культуры, вводили высокие денежные налоги. В Восточной, Центральной и Южной Африке было особенно широко распространено применение принудительного труда. Больше всего к его использованию прибегали португальские и бельгийские колонизаторы.

Такие же методы использовались и для обеспечения рабочей силой рудников Трансвааля, так называемого Медного пояса Северной Родезии, горнорудной провинции Катанга в Бельгийском Конго. Кроме того, действовавшие здесь горнорудные компании (например, могущественная южноафриканская «Де Бирс») прибегали к системе контрактации рабочей силы, заключая соглашения с колониальной администрацией соседних колоний на поставку оттуда сотен тысяч отходников для работы «по контракту» за мизерную плату.

Некоторые крупные компании, действовавшие в Центральной и Южной Африке, сочетали эксплуатацию африканца в качестве отходника на рудниках и в качестве производителя экспортной сельскохозяйственной продукции на земле. Наиболее яркий пример – бельгийская «Юньон миньер дю О'Катанга», которая являлась фактически полноправной хозяйкой Бельгийского Конго.

Колониальное управление. Эффективно использовать труд африканского населения было невозможно без той или иной формы привлечения его представителей к управлению. Колониальные власти были вынуждены создавать с их участием новый аппарат власти или использовать элементы существовавшего в доколониальную эпоху. Это было нужно не просто из-за нехватки колониальных чиновников-европейцев и необходимости удешевления колониального аппарата. Главное заключалось в том, что без социальной опоры в среде местного населения его можно было заставить работать на колонизаторов, лишь прибегая к постоянному принуждению и контролю. А этот метод, как известно, слишком дорогостоящ и малоэффективен.

Способы привлечения африканцев к колониальному управлению в основном сводились к двум формам: прямому и так называемому косвенному (или непрямому) управлению. В первом случае колониальная администрация назначала африканских вождей в тот или иной район, не считаясь с местными институтами власти и происхождением претендентов. По сути дела, их положение мало отличалось от положения чиновников колониального аппарата, хотя и имело свои особенности. Вожди делились на несколько категорий в зависимости от уровня образования и заслуг перед колонизаторами. Категории различались размерами окладов и числом подданных. Административные границы подвластных им территорий вводились произвольно. Вождей часто смещали и переводили из одного административного района в другой.

Во втором случае (при системе косвенного управления) колонизаторы формально сохраняли институты власти, существовавшие в доколониальные времена, совершенно изменив, однако, их содержание. Вождем мог быть только человек местного происхождения, обычно из так называемой «традиционной» знати. Он оставался на своем посту всю жизнь, если устраивал колониальную администрацию. Основные средства существования он получал из отчислений от суммы собранных им налогов.

Система прямого управления чаще использовалась во французских колониях, косвенного – в английских. Но это вовсе не было неизменным правилом. Французы во многих случаях не только неофициально, но и формально признавали власть влиятельных традиционных правителей, прежде всего, тех, кто активно с ними сотрудничал. Наиболее известный пример – признание прерогатив *мого наба*, правителей народа моей в Верхней Вольте.

Англичане же зачастую создавали институты якобы «традиционной» власти совершенно искусственно (как, например, у народа игбо в Восточной Нигерии). Кроме того, косвенное управление было несовместимо с «поселенческим» колониализмом Кении, Южной Родезии и ЮАС, и англичане сами признавали, что используют в этих странах вариант прямого управления.

В целом можно сказать, что различия между двумя системами управления были не столь уж значительны. Они оказали куда меньшее воздействие на характер социальной трансформации африканских обществ, чем, например, различия в методах эксплуатации.

Формирование колониального общества. С утверждением колониализма и развитием товарно-денежных отношений распадался привычный порядок вещей, рушился уклад жизни доколониальных обществ, основой которых были натуральное хозяйство и *община*. В недрах *общины* возникали новые социальные отношения. Изменялся и характер процессов классовообразования в тех странах, где в доколониальный период такие процессы уже шли. В межвоенный период началось сближение социальных структур народов, находившихся в доколониальную эпоху на разных уровнях социального развития.

Менялись этнические и политические связи. Колониальный раздел во многих случаях прервал естественные процессы этнической и политической консолидации, как это произошло, например, с вожеством зулусов. Многие народы были разделены колониальными границами. Примеров превеликое множество: тсвана в Бечуаналенде и в ЮАС, фульбе, разбросанные по всей Западной Африке, хауса в Нигерии, Нигере, Камеруне, Чаде и нескольких других странах, и многие, многие другие. Население почти всех колоний было искусственным конгломератом крупных (миллионы человек) и мелких (несколько сотен, а то и десятков человек) этнических групп. В каждой колонии создавалось свое административное деление, редко совпадавшее с этническим. Прежние политические и экономические связи если и не разрывались, то, во всяком случае, усложнялись и трансформировались. В границах колониальных административных единиц на базе новых политических и экономических связей шло формирование новых этносоциальных групп. Иногда колониальные власти даже провозглашали в административном порядке создание новых «племен». Таковыми стали, например, календжин в Кении.

Возникавшие в колониях новые социальные группы обычно были полиэтническими. Однако в 20-30-е гг. в каждой из них все же превалировали представители какой-то одной этнической группы. Это правило распространялось в некоторых случаях на конкретные профессии. Так, в колониальном аппарате Уганды было больше всего ганда, Нигерии – игбо. Мигрантами-отходниками в Кении были в основном гикуйю и луо, полицейскими – камба.

Перемены, привносимые колониализмом в африканские общества, были связаны с развитием элементов товарно-денежных отношений и черт капиталистического общества. Однако эти отношения, как и вся складывавшаяся социальная структура, отличались большим своеобразием, прежде всего, из-за их насильственного внедрения и зависимого характера. Общество, формировавшееся в ходе все более глубокого воздействия колониализма на доколониальные африканские структуры, имело переходный характер и получило название «колониального».

Интенсивность изменений была различной не только в тех или иных регионах и странах континента, но и в пределах одной страны. Колонизаторы повсюду выделяли территории, где имелись наибольшие возможности для интенсивной эксплуатации природных и людских ресурсов. Здесь социальная трансформация шла быстрее. Остальные территории, с точки зрения колонизаторов, пребывали в состоянии застоя. Самые глубокие перемены претерпела жизнь тех народов, которые оказались в наиболее длительном и тесном соприкосновении с колониализмом, прежде всего, в Южной Африке и других поселенческих колониях. Различался, конечно, и сам характер перемен.

Изменение социальной структуры африканских обществ отнюдь не было официальной целью колониальных властей. Скорее наоборот. Идеологи колониализма (прежде всего, английского) подчеркивали, что ради прочности колониального управления необходимо всемерно охранять доколониальные формы общественной жизни, оберегать их от разрушения. Но каковы бы ни были теоретические построения, на практике колониализм неизбежно приводил к трансформации прежних социальных структур и возникновению новых общественных слоев. Процесс этот во многих странах начинался с возникновения отходничества.

С начала колониальной эпохи до середины 50-х гг. отходничество было не только наиболее распространенной, но и наиболее характерной формой работы по найму. В этот период даже чиновники и квалифицированные рабочие, жившие в городах, на рудниках или фермах постоянно, в принципе являлись отходниками: они получали зарплату, не рассчитанную на содержание семьи. И действительно почти все они имели хозяйство в деревне, и семьи их жили там. Но основную массу отходников составляли, конечно, неквалифицированные рабочие. На горнорудных производствах и в некоторых других отраслях промышленности отходниками были в основном законтрактованные на определенный срок (шесть месяцев, год, два года) рабочие, в сельском хозяйстве – сезонники.

С развитием колониальной экономики и ростом ее потребностей в рабочих руках отходничество принимало все более массовый характер. В какой-то мере уход африканцев на заработки, нередко за сотни километров от родных мест, объяснялся и внеэкономическими факторами: жаждой новых впечатлений, стремлением уйти от власти вождей и старейшин, от однообразия традиционных укладов. Но главной причиной было, конечно, принуждение – на первых порах прямое, а затем экономическое. Необходимость уплаты налогов, стремление хоть как-то увеличить доход семьи, рост потребностей в новых товарах приводили к тому, что миллионы африканцев проводили в скитаниях всю жизнь – возвращались домой, но затем снова и снова вербовались на заработки.

Наиболее широко было распространено отходничество, которое не заставляло африканцев уходить далеко от родных мест. Оно было связано, прежде всего, с сезонными сельскохозяйственными работами. Но заработки таких рабочих были невысоки.

Незаконтрактованным рабочим, направлявшимся на рудники, нередко приходилось пешком преодолевать долгий путь через территорию нескольких стран. Условия работы горняков повсюду были очень тяжелыми, но их труд зачастую оплачивался выше, чем труд других категорий неквалифицированных рабочих.

Потоки отходничества могли ограничиваться пределами одной страны. Так было, например, в Бельгийском Конго, где на рудники Катанги и в города шли сами конголезцы. Но в основном миграция рабочей силы шла между странами. В Западной Африке эти страны зачастую входили в разные колониальные империи. В Золотой Берег, Берег Слоновой Кости, в Нигерию и Сьерра-Леоне значительная часть сезонных рабочих прибывала из Верхней Вольты, Нигера, Французского Судана.

Массовые миграции между странами шли и в Восточной и Центральной Африке. Среди африканцев, работавших по найму в Уганде и Кении, было много пришлых, а среди горняков Северной Родезии пришлым был каждый четвертый. В Южной Родезии жители других стран составляли почти половину африканцев, работавших по найму.

Главным центром притяжения отходников на всем континенте был Южно-Африканский Союз, особенно золотые рудники Трансвааля, где с начала XX в. ежегодно требовалось до 300 тыс. горняков. Две трети из них приходили из других стран, зачастую довольно далеких от ЮАС. Основными поставщиками рабочей силы на юге Африки были Ньясаленд, Южный Мозамбик, Басутоленд, Бечуаналенд, Свазиленд. В первых трех 40–50 % всех трудоспособных молодых мужчин ежегодно уходило на заработки за границу, в последних двух – 25–30 %.

Отходничество было новым социальным явлением в африканских обществах. Но оно и само стало фактором социальной трансформации и способствовало расшатыванию традиционных устоев в деревне. Отходники привносили в деревню новые ценности и понятия. Рушились старые авторитеты и нормы взаимоотношений, разрушались прежние методы ведения хозяйства.

С отходничества начиналось формирование нескольких слоев современного общества, но прежде всего рабочего класса. Часть отходников оседала в городах, на шахтах и на плантациях, приобретала квалификацию, обзаводилась семьями и теряла связь с родными местами. Наиболее быстро процесс формирования постоянной рабочей силы шел в крупных портовых городах, таких как Дакар, Момбаса, Кейптаун, Дурбан, на железных дорогах и в крупнейших горнорудных районах – в Катанге, в Медном поясе Северной Родезии, Трансваале. Однако в период между двумя мировыми войнами этот процесс только начинался. Как уже говорилось, даже имея хорошую специальность и осев в городе, рабочий чаще всего сохранял постоянную связь с деревней. Колониальная администрация сознательно сдерживала пролетаризацию отходников, считая политически и экономически невыгодным для себя отрыв рабочего от земли.

Наиболее массовым слоем колониального общества было крестьянство. Колониальный крестьянин в принципе не являлся антиподом отходника. Зачастую они были членами одной семьи, да и один и тот же человек нередко был отходником и крестьянином одновременно. Конечно, ситуация не была везде одинаковой. В районах развитого мелкотоварного производства крестьяне не только не занимались отходничеством, но и сами нанимали бедняков-отходников из менее развитых областей. В наиболее богатых хозяйствах производство экспортной сельскохозяйственной продукции, как правило, сочеталось с торговлей или посредничеством в купке этой продукции.

Колониальный крестьянин отличался от общинника доколониальных времен тем, что был связан с мировым или местным рынком и вел товарное хозяйство. От капиталистического же фермера его отличали многочисленные меры внеэкономического принуждения, связанные с условиями колониального господства и колониальной монополией, а также сохранение натурального производства. Натуральное хозяйство, использование труда членов семьи, низкие личные потребности – эти и некоторые другие особенности хозяйствования колониального крестьянства являлись неотъемлемыми чертами всей системы производства. Они позволяли крестьянину более или менее успешно конкурировать с технически лучше оснащенным европейским хозяйством. Однако при такой системе расширение производства приводило к сокращению потребления без достаточной денежной компенсации.

Картина становления социальных отношений в межвоенный период в деревне была бы неполной без упоминания того факта, что этот процесс в то время носил особенно ярко выраженный анклавный характер, затрагивал лишь небольшие площади и относительно немногочисленные районы. На большей части территории континента натуральное хозяйство сохранялось не в качестве необходимого элемента отходничества, а в качестве господствующего уклада. Во многих случаях нарушенные во время колониальных захватов социальные и экономические нормы продолжали разрушаться или стагнировали. Хозяйство приходило в упадок. Прежние социальные структуры деградировали, но замена их новыми шла крайне медленно и в уродливых формах.

Крестьянская среда была очень разнородна по составу. К тому же в межвоенный период в ней бурно шли процессы имущественного и социального расслоения. Для имущественного накопления важнейшее значение имела близость к колониальным властям и так называемой «туземной» администрации. В обществах, бывших классовыми уже в доколониальную эпоху, она определяла степень и направление перераспределения богатства, в прежде бесклассовых обществах – степень и направление его накопления. В любом случае

в колониальном обществе эта близость давала единственную возможность вертикальной социальной мобильности.

Члены «туземной» администрации, их родня, близкие и клиента пользовались важными, хотя и законодательно не зафиксированными преимуществами (например, в «туземных» судах, при отправке на принудительные работы, сборе налогов и т. д.). В результате этого, а также подношений и безвозмездного труда своих соотечественников они быстро концентрировали в своих руках основное богатство – землю, начинали выращивать экспортные культуры (там, где это разрешалось), становились ростовщиками, открывали лавки. Своим детям они давали лучшее образование, и со временем те превращались в колониальных чиновников, начинали заниматься бизнесом, становились юристами, учителями, журналистами и т. д., пополняли ряды так называемой новой элиты.

Какую бы систему управления ни использовала колониальная администрация, ей всегда нужны были грамотные чиновники-африканцы (будь то вожди или просто служащие любой ступени колониального аппарата), иначе управление было бы невозможно. Торговый капитал – от крупнейших фирм до мелких торговцев, разъезжавших по самым непроторенным дорогам Африки – был заинтересован в появлении широкого слоя «европеизированных» африканцев с новыми потребностями и с денежными доходами, чтобы создать более емкий рынок для своих товаров. Европейские фирмы, монополизировавшие скупку сельскохозяйственной продукции, опирались на разветвленную сеть местных скупщиков-посредников. Обычно это были люди с зачатками европейского образования. Нужны были также учителя и священники-африканцы, которые могли бы более действенно распространять привитые европейцами идеи, ценности и представления, чем сами европейцы.

Да и в целом эффективная колониальная эксплуатация требовала духовной переориентации африканских обществ, по крайней мере языческих. Ислам – религия классовых обществ – был сильным идейным противником колонизаторов, но не препятствовал отчуждению прибыли, как таковой. Верования же доклассовых обществ базировались на таком комплексе представлений, который подразумевал лишь неравенство или маргинальную эксплуатацию в рамках клана и большой семьи.

Задачу духовной переориентации африканских обществ выполняли миссионеры, организовавшие сеть школ. Большинство учеников получали в них азы христианского образования, иногда вместе с ремесленными навыками. Африканцы чаще всего посещали лишь начальные классы, а затем шли работать. Продолжали образование очень немногие.

В межвоенный период в Африке южнее Сахары существовало всего несколько средних школ, ставших центрами формирования новой элиты (школа им. В. Понти в Сенегале, Королевский колледж в Будо в Уганде и др.). Высшее образование могли получить лишь единицы – те, кому удавалось попасть в университеты Европы, Америки или Южной Африки. В Южной Африке таких школ было больше.

Переводчики, писари, священники, телефонисты, телеграфисты, мелкие клерки, учителя начальных классов – с этих профессий начиналось становление образованной элиты. В Восточной и Центральной Африке в межвоенный период только этот уровень образования и был доступен африканцам. В Западной Африке, где у них было больше возможностей занять посты в средних звеньях колониальной администрации, и в Южной, с ее длительной историей колониального проникновения, в этот период в африканской среде уже существовала немногочисленная прослойка преподавателей, врачей, журналистов, юристов, издателей.

Какие бы посты ни занимали эти люди, их оклады, кругозор, образ жизни резко выделяли их из их окружения. Во французских и португальских колониях грань между получившим европейское образование меньшинством и огромным большинством их неграмотных сограждан подчеркивалась предоставлением образованным некоторым правам граждан мет-

рополии. Они получали статус соответственно *эволюэ* или *ассимилядуш*, становясь как бы «черными европейцами».

Многие представители образованной элиты сочетали профессиональную деятельность с предпринимательством. Эта прослойка стала, таким образом, базой для формирования в будущем как интеллигенции, так и некоторых слоев буржуазии. В то же время это была та социальная группа африканского общества, в которой раньше других начало формироваться национальное самосознание. Именно из нее вышло большинство лидеров и активистов национально-освободительной борьбы.

Важную роль в колониальном обществе африканских стран играли выходцы из Сирии и Ливана (сиро-ливанцы, или левантийцы) в Западной Африке и выходцы из Индии – в Южной и Восточной. Левантийцы в Западной Африке занимали промежуточное положение между мелкими африканскими скупщиками сельскохозяйственной продукции и оптовыми европейскими фирмами. Они были также и розничными торговцами. Активная торговая деятельность была характерна и для индийского населения Восточной и Южной Африки. В Восточной Африке индийцы, кроме того, использовались в колониальном аппарате и в качестве квалифицированной рабочей силы. Обе прослойки, таким образом, несмотря на значительные внутренние имущественные различия (от миллионеров до бедноты), в целом занимали в колониальном обществе промежуточное, двойственное социальное положение между африканским населением и крупным европейским капиталом.

§ 20. Вторая мировая война

На африканской земле произошло одно из первых столкновений с фашизмом, предшествовавших Второй мировой войне. Провозглашение фашистским государством в 1934 г. «Итальянской Ливии» на севере континента, последовавший за этим захват Эфиопии и политика «невмешательства», проводившаяся правительствами Англии и Франции по отношению к итальянской агрессии, упрочили уверенность Муссолини, да и в целом держав «оси», в безнаказанности дальнейших захватов.

Итальянское вторжение в Эфиопию готовилось в течение нескольких лет. Еще в начале 30-х гг. Италия сосредоточила войска на границах этой страны – в Итальянском Сомали и в Эритрее. В ночь на 3 октября 1935 г. они перешли границу. Во время развернувшихся боев использовали не только новейшую технику, но и отравляющие газы. Итальянское командование воспользовалось изменой некоторых эфиопских феодалов. Однако сопротивление эфиопской армии и населения было столь энергичным, что итальянский флаг над Аддис-Абебой был поднят только в мае 1936 г., а в ряде районов страны бои продолжались и после этого.

Африканцы напряженно следили за борьбой Эфиопии. В ней видели единственную на континенте страну, отстаившую свою независимость в годы колониального раздела, – символ того, что африканцы могут обойтись без иностранной опеки. В Южно-Африканском Союзе, Египте и других странах появилось множество добровольцев, стремившихся сражаться на стороне Эфиопии. Докеры Кейптауна и Дурбана отказывались грузить итальянские корабли.

Советский Союз поддержал обращение Эфиопии в Лигу Наций и потребовал введения санкций против Италии. Однако правительства Франции и Великобритании не пошли на это. Не встретив сопротивления на международной арене, Муссолини включил Эфиопию в состав Итальянской Восточной Африки.

В годы Второй мировой войны военные действия в Африке велись только на территории Эфиопии, Эритреи и Итальянского Сомали. В 1941 г. английские войска вместе с эфи-

опскими партизанами и при активном участии сомалийцев заняли территории этих стран. В Аддис-Абебу эфиопские части вступили 6 апреля 1941 г.

В других странах Тропической и Южной Африки военных действий не велось. Но в армии метрополий были мобилизованы сотни тысяч африканцев. Еще большему числу людей приходилось обслуживать войска, работать на военные нужды. Африканцы сражались в Северной Африке, в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Бирме, в Малайе.

На территории французских колоний шла борьба между *вишистами* и сторонниками «Свободной Франции», не приводившая, правда, как правило, к военным столкновениям. Росту антифашистских настроений способствовало возвращение на родину солдат, принимавших участие в войне в Европе (туда были отправлены из французских колоний Западной и Экваториальной Африки 137 тыс. чел.). В августе 1940 г. против *вишистов* выступили колониальные войска в Чаде под руководством чернокожего губернатора Феликса Эбуэ, родом из Французской Гвианы. Чад стал основной базой сил Свободной Франции во главе с генералом Шарлем де Голлем. Затем к ним присоединились Камерун, Среднее (Французское) Конго и Убанги-Шари. Браззавиль (Конго) был символической столицей Свободной Франции в 1940–1943 гг. Во Французской Западной Африке и в Того позиции *вишистов* оказались прочнее, и они держались еще два года, вплоть до конца ноября 1942 г. – до высадки войск союзников в Северной Африке.

Политика метрополий по отношению к участию африканцев в войне была двойственной. Они стремились использовать людские ресурсы Африки как можно полнее, но в то же время боялись допустить большое число африканцев к современным видам вооружения. Расовая дискриминация существовала во всех колониальных армиях. В английских колониальных войсках она проявлялась в большей мере, чем во французских. Большинство мобилизованных африканцев использовались во вспомогательных войсках, но многие все же прошли и полную боевую подготовку, получили военные специальности радистов, связистов, водителей и т. д.

В годы войны нарушились мировые торговые связи, и сократился импорт из метрополий. В сочетании с ростом спроса на продовольствие на мировом рынке это привело к развитию некоторых отраслей легкой и обрабатывающей промышленности, особенно в Южной Родезии, Бельгийском Конго, Кении, Нигерии, Сенегале, Береге Слоновой Кости, Золотом Береге. В Южно-Африканском Союзе дальнейшее развитие получила тяжелая промышленность. Несколько возросли торговые контакты между африканскими странами. Ослабление связей с метрополиями привело к усилению финансового проникновения Соединенных Штатов в экономику африканских стран. В связи с развитием промышленности увеличивалась численность рабочих. Они все больше отрывались от деревни, превращаясь, по существу, в рабочий класс, получавший, тем не менее, зарплату отходников.

Все эти новые явления не могли не сказаться на общественном климате колоний. Большие надежды африканцы возлагали на Атлантическую хартию, подписанную в 1941 г. лидерами США и Великобритании. В ней говорилось о праве народов самим избирать форму правления. В 1944 г. на конференции в Браззавиле представителям африканских владений Франции было обещано, что после войны в колониях будут созданы представительные органы, введено всеобщее избирательное право и проведена общая демократизация. Сыграл свою роль и рост антифашистских и антирасистских тенденций по всему миру. Авторитет метрополий, терпевших поражения в ходе войны, был поколеблен.

В результате, в годы войны резко усилились антиколониальные настроения. Возникали новые политические партии и организации, хотя во многих странах политическая деятельность была запрещена. Наиболее влиятельным из них был Национальный совет Нигерии и Камеруна, созданный в августе 1944 г. Совет решил добиваться уничтожения всех форм расовой дискриминации. Росло забастовочное движение. Во многих промышленных цен-

трах и портах в годы войны прошли крупные забастовки. Только на рудниках Медного пояса в 1940 г. бастовало около 15 тыс. горняков.

§ 21. Изменение роли Черной Африки в мировой экономике и политике. Социально-экономические сдвиги

Вторая мировая война мало изменила политическую карту Африки. Эфиопия освободилась от итальянского господства и с 1941 г. вновь стала независимым государством. Эритрея с 1941 г. находилась под контролем британских войск, а в 1950 г. Генеральная Ассамблея ООН решила создать федерацию Эфиопии и Эритреи. Итальянское Сомали с 1941 г. также было занято английскими войсками. В 1949 г. Генеральная Ассамблея ООН передала эту страну под итальянскую опеку сроком на десять лет. Бывшие подмандатные территории Лиги Наций стали подопечными территориями ООН под опекой бывших держав-мандатариев: Танганьика, Британское Того, Британский Камерун – Великобритании; Французское Того и французский Камерун – Франции; Руанда и Бурунди – Бельгии.

Но в экономике и социальной структуре африканских стран произошли важные сдвиги. После войны метрополии особенно остро нуждались в сырьевых ресурсах и продовольствии из африканских стран. Усиленной эксплуатацией колоний метрополии стремились восполнить потери, понесенные в годы войны. Увеличивалась добыча оловянной и цинковой руд, урана, кобальта, графита, алмазов, сурьмы, асбеста, каменного угля и многих других полезных ископаемых. Особое значение стали придавать развитию инфраструктуры. Расширялись и модернизировались порты, строились новые дороги, аэродромы, склады. Военные предприятия и ремонтные мастерские, построенные за годы войны, передавались гражданским властям.

Урок медицины в Аккре, 1950-е гг.

Интенсифицировалась и эксплуатация людских ресурсов. Усиливался приток африканцев в города и на шахты. Быстро росла численность работающих по найму. Деревня страдала от поборов или от нехватки людей, но в то же время доходы части населения увеличивались благодаря росту спроса и цен на продовольствие. Все это ускорило процессы трансформации социальных структур.

Рабочая сила в основном оставалась мигрирующей. Но удельный вес работающих по найму рос значительно быстрее, чем до войны. Отрыв большого числа рабочих от деревни

стал свершившимся фактом. Превращение мигранта в пролетария было бы полным при условии установления рабочему «семейной» заработной платы, рассчитанной на воспроизводство рабочей силы в городе. Того же требовали и интересы многочисленных новых европейских фирм, появившихся в Африке после войны: рост покупательной способности африканского населения привел бы к расширению рынка для европейских товаров. Но инерция сложившихся структур и взгляды колониальных чиновников препятствовали переменам.

Колониальная модель социально-экономической структуры, основанная на низкой оплате труда мигрантов и наличии натурального сектора в деревне, постепенно становилась тормозом развития капиталистических отношений. Колониальная администрация до середины 50-х гг. игнорировала эту тенденцию и в интересах колониальных кругов метрополий пыталась сохранить прежний тип эксплуатации и сдержать социальную трансформацию африканских обществ.

После войны в Африке ускорились социально-экономические перемены. Выросли численность и влияние рабочих, возросла роль различных групп африканской буржуазии и интеллектуальной элиты. Характер возникновения неоколониальной социальной структуры сильно различался по странам и регионам. Колониальные власти в 40-50-е гг. видели в новых социальных силах не союзника, а соперника и обычно применяли репрессивную тактику. Эта недалековидная политика стала одной из причин обострения антиколониальной борьбы в 1940-1950-е гг.

Менялась роль Африки на мировой арене. Известия об освобождении Азии (Китая, Кореи, Вьетнама, Индии, Бирмы, Индонезии) достигали африканских стран, убеждали в том, что колониализм не вечен. Налаживалось сотрудничество представителей новых политических организаций африканских стран с руководителями антиколониальных движений и независимых стран Азии. Молодые политические лидеры Африки с надеждой смотрели на антиколониальные силы метрополий и пользовались их поддержкой. Большую роль играло и налаживание связей с СССР и другими социалистическими странами.

Сокращение сферы колониального господства в мире привело к более интенсивной межимпериалистической борьбе за Африку. Главным соперником метрополий выступили Соединенные Штаты. Американское проникновение в Африку начало усиливаться с 50-х гг. В первую очередь США стремились расширить свои экономические и военно-стратегические позиции в обоих независимых государствах Тропической Африки – в Эфиопии и особенно Либерии.

§ 22. Новые планы колониальной эксплуатации. Политические нововведения метрополий

Несмотря на изменение политического климата в мире и в Африке, колониализм пытался упрочить свои позиции. Еще в годы войны Уинстон Черчилль дал африканским народам понять, что к ним не могут быть применены принципы Атлантической хартии. В центре Лондона, на Парламент-сквер, после войны начали строить новое здание министерства колоний. Строительство продолжалось и после провозглашения независимости Индии, Пакистана и Бирмы – в английских правящих кругах царил уверенность, что Британская империя на африканском континенте просуществует еще долгое время.

В первые послевоенные годы в метрополиях были созданы организации, специализировавшиеся на составлении «планов развития» колоний, прежде всего, африканских. В Англии в 1948 г. появилась Корпорация колониального развития, действовавшая на базе смешанного частного и государственного капитала. На этих же началах возникла и Заморская корпорация по продовольствию. Они проектировали и строили различные объекты, связанные с промышленностью, сельским, лесным и водным хозяйством.

Французское правительство утвердило в 1946 г. Фонд экономического и социального развития заморских территорий. Руководство фондом возлагалось на комитет из французских чиновников и экспертов. В 1946–1947 гг. появился «Генеральный план развития заморских территорий». В рамках этого плана составлялись десятилетние планы развития для каждой колонии, а в 1949 г. они были заменены четырехлетними программами, которые ежегодно пересматривались с целью уточнения.

В Бельгии в 1949 г. был опубликован «Десятилетний план экономического и социального развития Бельгийского Конго». Эти и подобные им планы расширения производства сырья и продовольствия были подчинены интересам компаний, имевших монопольные права на добычу или производство различной продукции в колониях. В каждой африканской стране намечалось развитие одной-двух экспортных культур, нередко за счет сокращения посевных площадей под культурами, которые шли на удовлетворение внутренних нужд.

На пути осуществления этих планов встали труднопреодолимые препятствия. В африканских странах не хватало квалифицированной рабочей силы. Во многих районах осуществлению сельскохозяйственных планов мешало истощение почв. И самое главное, местное население, как правило, относилось к ним враждебно. Л. С. Беханзин, общественный деятель Французской Западной Африки, писал: «Все планы освоения Африки, которые разрабатываются в Европе применительно только к европейским потребностям, окажутся неосуществимыми, потому что они проникнуты духом архаического колониализма. Планы, разрабатываемые с учетом «также и потребностей самих африканцев», тоже ожидает не лучшая участь, потому что Европа просто психологически не способна объективно оценить потребности африканских народов, особенно когда она выступает в качестве заинтересованной стороны»¹⁹.

И действительно, многие из этих планов провалились как по политическим, так и по экономическим причинам. Так, провалился опубликованный английским правительством в 1947 г. проект выращивания арахиса в Восточной Африке для обеспечения Англии растительными жирами. Арахисовые плантации должны были к 1952 г. занять громадную площадь – 1,3 млн га. За три года засеяли только 3 % этой площади, причем стоимость работ оказалась в 10–15 раз выше намеченной. В 1949 г. программу решили сократить в несколько раз, а в 1950 г. признали ее банкротство. Такая же судьба постигла планы производства хлопка во Французской Западной Африке.

После войны в условиях нарастания антиколониальной борьбы метрополии начали реформировать методы управления колониями.

Политику Франции во многом определила Браззавильская конференция 1944 г., в ходе которой лидеры Свободной Франции признали необходимость изменения отношений метрополии с колониями после окончания войны. По конституции Франции, принятой в 1946 г., провозглашалось, что Франция образует с заморскими народами союз, основанный на равенстве прав и обязанностей, без дискриминации как расового, так и религиозного характера. Были расширены избирательные права населения колоний. Оно получило право выбирать территориальные ассамблеи, созданные в каждой колонии, а также представителей во Французский парламент.

Но территориальные ассамблеи обладали лишь совещательными функциями – право окончательного решения важнейших вопросов оставалось за колониальной администрацией. А круг избирателей, хотя и был расширен, все же ограничивался различными цензами и не включал большинства населения колоний.

В британских владениях политические сдвиги сопровождались частой сменой так называемых колониальных конституций. Каждой из колоний давалась особая конституция;

¹⁹ Цит. по: История Тропической и Южной Африки. 1918–1988 гг. С. 33.

называлась она обычно по имени того губернатора или министра колоний, при котором была составлена. Конституции внешне были очень разнообразны. В одних предусматривалось, что в Исполнительном совете при губернаторе получают право участвовать несколько неофициальных лиц, специально отобранных и наделенных совещательными правами. По другим, при губернаторе создавали законодательные советы с большинством, состоявшим из официальных лиц, и назначенными неофициальными «представителями». В большинстве колоний были и законодательные и исполнительные советы, состав которых постоянно перетасовывался. Число представителей разных расовых, этнических и социальных групп в советах по разным конституциям варьировалось, вводились избирательные права ограниченных групп населения и в законодательных советах предоставлялись места для выборных членов.

Реальная власть всегда оставалась в руках губернатора, но конституции были явными политическими уступками африканцам. Они принимались, отменялись и пересматривались зависимости от силы, этапа и характера антиколониальных выступлений. Так, выработанная в 1949–1950 гг. конституция Золотого Берега была следствием народных волнений в этой стране в 1948 г. В Нигерии к принятию новой конституции привело выступление шахтеров в 1949 г. С помощью таких конституций колониальные власти пытались расширить свою социальную опору, но антиколониальные силы стремились использовать их для расширения легальных возможностей политической борьбы.

Особой разновидностью реформ послевоенного колониального устройства в Черной Африке стало создание федераций. Это, прежде всего, объединение Северной Родезии, Южной Родезии и Ньясаленда и образование восточноафриканской федерации в составе Кении, Уганды и Танганьики. Оба эти плана родились еще в довоенные времена, но тогда их не удалось осуществить.

Образование восточноафриканской федерации должно было способствовать привлечению белых поселенцев Кении к управлению Угандой и Танганьикой и фактическому превращению подопечной Танганьики в английскую колонию. В этом, однако, состояла и трудность осуществления этого плана. Неизбежны были протесты как в Организации Объединенных Наций, так и со стороны мирового общественного мнения.

Созданием Федерации Родезии и Ньясаленда английское правительство намеревалось добиться более эффективной эксплуатации людских и природных ресурсов трех своих колоний в Центральной Африке: относительно развитое поселенческое сельскохозяйственное производство Южной Родезии с сырьевой базой Северной Родезии и резервуаром рабочей силы – Ньясалендом. Фактическое присоединение Северной Родезии и Ньясаленда к Южной Родезии давало возможность широко использовать южнородезийских поселенцев на всей территории федерации. Одновременно Великобритания получала возможность выступать как бы арбитром в отношениях между африканцами и правительством колонистов.

Правительство Великобритании учитывало также, что отказ от уступок колонистам «самоуправляющейся» Южной Родезии мог толкнуть их на быстрое сближение с Южно-Африканским Союзом. Такое тяготение существовало всегда. Еще в 1922 г. около 40 % белых избирателей Южной Родезии проголосовало за присоединение к ЮАС. На рубеже 40-х и 50-х гг. выходцы из ЮАС составляли уже треть белого населения Южной Родезии. Перспектива такого сближения стала особенно тревожной для британских властей после 1948 г., когда в ЮАС к власти пришло правительство африканерской (бурской) Националистической партии с ее антианглийскими настроениями и призывами к выходу из британского Содружества.

§ 23. Колониализм и встреча культур

Одним из основных результатов встречи культур в колониальную эпоху стало появление в Африке интеллигенции современного типа, получившей в той или иной форме и объеме европейское образование. Ключевым вопросом для африканской интеллигенции был и остается вопрос о соотношении африканской и европейской культуры.

Искусство. Некоторые виды традиционного африканского искусства оказались практически не затронутыми западной цивилизацией, например, бисерные изделия камерунских художников или религиозная скульптура йоруба. Новые же формы искусства в ряде случаев развивали люди, не связанные с традиционным слоем ремесленников. В таких случаях их деятельность стимулировалось извне, миссионерами, колониальными чиновниками, образовательными институтами, и пр. Так, в Браззавиле орнаменты на тканях и бумаге, восходящие к настенным традиционным рисункам, делались людьми, которые никогда ранее не создавали никаких произведений искусства. В Нигерии миссионеры призывали девушек из народа иббо к воспроизведению мотивов обрядовых шрамов на их телах в виде вышивок на тканях. А мальчиков йоруба обучали вырезать на шипах крохотные фигурки животных и людей на традиционный манер. Оба (наследственный верховный правитель) Бенина Эвеке Второй в 1915 г. основал при своем дворце школу резчиков, использовавших как традиционные, так и новые виды материалов. Они изготавливали изделия, используя как материал не только традиционные слоновую кость и скорлупу кокосовых орехов, но и черное дерево.

Пожалуй, наиболее известными в мире произведениями африканского искусства является продукция резчиков по дереву. Ее часто называют «африканская традиционная деревянная скульптура». Все современные художественные музеи мирового уровня выставляют ныне подобные произведения – их можно найти и в Лувре, и в московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина.

Наиболее частый результат контактов традиционного африканского искусства с европейской цивилизацией – его трансформация и по форме, и по содержанию.

Музыка. Музыка была и остается важной функциональной частью африканских обществ. А в качестве характерных особенностей музыки на африканском континенте, невзирая на ее региональные особенности, называют ритм и ударно-ритмическую технику.

В колониальный период африканская музыка также претерпела некоторые изменения. Значительную роль тут сыграли христианские миссионеры, стимулировавшие использование африканских мелодий в богослужении. Другим фактором было переселение африканцев в города. Там африканцы слушали музыку по радио и на грампластинках, и это также сказало на мелодиях и ритмах, создаваемых ими. Следует отметить, что таким образом африканцы подвергались влиянию не только европейской, но исламской и индийской музыки. В свою очередь, африканская музыка оказала влияние на западную, американскую и европейскую.

Театр. Драматическое искусство доступно широким слоям населения Африки. Театральное искусство, возникшее в XIX в. вследствие внешних контактов, в дальнейшем претерпевало значительную трансформацию. В Западной Африке на него наложился ислам, затем христианская культура и еще культура репатриантов в Сьерра-Леоне и Либерии. Там к первому десятилетию XX в. распространились новая форма театра – концерт-вечеринка, некая смесь викторианского мюзик-холла и американского водевиля.

К 1912 г. в Нигерии были построены театральные здания и вышел ордонанс о театральной деятельности, предписывающий труппам получать лицензии. Там и на Золотом Береге стали процветать водевильные труппы.

К 1930-м гг. дала плоды французская политика культурной ассимиляции. В этом контексте родилась в Сенегале школа Вильяма Понти – педагогической коллеж, сыгравший такую же роль во Французской Африке, как колледж Ачимота в британской Западной или Макерере в Восточной. Они должны были дать базовое европейское образование будущим учителям и гражданским чиновникам. В школе Понти образование включало и французскую культуру – пьесы, поэзию, музыку и пр. Но коллеж поощрял возвращение студентов к культуре своих народов, и группы студентов возвращались с каникул с показом театральных представлений по результатам своих исследований. Такая театральная практика распространилась по всей ФЗА. Это было искусственное создание, далекое от традиционных форм. Театр Вильяма Понти, как и другие подобные, служил нуждам удовлетворения интереса к экзотике французских колонизаторов и являлся отражением взглядов новой африканской элиты.

В целом традиционные африканские театральные формы, были подвержены значительному европейскому влиянию: представления играют в основном на европейских языках, слово в них важнее, чем музыка, пение и танец, увеличена дистанция между актером и зрителем за счет высокой сцены и занавеса, действие более короткое и сконцентрированное, чем в традиционном театре, зрительская аудитория – в основном представители высших слоев, более узкий круг зрителей.

Но, несмотря на все эти черты, современный театр сохраняет преемственность со старыми театральными формами. Более того, некоторые современные драматурги и студенческие труппы стараются создавать театральные формы, еще более близкие к традиционным.

Литература. В большинстве районов Африки, бывших в доколониальный период бесписьменными, современная литература явилась порождением колониальных времен. Часто она начиналась как записи фольклора на местных языках. Многие из этих записей были сделаны миссионерами, собственно и создававшими письменность на африканских языках. Однако и сами африканцы постепенно понимали важность фиксации фольклора на бумаге.

В то же время, в письменной форме находили отражение и старые фольклорные традиции, – например, новые хвалебные песни сочиняли в большом количестве в 30-е гг. XX в. представитель народа коса Мкваи и представитель народа сото Беренг. Интересным явлением был перевод псалмов на язык сото с использованием старых традиционных методов стихосложения и архаического языка.

Постепенно африканцы осваивали новый для континента, типично европейский литературный жанр – роман. Африканский роман как форма литературного творчества – видимый результат встречи культур. Первый африканский роман на французском языке появился в 1926 г. К 30-м гг. романы появились и в Южной Африке, на языках сото и коса. Часто в эту новую форму облекались рассказы о жизни в давние времена. Так, роман «Рафеленг» (Старый Скорпион) автора Сегоете рассказывал о прежних временах в жизни сото, «Питсо эа Линоньяна» (Птичий парламент) автора Секесе давал юмористическую картинку народного вече. Самым значительным на тот период считался роман зулуса Мофоло «Чака», повествовавший о нелегкой судьбе этого правителя.

В западном Судане особым явлением было проникновение туда исламской письменной культуры, пришедшей ранее, чем европейская. Вот какие соображения высказал по этому поводу известный африканский писатель, лауреат Нобелевской премии Воле Шойинка: «Европейская культура проникала, основываясь на традиционной социальной структуре, роли обученных художественных групп на определенной территории, мусульманского учителя (имана или алима) и его монополии власти над письменностью, грамотностью и пр. Проникновение исламской письменной культуры отличалось от еврохристианской только по качеству, но не по результатам. Существование двух письменных традиций, противоположных друг другу, вызывало интенсивные усилия с обеих сторон, особенно с исламской,

которая пришла раньше. Обе стороны при этом игнорировали традиционную культуру, считая, что действуют в культурном вакууме»²⁰.

Традиционные африканские культуры были изначально способны к синкретизму. В результате не все западноафриканские вестернизированные писатели видели в мусульманском культурном вызове обязательную оппозицию традиционной африканской культуре или несовместимость ее с христианской культурой, распространяемой миссионерами. Для некоторых, среди которых были, например, аббат Буала или Сэмюэль Кроутер, арабский язык и культуру можно было изучать и преподавать, более того, перевод Библии и катехизиса на арабский мог привести к улучшению «наиболее ужасных» аспектов исламского общества и культуры.

Известный мыслитель, которого принято считать «культурным националистом», Э. У. Блайден был убежден, что «исламская культура более, чем какая-либо другая из мировых приспособлена к темпераменту и культурным реальностям африканца»²¹. Ислам для него был одним из компонентов переформирования африканской культуры для африканцев с их собственными гарантирующими структурами и институтами. Блайден, предтеча *негритюда*, считал необходимой более или менее полную переориентацию колониального образования от евроцентризма к образованию, более гармонирующему с африканскими традициями. И главную роль в этом, считал он, должна играть исламско-арабская цивилизация.

Важным аспектом встречи культур является и перевод на африканские языки произведений мировой литературы. Известна деятельность первого президента Танзании Дж. К. Ньерере, переведшего на суахили множество пьес Шекспира. Но на тот же суахили книги начали переводить значительно раньше. Только в 1928–1930 гг. в суахилийском переводе вышли: «Маугли» Р. Киплинга, «Копи царя Соломона» Р. Хаггарда, «Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона, сборник стихов английских поэтов.

Материальная культура. Материальная культура современной Африки как результат встречи культур – явление настолько многоплановое, что здесь возможно дать лишь некоторые его примеры.

Один из самых наглядных примеров – так называемая традиционная одежда женщин народа гереро в Намибии, в которой большинство из них ходит до сих пор. Это – длинное платье с широкой юбкой, викторианское по форме, но из легких тканей пестрой расцветки, которую так любят африканки. Платье дополнено головным убором из ткани – особого вида платком, образующим как бы два рога над головой женщины. Как отмечают специалисты, это трансформировавшийся традиционный женский головной убор, который изготавливался изначально из кожи. Такой наряд сложился у гереро еще в XIX в. под влиянием платьев миссионерских жен.

Важным элементом престижа для африканцев в городах становилась мебель. Как правило, африканцы стремились приобрести стол, стулья, сервант и как минимум одну двуспальную кровать. Все это – как правило, дешевое и плохого качества.

Есть множество примеров того, как те или иные элементы африканской культуры оказали влияние на европейцев. Прежде всего, это касалось белых поселенцев в самой Африке. Так, еще в позапрошлом веке немецкий миссионер в Юго-Западной Африке д-р К. Г. Бюттнер писал, что при выборе места для будущего дома они использовали не европейские, а местные критерии, а также зачастую местные стройматериалы. Так, в 1896 г. на колониальной выставке в Берлине демонстрировался так называемый «Хартбистхаус» – результат строительного опыта немецких миссионеров в Юго-Западной Африке (Намибии). Это был дом,

²⁰ Soyinka W. The Arts in Africa During the period of colonial rule // General History of Africa. Vol. VII. UNESCO, 1985. P. 558–559.

²¹ Цит по: Ibid. P. 560.

построенный в местном стиле, но приспособленный к нуждам европейцев и рекомендованный как образец для подражания.

Специалисты отмечают, что миссионеры в Юго-Западной Африке (Намибии), даже возводя дома из привычного европейцам стройматериала, строили их не так, как в Германии: в частности, окружали со всех сторон верандами, в связи с чем выделяют особый архитектурный стиль.

Таким образом, в колониальные годы европейская культура оказала влияние на африканскую – влияние это было разным по степени интенсивности, как в конкретных областях культуры, так и в конкретных частях африканского континента. В то же время, культура народов Черного континента в целом не утратила своего африканского характера. Важно отметить, что отдельные элементы африканской культуры оказали влияние, порой весьма существенное, и на культуру Запада.

Глава 2

Против колониализма

Африканцы не были пассивными объектами установления чужеземного господства на континенте. В ряде случаев они выступали с оружием в руках против колонизаторов еще на этапе колониального раздела континента. С установлением и укреплением колониальных режимов африканцы вели борьбу сначала за их смягчение, а затем и за ликвидацию, т. е. достижение независимости.

На всех этапах эта борьба была различной по интенсивности, характеру и формам выражения в зависимости от степени развитости африканских обществ и особенностей установления и функционирования колониальных режимов.

В отечественной науке весь спектр проявлений борьбы африканцев с колониализмом подверстывался под термин «национально-освободительные движения». Однако применительно к Африке он дважды некорректен. Во-первых, в колониальный период (да и по сию пору) нации в большинстве африканских колоний не сложились, и странно рассматривать различные партии и движения, выступавшие против колониализма или его аспектов, как «национальные». Во-вторых, с начала XX в. и почти до конца Второй мировой войны в большинстве африканских колоний речь не шла об освобождении от колониальной зависимости, следовательно, некорректен и термин «освободительные». Точнее говорить об антиколониальных движениях, а шире – об антиколониализме в Африке.

В развитии антиколониализма в Африке выделяют три этапа. Первый этап – это период так называемого первоначального сопротивления. Речь идет о реакции африканцев на установление чужеземного господства. Хронологически этот процесс приходится на вторую половину XIX-на-чало XX вв. При этом сопротивление африканцев зачастую самым причудливым образом сочеталось с сотрудничеством с европейцами. Второй этап – это в основном межвоенный период, когда возникают новые формы антиколониализма, формируется массовое сознание колониального общества, способное воспринимать новые идеи и, тем самым, возникают условия для формирования личностей, сознательно участвующих в этом пока еще аморфном, но все более массовом антиколониальном движении. Третий этап, деколонизация, начинается после Второй мировой войны и заканчивается крахом колониальной системы в Тропической и Южной Африке. Важной хронологической вехой здесь является 1960 г., когда независимыми стали сразу 17 африканских государств. Продолжался этот период до 1994 г., когда в Южной Африке пришел конец власти белого меньшинства, было покончено со своеобразным «внутренним колониализмом».

§ 24. Ранние антиколониальные войны

В ряде случаев сопротивление африканских народов колониальному порабощению было вооруженным, многолетним, ожесточенным и кровопролитным. Дагомея во главе со своим правителем Беханзином, государство малинке во главе с Самори, Бенин во главе с правителем Идугбовой, прозванным «Непобедимым» в Западной Африке, Бушири бин Салим в Восточной Африке, Гунгуньяна в Юго-Восточной – лишь немногие из множества примеров.

Крупнейшим очагом сопротивления африканцев колониальному завоеванию континента стало махдистское восстание в Судане. В августе 1881 г. молодой проповедник Мухаммед Ахмед, выходец из нубийского племени дангала, объявил себя *Махди* – мессией, посланцем Аллаха, призванным восстановить на земле истинную веру и справедливость. *Махди* призвал народ Судана подняться на священную войну – джихад – против иноземных поработителей. Одновременно он провозгласил отмену ненавистных налогов, равенство всех

«перед лицом Аллаха». Народам Судана предлагалось объединиться для борьбы с общим врагом.

Махди вскоре стал признанным вождем народного освободительного восстания, развернувшегося в Судане. Ряды повстанцев быстро росли, к 1883 г. они захватили провинции Кордофан, Дарфур, Бахр-эль-Газаль, Экваторию, восстание распространилось и на Красноморское побережье. В январе 1885 г. после длительной осады был взят Хартум – столица Восточного Судана, а генерал-губернатор Гордон убит. Летом того же года изгнание англо-египетских войск из Судана было завершено, и там сформировалось махдистское государство.

Мухаммед Ахмед умер в июне 1885 г., и государство возглавил Абдаллах, принявший титул халифа. Ему принадлежала вся полнота власти, военной, светской и духовной. Налоги не только сохранились вопреки обещанию *Махди*, но были введены новые.

Существование независимого Судана оказало огромное влияние на ситуацию в регионе, его отзвуки прокатились по всему Африканскому континенту. Британские колонизаторы свыше 10 лет не предпринимали активных действий против махдистского государства. За это десятилетие Судан оказался окруженным владениями ряда европейских стран, каждая из которых стремилась закрепиться в долине Нила, что представляло большую угрозу для английских колониальных планов. В декабре 1895 г. Англия объявила о возобновлении военных действий против *махдистов*. Возглавить поход было поручено генералу Китченеру. Крупное сражение произошло в апреле 1898 г. у Метеммы. Несмотря на отчаянную храбрость суданских войск, 2 сентября 1898 г. главные силы *махдистов* были разбиты. В январе 1899 г. было юридически оформлено британское господство над Восточным Суданом в форме англо-египетского кондоминиума. Вся реальная власть в Судане на основе этого соглашения передавалась генерал-губернатору, назначавшемуся египетским хедивом по представлению Англии. Египетские законы не распространялись на территорию Судана. Независимость, которую народы Судана 18 лет отстаивали с оружием в руках, была уничтожена. Отступивший с остатками войск Абдаллах продолжал борьбу до 1900 г.

Яркими примерами первоначального сопротивления в Тропической Африке в XX в. были восстания в германских колониях, проходившие практически одновременно – с 1904/1905 по 1907 гг. на востоке и юго-западе континента. Это были восстание Маджи-Маджи в Германской Восточной Африке (Танганьике) и «Великие» восстания гереро и нама в Германской Юго-Западной Африке (Намибии).

Восстание *Маджи-Маджи* – народная война в Танганьике против германского колониального господства, 1905–1907 гг. Название восстания связано с народным поверьем о чудодейственной силе «заговоренной» воды (*маджи*), которая делает человека неуязвимым к пулям. Восставшие захватили до 2/3 территории Танганьики. Восстание было подавлено с большой жестокостью.

Восстание гереро началось в январе 1904 г. под руководством Самуэля Магареро. Оно было не просто жестоко подавлено, говорят даже о геноциде целого народа гереро. После решающих сражений 9 апреля у горы Оньяти и 11 августа при Ватерберге гереро были отогнаны немецкими войсками в пустыню Омахеке, откуда им был закрыт выход, и они массами погибали от голода и жажды. Считается, что в результате из 80 тыс. гереро после восстания в живых осталось около 15 тыс. чел.

Восстание нама началось в начале октября 1904 г. под предводительством Хендрика Витбоа и Якоба Моренги. Восставшие нанесли немцам несколько чувствительных поражений, после разгрома их основных сил они продолжали партизанскую войну вплоть до 1907 г.

Сложился миф, что в период первоначального сопротивления существовали две группы африканцев и их лидеров – герои-сопротивленцы с одной стороны и предатели, подписывавшие договоры о признании чужеземного господства с другой. Реальность была

сложнее: в ряде случаев один и тот же африканский лидер выступал то в той, то в другой роли.

Один из ярчайших примеров тому – *кабака* Буганды Мванга (правил в 1884–1899 гг.). В начале 1890-х гг. он подписал множество договоров об установлении чужеземного господства над своей страной – сперва с агентом Британской Восточноафриканской компании Ф. Лугардом, а затем с представителем правительства Великобритании. Эти договоры передали Буганду под чужеземное управление, а самого Мвангу лишили практически всех полномочий правителя. Однако в 1897–1899 гг. он возглавил антибританское вооруженное восстание в Буганде.

Другим примером служит Хендрик Витбой, старейшина одной из групп нама в Юго-Западной Африке (совр. Намибия). В 1880-х-начале 1890-х гг. он вел ожесточенную борьбу с немецкими колонизаторами.

Для умирения его народа в 1893 г. губернатор Лейтвейн пошел на беспрецедентный шаг – оставил им огнестрельное оружие. Согласно договору с германскими властями, Хенрик Витбой обязывался «по первому зову <...> выставить безусловно и незамедлительно войско, состоящее из всех боеспособных мужчин, против всех внутренних и внешних врагов германских властей»²².

В течение десяти лет Витбой исправно выполнял это условие, т. е. выступал союзником германских властей в подавлении антиколониальных выступлений африканцев. Но когда в 1904 г. вспыхнуло Великое восстание нама, Хенрик Витбой возглавил антиколониальное восстание нама и геройски погиб в битве с немцами.

Другой миф: европейцам удалось покорить Африку, т. к. они стравливали африканцев. Однако этим же приемом пытались пользоваться и африканцы. Например, верховный правитель гереро Камагереро, подписав ряд соглашений о протекторате с представителем Германии, в 1887–1888 гг. обратился к британскому агенту Р. Льюису и даже 15 июня 1887 г. издал прокламацию о денонсации своих соглашений с немцами. Затем он закрыл одну из немецких церквей в Стране гереро и передал это здание британскому представителю, а позднее продал здание резиденции германского представителя. Лишь военной силой немцы сумели восстановить и укрепить свое господство в стране гереро.

Еще один миф: африканцы подписывали договоры с европейцами бездумно, за связку бус. Это в большинстве случаев далеко не так. Африканские лидеры, вступая в альянсы с европейцами, преследовали свои конкретные цели. Вот что, например, писал *кабака* Буганды Мутеса Первый английскому эмиссару в 1876 г.:

«Я хочу быть другом белых людей. Поэтому послушай, что я тебе скажу.

1. Я хочу священника, который покажет мне Божий путь.
2. Я хочу золота, серебра, железа и бронзы.
3. Я хочу одежду для моего народа и для себя.
4. Я хочу отличных ружей и хороших пушек.
5. Я хочу, чтобы в моей стране построили хорошие дома.
6. Я хочу, чтобы мой народ знал Бога»²³.

К тому же, как правило, африканский правитель имел династического соперника в своей стране или соседа – соперника по гегемонии в регионе. Он не мог победить этого соперника самостоятельно и надеялся сделать это в союзе с европейцами. Осознание того, что ценой такой победы является утрата независимости, приходило позднее.

Например, для *кабаки* Буганды Мванги таким соперником в регионе Великих Африканских озер был *омукама* соседнего государства Буньоро Кабарега. Мванга сознательно

²² Цит. по: Дрекслер Х Юго-Западная Африка под германским колониальным господством. 1884–1915. М., 1987. С. 78.

²³ The Mind of Buganda. Ed. by D. A. Low. L., 1971. P. 5

натравливал британцев на Кабарегу, и, в конце концов, Буньоро было подчинено с помощью британцев, но уже не Буганде, а Великобритании.

Наконец, последнее: зачастую считают, что «хорошие» африканские лидеры поднимали народы на сопротивление во имя благородных целей, а «плохие» сотрудничали с европейцами. Надо отдавать себе отчет в том, что первым, кто ощущал на себе бремя иноземного господства, был именно верховный правитель – он терял свою власть. Именно в целях возвращения своих утраченных привилегий в первую очередь правители поднимали свои народы на антиколониальные восстания и возглавляли их. Это видно, например, из письма *кабаки* Буганды Мванги к германскому кайзеру Вильгельму Второму. Мванга писал в 1891 г.: «Я хочу, чтобы мне дали править моей страной, как правили ею те тридцать три султана [предки Мванги – А. Б.] – как сами того хотели»²⁴.

Сопротивление установлению Германского протектората на Занзибаре было продиктовано не только любовью к свободе, но и стремлением верхушки Занзибарского Султаната сохранить контроль над работорговлей – главным источником ее доходов. Одной из причин упоминавшегося выше восстания Маджи-Маджи также было прекращение работорговли, в которой местное население участвовало в качестве посредников.

Иногда, говоря о сопротивлении африканских народов колониальному разделу континента, историки задаются вопросом, а была ли антиколониальная борьба африканских народов оправданна, ведь она изначально была обречена на провал вследствие неравенства сил. Но, во-первых, африканцы далеко не всегда понимали степень этого неравенства, ведь они не знали о Европе и ее военном потенциале практически ничего. Достаточно вспомнить, что, когда в 1875 г. знаменитый путешественник Генри Мортон Стэнли предложил *кабаке* Мутесе Первому посетить Англию и познакомиться с королевой Викторией, придворные *кабаки* отговорили его. Их аргумент был таков: «Надо посмотреть, так ли еще велика эта королева, чтобы ты, гроза всего Межозерья, первым наносил ей визит!» Во-вторых, борьба с чужеземными захватчиками во все времена считалась делом благородным. И не случайно во многих африканских странах и поныне чтят вождей антиколониального сопротивления как национальных героев.

§ 25. Идеология раннего национализма

Идеология как сложное субъективное отражение социальной действительности в интересах определённых властных групп или классов достаточно поздно начинает свое развитие на Африканском континенте. Большинство государственных образований или зависимых территорий во второй половине XIX в. имели слабо дифференцированную социальную структуру. Идеологические и политические функции выполнялись в основном одними и теми же людьми. Политическая мысль являлась официальной и воплощалась в государственно-правовых формах или отражала основные тенденции идеологического развития в стране-метрополии. Тем более важное значение и популярность приобретали неформальные идейные течения, которые разрабатывались немногими образованными африканцами. Особую роль играли идейные связи африканцев с народами африканского происхождения в Западном полушарии – в Центральной и Северной Америке и с представителями африканской диаспоры в странах-метрополиях.

Значительный отпечаток на ранние идейные поиски африканцев и африкано-американцев наложили христианские догматы. Это объяснялось, прежде всего, тем, что начальное образование в Черной Африке вплоть до середины XX столетия в основном находилось в ведении миссионерских обществ, а возможности продолжить его, в том числе за рубежом,

²⁴ Федеральный архив ФРГ (Bundesarchiv). Ф. 1001 (Reichskolonialamt). Д. 8822. Л. 109.

зависели от получения стипендий и поддержки все тех же церковно-миссионерских организаций.

В Западной Африке число образованных (по меркам XIX столетия) африканцев намного превышало показатели других регионов. Ощутимо было влияние и африкано-американских репатриантов, попадавших сюда через Либерию и, позже, Сьерра-Леоне. Сказывалось и стремление колониальных властей наладить управление и контроль силами чиновников-африканцев, поскольку европейцев было не выгодно подолгу держать в регионе, особенно на средних и низовых должностях, из-за тяжелого климата и тропических болезней.

Помимо чиновников и представителей церковных кругов, в составе африканской интеллектуальной элиты второй половины XIX-начала XX в. необходимо учитывать сотрудников и авторов различных периодических изданий на европейских и африканских языках. Число таких популярных газет, альманахов и журналов насчитывало десятки к концу XIX в. и продолжило быстро расти в XX столетии.

Подобные источники и процессы формирования общественного сознания не были ограничены, как правило, территорией какой-то одной колонии. Включенность в громадные имперские владения, языки метрополий, объединявшие африканцев, принадлежавших изначально к разным культурным традициям, универсальность административных, культуртрегерских, образовательных задач и целей религиозно-нравственной пропаганды – всё это способствовало ускоренному осознанию образованными африканцами общности своих судеб. Вплоть до начала Первой мировой войны численность этой влиятельной прослойки, тем не менее, не превышала нескольких сотен человек для каждой из основных частей Черной Африки (Западная, Центральная, Восточная и Южная), хотя значимость вклада каждого региона в процесс становления и развития идейно-политических концепций сильно различалась.

Для интеллектуальной элиты рубежа XIX-XX вв., ретроспективно оценивающей историю континента на протяжении почти четырех предыдущих столетий, она чаще всего представлялась историей противостояния европейскому проникновению и завоеванию и окрашена ужасами работорговли. То, что африканская культура, самобытность сохранились и продолжали развиваться, немногочисленные «архитекторы» африканской общественно-политической мысли объясняли в первую очередь необыкновенными качествами «африканской личности».

Пионером такого подхода стал Эдвард Блайден (1832–1912 гг.). Выходец из Вест-Индии, он посвятил свою жизнь и энциклопедические знания служению Либерии и Африке в целом. Уже в 1860-е гг. он первым начал активную и убедительную пропаганду идеи «духовной деколонизации» африканцев. Призывал опираться в этом сложном процессе на помощь своих «братьев по расе» в африканской диаспоре. При этом Э. Блайден не считал предосудительной роль европейских цивилизаторов и высоко ценил влияние ислама, проникновение которого в Африку сплотило многие африканские народы и помогло в создании более совершенных властных и хозяйственных институтов. В своих многочисленных трудах Блайден пропагандировал «духовную деколонизацию», «исключительность африканской личности» и «расовую солидарность». Как бы ни интерпретировали их идеологи более поздних периодов, эти идеи никогда не были окрашены в тона расовой исключительности и не подразумевали искоренения европейского влияния в общественном сознании, повседневности или стратегии развития африканских народов.

Многие современники Блайдена, будучи связаны с деятельностью различных христианских религиозных организаций в Западной Африке или работая в учреждениях колониальной администрации, активно выступали за дальнейшую африканизацию церкви, усиление самобытности «африканской личности». Такие западноафриканские общественные

деятели, как Самюэль Кроутер (1806–1891), Джеймс Хортон (1835–1883), Джеймс Джонсон (1838–1917) начинали сомневаться в справедливости тех концепций европейской гуманитарной науки, которые акцентировали внимание на признаках «неразвитости» негроидной расы. Подобные сомнения культивировали чувства расовой солидарности у различных африканских народов, позволяя опираться на поддержку «братьев по расе» за пределами континента. Идеиные построения этого рода в отечественной африканистике принято называть «культурным национализмом», что не отражает сложности данного явления и не учитывает лежавшей в его основе расовой солидарности, которая начала по-настоящему доминировать в идейных течениях на континенте на следующем этапе.

Рубеж XIX–XX вв. и первые пятнадцать лет нового столетия стали периодом укрепления идеологии расовой солидарности. В 1900 г. в Лондоне прошла «Панафриканская конференция», созданная при поддержке общественно-политических организаций народов африканского происхождения. Термин «панафриканизм» вплоть до окончания Первой мировой войны останется лишь прилагательным, характеризующим скорее географический охват тех, к кому оказались обращены призывы выходцев с Африканского континента. Они ратовали за активизацию контактов между народами «черной расы», за ограничение вопиющих жестокостей колониального управления и нарушений имперских законов, за продвижение в «мир черных» достижений бурно развивавшегося научно-технического прогресса.

§ 26. Становление новых форм антиколониализма

Формы протеста, сложившиеся в период между двумя мировыми войнами, трудно поддаются изучению. До нас дошло мало сведений о них, а главное, в большинстве своем они носят как бы переходный характер. Их грани были размытыми из-за того, что процесс становления новых общественных сил шел медленно и постепенно. И все-таки уже в этот период социальная эволюция привела к появлению нового протеста, зачатков множества ранее неизвестных африканцам и поначалу довольно аморфных организационных форм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.